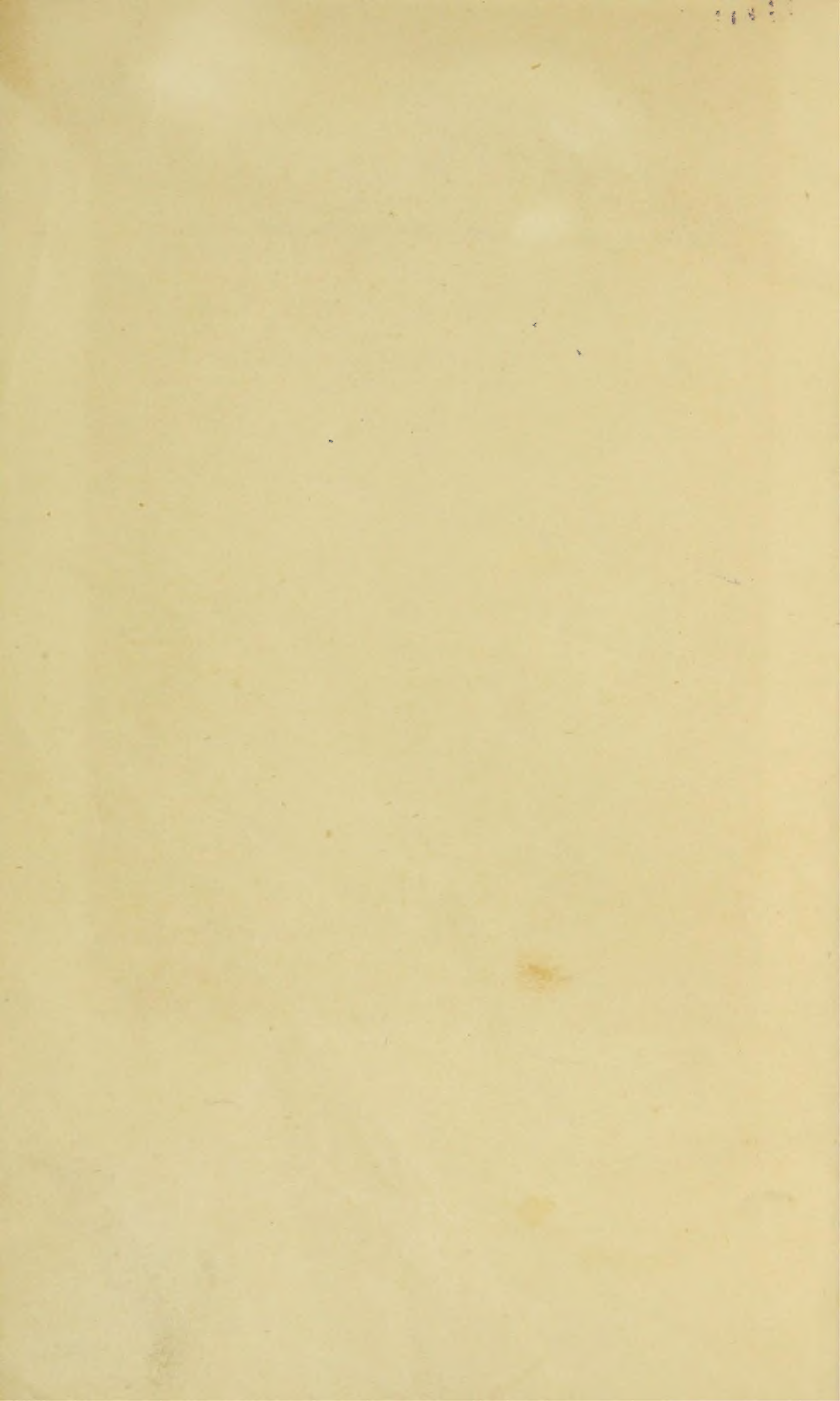


ОЧЕРКИ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

В. ВЕРЕЩАГИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

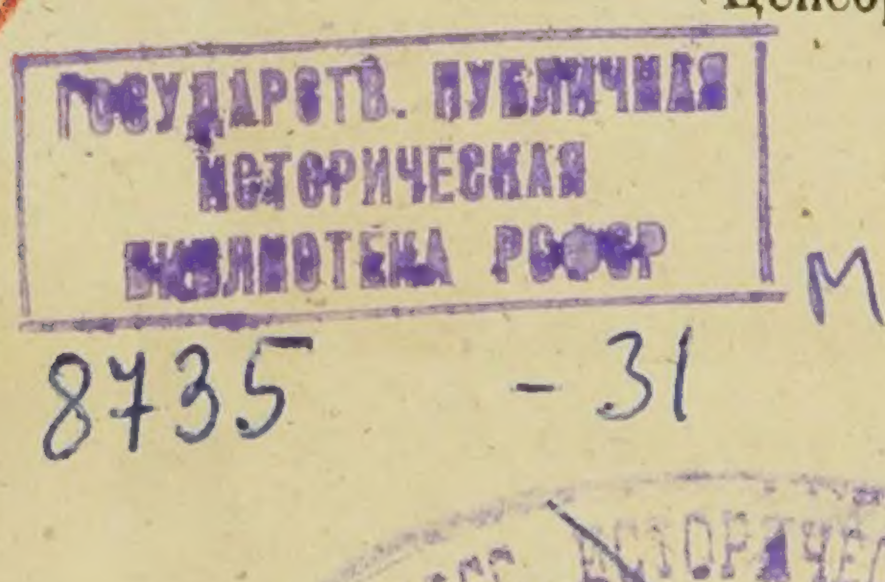
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.п.бургъ, декабря 19 дня 1848 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій.*



ОЧЕРКИ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всѣ мы, любезные читатели, должны любить свое отечество. Я знаю, что это вамъ давно уже извѣстно, потому что это предписано закономъ Божіимъ и закономъ гражданскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы любимъ тотъ домъ, въ которомъ родились и выросли, въ которомъ все напоминаетъ намъ веселыя минуты прошедшаго дѣтства; если мы такъ горячо привязаны къ родному городу, или роднымъ полямъ и людямъ, ко

торыхъ привыкли видѣть и съ которыми разстаться даже на время намъ бываетъ такъ горько, — то какъ же не любить цѣлаго отечества, которое есть домъ нашихъ домовъ, родина нашей собственной родины? Но это еще не все: главное состоитъ въ томъ, что надобно знать и умѣть, ка́къ именно должно любить свое отечество. Любовь наша къ отечеству должна быть истинная, т. е. такая, которая основывалась бы на здравомъ разсудкѣ, управлялась бы имъ и показывала бы намъ все, насъ окружающее, въ настоящемъ и дѣйствительномъ видѣ, не заслоняя ни дурнаго, а тѣмъ болѣе хорошаго. Такая-то любовь къ отечеству есть то, что обыкновенно называютъ истиннымъ патріотисмомъ. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не скажетъ, что онъ лучшій и совершеннѣйшій изъ всѣхъ людей, или, что онъ достигъ совершенства; нѣтъ, потому что оно не дано роду человѣческому. Мы только можемъ и должны стараться, какъ можно ближе подвигаться къ этому совершенству, и жизнію своею удостоиться въ вѣчности лицезрѣть высшее совершенство у подножія Его пре-

стола. Итакъ, если всякій человѣкъ отдѣльно имѣетъ какіе-нибудь недостатки, то они есть и у цѣлаго народа вообще. Истинный патріотисмъ не скрываетъ этихъ недостатковъ; напротивъ, онъ строго указываетъ на нихъ и научаетъ исправлять, — это есть цѣль патріотисма, цѣль благородная и великая! Для примѣра возьмемъ самихъ себя. Когда, по внутреннему голосу совѣсти, мы замѣчаемъ за собою какую-нибудь дурную наклонность, или, однимъ словомъ, какой-нибудь недостатокъ, то мы непремѣнно должны искоренить его, потому что, иначе, мы не получимъ счастія, котораго достигаемъ тогда лишь, когда строго слѣдимъ за всѣми своими мыслями и поступками, взвѣшиваемъ ихъ, удаляясь зла и упражняясь въ добрѣ и истинѣ. Такъ точно и благо цѣлаго народа зависитъ отъ искорененія всего, что препятствуетъ къ достиженію цѣли всякаго государства — благоденствію и счастію всѣхъ его членовъ. Достойнымъ сожалѣнія показался бы вамъ тотъ, кто вздумалъ бы утверждать, что онъ не знаетъ за собою ни одного недостатка, что онъ совершененъ во всѣхъ

отношеніяхъ. Таковы точно и всѣ тѣ, которые изъ неправильно-понятой любви къ своему отечеству видятъ во всемъ отечественномъ верхъ совершенства. Эта любовь есть то же патріотисмъ, но ложный, слѣпой и вредный. Положимъ, напримѣръ, что вы нарисовали какую-нибудь картину и показываете ее постороннимъ лицамъ, съ цѣлію узнать ихъ мнѣніе о вашемъ произведеніи. Но всѣ эти постороннія лица, изъ вѣжливости ли, изъ снисхожденія ли къ вамъ, или, просто, изъ равнодушія, согласно говорятъ вамъ, что въ вашей картинѣ нѣтъ ни одного недостатка, что она превосходна во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ваша картина далека отъ этого. Слѣдствія такой безусловной похвалы очень ясны: вы, по естественной причинѣ, увѣритесь, что ваше произведеніе дѣйствительно хорошо и, въ этой увѣренности, не будете уже стараться усовершенствовать себя, а слѣдовательно и новая картина, которую вы нарисуете, будетъ не лучше прежней. Итакъ, очень понятно, что безусловная похвала, которою вы были сначала такъ довольны, принесла вамъ прямой

вредъ, потому что она невольно заставила васъ смотрѣть на недостатки и ошибки ваши, какъ на достоинства; а самыя достоинства картины также для васъ закрыты, потому что они узнаются изъ сравненія съ недостатками. Этимъ похваламъ совершенно подобенъ ложный патріотисмъ, вредящій цѣлому народу. Вы легко поймете, что ложные патріоты не могутъ узнать ни рѣшительно-дурнаго, ни истинно-хорошаго; для нихъ все одинаково прекрасно и, въ ослѣпленіи своемъ, они восхваляютъ то, что̀ истинный патріотъ постарался бы истребить какъ препятствіе, мѣшающее совершенству и благу своего отечества. Убѣгайте этого ложнаго направленія и не дѣлайте изъ святаго чувства—истинной любви къ отечеству—хвастовства самолюбиваго и непростительнаго. Повторю еще разъ, что наша любовь къ отечеству должна основываться на здравомъ и просвѣщенномъ разумѣ и имѣть цѣлью общее благо и пользу; но заботиться только о самихъ себѣ мы не должны, потому что наша собственная польза и счастіе зависятъ отъ счастія всего отечества, т. е., если оно благоден-

ствуетъ,то непремѣнно благоденствуемъ и мы, какъ его дѣти. Можно ли быть веселу, когда печальны ваши родители?

Для каждаго изъ васъ, мои любезные читатели, настанетъ время, когда вы сдѣлаетесь дѣйствительными членами общества и будете жить въ немъ, такъ сказать, сами собою. Тогда откроется для вась обширное поприще дѣятельности; вашу жизнь и помышленія вы должны будете, по долгу совѣсти и по заповѣди Божіей, посвятить на то, чтобъ приносить для общества посильную пользу. Замѣтьте, что тотъ недостоинъ имени гражданина и сына отечества, кто презираетъ благородные труды и служеніе на пользу общую. Если вы, руководимые любовію къ отечеству, словомъ или дѣломъ, принесете пользу хотя самой малой части какого бы то ни было круга своихъ соотечественниковъ, то вы истинный патріотъ. Пусть польза, вами сдѣланная, будетъ и мала и не очень значительна; но и она не будетъ забыта Тѣмъ, Кто съ небесъ смотритъ на всѣ мысли и дѣла наши. Эгоистическая мысль о славѣ между людьми не должна быть нашею цѣлью, когда мы хо-

тимъ трудиться на пользу ближнихъ; мы должны думать о томъ, чтобъ дать «добрый отвѣтъ» Праведному Судіѣ, Который потребуетъ отчета за каждую минуту нашей жизни.

Хотите ли вы видѣть образецъ истиннаго патріота? — Смотрите на Петра Великаго. О, какъ горячо и истинно любилъ онъ Россію, и какъ ясно говорятъ намъ всѣ мысли и дѣла его объ этой любви безпримѣрной и неограниченной до самоотверженія! Но, чтобъ мы могли какъ можно больше быть полезными членами общества и чтобы самая польза была разнообразнѣе, а главное, чтобъ знать, гдѣ и какъ именно должны мы дѣйствовать, то мы должны заранѣе пріобрѣсть многія познанія и довести свое образованіе до той точки, до которой достигло общество: вотъ прямая и благородная причина необходимости учиться! Науки, просвѣщая нашъ умъ, даютъ намъ средства для полезныхъ дѣлъ; и вотъ почему въ цѣломъ ряду человѣческихъ знаній нѣтъ ни одного ненужнаго, ибо всѣ они ведутъ къ одной великой цѣли. Разумѣется, что не всѣ

науки пріобрѣтаются вдругъ; мы выбираемъ, что болѣе необходимо для насъ; но мы—Русскіе, и должны жить для Россіи. Скажите же, что всего нужнѣе Русскому, какъ не подробное знаніе любезнаго отечества? Увѣренный въ утвердительномъ вашемъ отвѣтѣ, я надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ прочесть нѣсколько замѣтокъ моихъ объ Архангельской губерніи и о жителяхъ ея.

Разверните карту Европейской Россіи и взгляните на Архангельскую губернію. Не правда ли, что васъ поражаютъ при этомъ взглядѣ двѣ особенности: во-первыхъ, самая огромность губерніи, служащей какъ-будто рамою всей сѣверной части Россіи, а во-вторыхъ, пустота или недостатокъ населенныхъ мѣстъ, что бросается въ глаза въ сравненіи съ остальною частью карты, испещренной до невозможности названіями городовъ. Вся Архангельская губернія раскинулась на пространствѣ почти 16,000 квадр. миль: въ цѣлой Европѣ нѣтъ ни одного государства, равнаго нашей губерніи по величинѣ. (Само собою разумѣется, что Россія здѣсь не въ счетъ). Если бъ, напримѣръ, къ пространству, зани-

маемому Франціею, прибавить Британскіе острова, то это равнялось бы Архангельской губерніи. Но тамъ тысячи городовъ, а здѣсь только восемь, если не считать деревень, пріютившихся по берегамъ моря и рѣкъ; тамъ милліоны жителей, а у насъ, на такомъ же пространствѣ, до 223,000 душъ. Въ нынѣшнее время, говоря вообще, сѣверъ Россіи хорошо извѣстенъ; но, при всемъ томъ, эта далекая страна возбуждаетъ въ душѣ какое-то особенное чувство ужаса, когда подумаешъ о непроходимыхъ и обширныхъ тундрахъ и лѣсахъ, покрывающихъ Архангельскую губернію, о Ледовитомъ океанѣ, плещущемъ въ берега ея, объ этой суровой природѣ, которая, кажется, хочетъ морозами и снѣгами закрыться отъ взоровъ любопытнаго изслѣдователя. Вы, вѣроятно, знакомы съ древнею географіею и потому знаете, что всѣ земли къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей у древнихъ Греческихъ историковъ и географовъ назывались общимъ и неопредѣленнымъ именемъ Скиѳіи и Сарматіи, или Савроматіи. Эти страны имъ были рѣшительно неизвѣстны; сѣверныя стра-

ны извѣстны были этимъ географамъ только до устья Танаиса, или Дона, т. е. до 48° сѣв. широты; а съ 25°, по ихъ мнѣнію, начинался уже холодный поясъ—царство вѣчнаго снѣга, тумановъ и мрака, потому что солнце не освѣщаетъ этой страны, населенной одноглазыми чудовищами; * далѣе, за этою Скиѳіею, по мнѣнію древнихъ, лежала другая Скиѳія — Гиперборейская, которую омывалъ Сѣверный, Скиѳскій, или Дускаледонскій океанъ. Итакъ, имя Гиперборейской Скиѳіи древнихъ принадлежитъ Архангельской губерніи. Но болѣе подробныя свѣдѣнія о сѣверной Россіи находимъ мы у Скандинавскихъ писателей, въ ихъ сагахъ. Скандинавы, или Норманны, были нашими сосѣдами. Разбойничая по всѣмъ морямъ Европейскимъ, они заѣзжали и въ Ледовитый океанъ, и первые познакомились съ обитателями глубокаго сѣвера. Изъ этихъ сагъ мы узнаемъ, что древніе и первобытные жители Европейской сѣверной Россіи бы-

* Такъ думалъ Геродотъ, знаменитый древній историкъ, прозванный отцомъ Исторіи. Онъ родился въ г. Галикарнассѣ, въ 484 году до Р. Х., или въ 4-мъ 73-й Олимпіады.

ли Финны, народы дикіе и грубые; что вся страна къ востоку, отъ Сѣверной Двины до Уральскихъ горъ, называлась *Біарміею*, а къ западу, до нынѣшней Финляндіи — *Киріаландіею;* * къ сѣверу отъ нея, по западнымъ берегамъ Бѣлаго моря, лежала *Каянія* (Женская земля). Въ миѳологіи Скандинавскій сѣверъ Россіи занималъ очень важное мѣсто, именно: восточный берегъ Бѣлаго моря назывался *Одинзакуромъ*, т. е. мѣстомъ, избраннымъ очами Одина, ** и *Глезисволлемъ* — янтарнымъ берегомъ; *** наконецъ, у горъ Уральскихъ находилась страна *Еттунгеймъ*, или *Рисаландія*, **** т. е. отчизна великановъ, колдуновъ и ужасовъ. Даже въ самыхъ лѣтописяхъ Шведскихъ уже позднѣйшаго времени находятся такіе историческіе факты, которыхъ нелѣпость видна съ перваго взгляда; такъ напримѣръ: одна

* Kireland — по-Норвежски значитъ «земля раздора» или «земля войны».

** Одинъ у Скандинавовъ былъ то же, что Магометъ у Аравитянъ.

*** Glesum — у Финновъ назывался янтарь; woll — значитъ берегъ, валъ.

**** Jette и Rise — значитъ великанъ, исполинъ.

такая лѣтопись говоритъ, что еще въ 10-мъ вѣкѣ, въ царствованіе Датскаго Короля Свенона I, было сдѣлано распредѣленіе границъ сѣверной Россіи съ Норвегіею; другіе историки Скандинавскіе расказываютъ, что въ первые годы нашей эры Россія славилась богатствами и оказывала важное политическое вліяніе на судьбу сосѣднихъ съ нею государствъ Европейскихъ; что въ 8-мъ вѣкѣ Датскій Король Регнеръ Лодброкъ покорилъ всю Россію съ Финляндіею и Біарміею. Какъ бы то ни было, но эти плоды досужаго вообраẓенія и неосновательности расказчиковъ, да и самыя миѳологическія повѣрья Скандинавовъ, наложили на весь сѣверъ Россіи какую-то таинственность, которой ужасъ еще увеличенъ былъ многочисленными сказками. Быстро разошлись эти сказки по всей Европѣ, и это нисколько не удивительно, потому что тогда даже великіе умы были покорными слугами предразсудковъ и грубаго суевѣрія; узнать же истину объ отдаленной странѣ никто не рѣшался, да и не могъ. Одинъ изъ замѣчательныхъ путешественни-

ковъ среднихъ вѣковъ, Марко-Поло, * говоритъ о сабакахъ величиною съ ословъ, на которыхъ ѣздятъ сѣверные жители. Въ этихъ собакахъ легко, однако жъ, узнать нашихъ сѣверныхъ оленей. Узнавъ мнѣнія иностранцевъ о сѣверѣ нашего отечества, любопытно знать о немъ мысли нашихъ предковъ. Но и у нихъ вся сѣверная полоса Россіи была совершенно неизвѣстнымъ предметомъ. Лѣтописцы первыхъ временъ Руси называли первобытныхъ обитателей Сѣвера или Чудью, т. е. чуднымъ, иноплеменнымъ народомъ, или «нѣмыми,» т. е. неумѣющими говорить по-Русски. По причинамъ, о которыхъ узнаемъ ниже, сѣверъ Россіи въ воображеніи нашихъ предковъ былъ страною по преимуществу волшебною. Первый нашъ лѣтописецъ Несторъ, говоря о сѣверныхъ жителяхъ, приводитъ расказъ Новгородца Юрія Тароговича, который посылалъ своего слугу въ

* Онъ былъ родомъ Венеціянецъ, жилъ въ 13-мъ вѣкѣ и первый познакомилъ Европу съ государствами Азіи, потому что 17 лѣтъ жилъ у Монгольскаго Хана Кублая, сына Темучинова. Поло ѣздилъ съ порученіями отъ Кублая въ отдаленныя части его владѣній и описалъ состояніе Китая, Японіи, Остъ-Индіи, Тибета, Абиссиніи и Мадагаскара.

Печерскую землю. * Слуга этотъ слышалъ отъ Югровъ, сосѣдей Самоѣдовъ, что на сѣверъ отъ Печоры, за Карскимъ моремъ (тогдашнимъ Лукоморьемъ), до самаго неба возвышаются горы; что за ними живетъ народъ, усиливающійся выйти изъ своего заключенія и уже успѣвшій продѣлать въ горѣ маленькое окошечко; если кто изъ пришельцевъ подойдетъ къ этому окну, то заключенные знаками просятъ у путешественника какого-нибудь орудія: топора, ножа и проч., и кто дастъ имъ требуемое, того щедро отдариваютъ дорогими мѣхами пушныхъ звѣрей. На этотъ расказъ Несторъ, основываясь на древнемъ преданіи Византійскомъ, отвѣчалъ Юрію, что этотъ неизвѣстный народъ, жившій прежде на Востокѣ въ *Солнечной странѣ*, загнанъ на Сѣверъ, за свои беззаконія, Александромъ Македонскимъ, и запертъ тамъ двумя сшедшимися горами, которыя помазаны какимъ-то составомъ «асагнитомъ» для того, чтобы заключенные не вышли, потому что этотъ составъ предохраняетъ гору отъ огня

* Такъ у Новгородцевъ называлась земля, лежащая при рѣкѣ Печорѣ.

и меча; но что, въ послѣднее время міра, этотъ народъ вырвется изъ странной темницы своей, нахлынетъ на всю вселенную и возвѣститъ послѣдній часъ ея. Это повѣрье укрѣпилось въ умахъ нашихъ предковъ, потому что, въ страшную эпоху нашествія Татаръ, они думали, что настала кончина свѣта, и что неизвѣстный дотолѣ народъ Монгольскій есть именно тотъ, который долженъ явиться въ послѣдній день. Подобныя сказанія находимъ мы о сѣверномъ краѣ и у другихъ лѣтописцевъ. Даже въ 15-мъ столѣтіи вѣрили, что тамъ живутъ люди, умирающіе въ началѣ зимы и оживающіе весною; что есть и такіе люди, у которыхъ лице на груди, покрытые шерстью, съ короткими ногами; * говорили еще о рыбахъ, похожихъ на людей, и множество другихъ басенъ; вѣрили, что волшебство и чародѣйство были главнымъ занятіемъ этихъ людей. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что Іоаннъ Грозный, въ 1584 году, велѣлъ собрать вол-

* Подъ этимъ, вѣроятно, разумѣлись Самоѣды, которыхъ наружность и одежда могли дать поводъ къ подобнымъ баснословнымъ описаніямъ.

шебниковъ и гадателей изъ Россіи и Лапландіи, чтобъ узнать отъ нихъ, что̀ предвѣщала явившаяся тогда комета. * Еще раньше этого, Іоаннъ также посылалъ за волшебниками къ берегамъ Ледовитаго моря. Мартинъ Беръ, описывая смерть Лжедимитрія I и упоминая о многихъ чудесахъ, случившихся съ убитымъ Самозванцемъ, говоритъ, что Москвитяне считали Лжедимитрія чернокнижникомъ, научившимся чародѣйству у Лапландцевъ. Ограничусь этими фактами, изъ которыхъ видно, какое сильное и продолжительное вліяніе оказывалъ сѣверъ Россіи на умы и домашнюю жизнь нашихъ предковъ. Что же касается до вопроса: почему именно сѣверу Россіи, преимущественно предъ другими странами, досталось на долю оказывать такое вліяніе? — то вы сами легко разрѣшите его, если сообразите слѣдующія обстоятельства: 1) Всѣ языческія народы, непросвѣщенные познаніемъ истиннаго Бога и неимѣвшіе понятія о царствіи небесномъ, помѣщали свои раи и преисподнія

* Этихъ астрологовъ собрано было до 60; они предсказали Іоанну смерть.

на землѣ и въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя въ ихъ время были никому неизвѣстны, ни для кого недоступны. Для древнихъ Грековъ, а потомъ для Скандинавовъ, во времена ихъ язычества, сѣверъ Россіи составлялъ именно такую неизвѣстную страну, гдѣ первые помѣстили своихъ блаженныхъ гипербореевъ, а послѣдніе—и царство великаго Одина, и царство ужасовъ природы. 2) Сѣверъ Россіи занятъ былъ дикими поколѣніями Финскаго племени; но эти народы такъ тихо и незамѣтно заняли пустую сѣверную страну, что и до сихъ поръ не рѣшено, когда именно совершилось это поселеніе; а самая жизнь этихъ народовъ была простымъ существованіемъ: они не жили жизнью историческою, т. е. не развивались, не совершенствовались и не произвели никакого вліянія на судьбу сосѣднихъ народовъ; по этому-то Исторія молчитъ о нихъ, и эта неизвѣстность была причиною тѣхъ безчисленныхъ сказокъ о жителяхъ Сѣвера, которыми восхищались легковѣрные. 3) Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно также, что не прошло и 2-хъ вѣковъ съ того времени, какъ самые

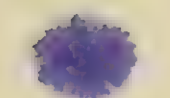
просвѣщенные Европейцы перестали вѣрить въ дѣйствительное существованіе чернокнижниковъ и колдуновъ; по этому не удивительно, что наши предки также вѣрили въ подобныя нелѣпости и считали Лопарей и Самоѣдовъ колдунами, обладавшими тайнами адскаго искусства. И это очень естественно, потому что эти полудикіе народы такъ рѣзко отличались отъ насъ и своими языческими обрядами, и наружнымъ видомъ, и образомъ жизни, что не могли не произвесть на насъ суевѣрнаго страха, увеличеннаго дополнительными баснями.

Теперь посмотримъ, какую важность и значеніе имѣла Архангельская губернія для цѣлаго отечества нашего въ историческомъ отношеніи. Велико было это значеніе. Но прежде, нежели разберемъ его съ подробностію, припомнимъ исторію завоеванія Сѣвера. Ее можно расказать въ нѣсколькихъ словахъ. Сперва Новгородцы проникли въ неизвѣстный Сѣверъ, въ 11-мъ вѣкѣ, и въ 13-мъ уже владѣли всѣмъ пространствомъ его, а потомъ Іоаннъ III, покоривъ Новгородъ, присоединилъ къ Московскому Княжеству и сѣверъ

Руси. Вотъ двѣ главныя черты политическихъ переворотовъ, испытанныхъ Архангельскою губерніею. Очень естественно, что они сопровождались жестокими битвами, въ которыхъ погибло много народу; но это въ порядкѣ вещей, къ тому же не имѣло важныхъ послѣдствій, а по этому нѣтъ нужды говорить о нихъ подробно. Не этою фактическою судьбою важна была для Россіи наша далекая губернія; все вліяніе ея было только торговое, т. е. она сперва *доставляла* матеріалы для торговли, а потомъ сама собирала ихъ и служила центромъ торговой дѣятельности цѣлой Россіи съ Европою. Изъ Исторіи вамъ извѣстно, почему именно развилась въ высшей степени торговля у Новгородцевъ. Торговля и независимость — были цѣлью великаго Новгорода, и сѣверъ Руси, завоеванный имъ, чрезвычайно много способствовалъ ему къ достиженію того и другаго. Громадность Новгородскихъ владѣній давала Новгороду матеріальный перевѣсъ надъ прочими, далеко не такъ обширными Княжествами, а дань, которую платили полудикія племена своимъ завоевателямъ, доставляла имъ огромныя бо-

слеръ, или, какъ называли его Двинскіе воеводы.—«Рыцертъ, посолъ Англяискихъ Нѣмцовъ,» явился къ Іоанну Грозному въ Москву, съ грамматою своего Короля, взятою имъ изъ Англіи, для заключенія торговыхъ и дружественныхъ договоровъ со всѣми государями, какихъ найдетъ Чэнслеръ въ дальнихъ странахъ. Вы уже знаете, какія были слѣдствія свиданія Іоанна съ Чэнслеромъ. Съ той поры Двинская земля развила свои промышленныя силы; иностранные корабли покрыли Бѣлое море, и Русь, благодаря этой странѣ, тѣснѣе знакомилась съ остальною Европою. Казна собирала пошлины, которыхъ количество составляло до 90,000 рублей въ годъ. Но, къ сожалѣнію, огромная масса выгодъ и пользы, которыя могла приносить эта торговля для насъ, доставалась иностранцамъ, для которыхъ Архангельскъ, а потомъ и всѣ города Россіи, были какъ-будто колоніями, или торговыми факторіями. Можно да-

витый океанъ, для отысканія пути въ Индію. Виллъуби съ двумя кораблями былъ затертъ льдами и замерзъ со всѣмъ экипажемъ, а Чэнслеръ счастливо достигъ Двинской губы.



же сказать, что тогда Архангельскъ и другія приморскія мѣста были центромъ торговли не Россіи, а Англичанъ съ Европою. Англичане скупали у Русскихъ всѣ ихъ товары и произведенія, а потомъ съ бо̀льшими барышами отсылали ихъ за границу, или продавали тѣмъ же Русскимъ. Этотъ родъ торговли, захваченной однимъ народомъ, называется монополіею. Причиною этой монополіи Англичанъ въ нашемъ отечествѣ были права и преимущества, данныя имъ Іоанномъ Грознымъ, по которымъ они не платили пошлинъ за покупку и продажу товаровъ. Такимъ образомъ шла торговля Двинской земли, если только, въ отношеніи къ намъ, можно назвать торговлею страдательную заготовку товаровъ. Но это обстоятельство произошло отъ причинъ очень естественныхъ: иностранцы были смѣтливѣе и искуснѣе насъ въ торговлѣ; они владѣли огромными капиталами, имѣли цѣлые флоты кораблей; у насъ же ничего не было. Конечно, у насъ тоже были суда; но первые наши Бѣломорскіе моряки плавали на нихъ только по родному своему морю, и не отваживались пускаться за пре-

дѣлы его къ какимъ-нибудь Нѣмцамъ, на что должны быть причины, — а этихъ-то причинъ не было. Итакъ, если вліяніе Архангельской губерніи и польза, принесенная ею отечеству, были неудовлетворительны, или, вѣрнѣе, не таковы, какими бы *могли быть*, то въ этомъ виновата не она, а время и обстоятельства. Нельзя забыть и того, что Архангельскъ былъ тогда для Россіи тѣмъ же, чѣмъ Петербургъ въ настоящее время.

Но пришло время и явился Петръ Великій. Проницательнымъ взоромъ окинулъ онъ обширное царство свое, и геній его предрекъ ему грядущее величіе Россіи. Надобно было положить начало и твердое основаніе этому величію. Тѣсная, безпрерывная связь Россіи съ Европою была такимъ основаніемъ. Но ничто такъ благодѣтельно и прочно не связываетъ народовъ, какъ торговыя сношенія, основанныя на взаимной выгодѣ и пользѣ; слѣдовательно Петру Великому надобно было завести торговлю, но торговлю обширную, въ которой участвовала бы вся Европа. Естественно, что для такихъ многообъемлющихъ торговыхъ сношеній на-

добны способныя для того мѣста. Въ то время у насъ Архангельскъ былъ единственнымъ торговымъ пунктомъ, но этого было слишкомъ мало для предначертаній Великаго, * и вотъ, по слову его, Россія ополчилась на Швецію и отняла у ней свои древнія владѣнія. На берегахъ Невы возникъ городъ, гдѣ Петръ, въ 1710 году, принимаетъ съ честію перваго прибывшаго туда Голландскаго корабельщика. Съ тѣхъ поръ прежняя значительность Архангельска исчезла; онъ отжилъ свой вѣкъ, сдѣлавъ то, къ чему былъ предназначенъ. Новое время и новыя потребности отечества требовали и новыхъ слугъ. Но и предъ концемъ своей блестящей жизни много услугъ оказалъ для Россіи Архангельскъ: чрезъ него шли изъ-за границы всѣ матеріялы, нужные Петру для войны его со Шведами, для фабрикъ и мануфактуръ, которыя онъ учреждалъ. Здѣсь же, на водахъ Бѣлаго моря, явился *первый* Русскій линѣйный корабль. ** Замѣчательно, что на на-

* Петръ Великій три раза посѣщалъ Архангельскую губернію и, изучивъ ее, убѣдился, что ея географическое положеніе не соотвѣтствовало его планамъ.

** Этотъ корабль былъ построенъ въ Амстердамѣ и сосланъ въ Бѣлое море. Имя его было Св Петръ и Павелъ.

шемъ сѣверѣ много было «перваго». Бѣломорскіе жители были *первыми* Русскими мореходцами; въ 1491 г. открыта была въ Архангельской губерніи мѣдная и серебряная руда, которыхъ добываніемъ и обработкою занимались въ *первый* разъ; корабль, выстроенный въ Архангельскѣ, спущенный на воду Петромъ и имъ самимъ оснащенный, въ *первый* разъ поднялъ новый Русскій флагъ; * въ 1701 году мы одержали надъ Шведами *первую* морскую побѣду, когда флотъ ихъ зашелъ въ устье Двины. И-такъ, съ пріобрѣтеніемъ Балтійскаго моря, Архангельскъ потерялъ всю свою значительность; жители всей губерніи обѣднѣли; все разстроилось. Но не подумайте, чтобъ этого хотѣлъ Петръ Великій. Вовсе нѣтъ. Правда, онъ стѣснилъ торговлю заграничную, чтобъ привлечь иностранныхъ и Русскихъ купцовъ въ Петербургъ, но, взамѣнъ того, хотѣлъ развить промыслы въ Архангельской губерніи, и этимъ дать средства къ обогащенію жителей: богатства

* Нашъ купеческій флагъ состоитъ изъ 3-хъ разноцвѣтныхъ, горизонтальныхъ полосъ: бѣлой, синей и красной. Онъ составленъ изъ Голландскаго, состоящаго изъ синей, бѣлой и красной. Французскій флагъ подобенъ этому, только эти полосы расположены вертикально.

моря и лѣсовъ были неистощимы. Но тѣ, которымъ поручено было заботиться объ исполненіи этого плана, заботились только о себѣ, и такимъ образомъ разрушили благія желанія Царя, по кончинѣ котораго, до Екатерины II, объ Архангельскѣ совсѣмъ бы забыли, еслибъ не приходили въ Петербургъ военные корабли, которые строились почти каждый годъ на Архангельской верфи. Всѣхъ кораблей, высланныхъ оттуда съ 1725 года до нынѣшняго времени, было до 250. Императрица Екатерина II снова оживила Архангельскую губернію, даровавъ многія льготы и выгоды для тамошняго купечества. Но уже эта губернія не достигла и не достигнетъ въ торговомъ отношеніи прежняго своего значенія. Препятствіемъ этому служитъ отдаленность Архангельска; ибо корабль Англійскій, Французскій, Голландскій, можетъ приходить туда только по одному разу, употребляя на поѣздку 2 и 3 мѣсяца; самыя же внутреннія сообщенія съ Россіею очень трудны и неудобны для безпрерывнаго подвоза товаровъ. Въ настоящее время Архангельская губернія не можетъ уже считать заграничную

торговлю главною своею цѣлью; но всю свою дѣятельность она должна обратить на распространеніе и усовершенствованіе промышлености. Какія богатства хранятся въ ея морѣ и океанѣ, въ лѣсахъ, озерахъ, рѣкахъ и нѣдрахъ земли, — богатства, ожидающія только искусной руки, которая съумѣла бы извлечь ихъ и, обогативъ жителей, принесла бы пользу для цѣлаго отечества! Всего должно ожидать отъ благости Божіей, которая, просвѣтляя разумъ людей свѣтомъ истиннаго просвѣщенія, даетъ имъ способы къ устроенію своего благоденствія. Ледовитый океанъ и Бѣлое море, способствуя промысламъ, могутъ и должны содѣйствовать къ достиженію другой, высшей цѣли: придетъ время, когда Русскіе корабли, управляемые Русскими шкиперами, побѣгутъ во всѣ порты Земнаго Шара. Часть этихъ шкиперовъ будетъ учениками Бѣлаго Моря. Это — предположеніе; но, рано или поздно, оно сбудется, потому-что въ Архангельскѣ и Кеми основаны мореходныя школы, которыхъ молодые воспитанники учатся мореходству, по правиламъ науки на бурныхъ водахъ моря, которое нѣкогда

учило тому же Петра Великаго. Эти школы, пока еще только—начало, которое положено мудрымъ правительствомъ для великой цѣли. Распространеніе и значеніе этихъ школъ зависитъ отъ времени, потому-что ничто важное не развивается вдругъ. Многими примѣрами могъ бы я доказать вамъ, что усилія людей побѣждаютъ природу, т. е. что страны холодныя, неприступныя и пустынныя, становятся очень удобными для жизни. Обработка почвы, изсушеніе болотъ и проч. перемѣняютъ воздухъ изъ холоднаго въ благорастворенный, обработанная земля производитъ растенія, о которыхъ прежде нельзя было и думать. Но подобныя измѣненія не вездѣ могутъ существовать. Есть страны, которыхъ природа не поддается усиліямъ людей, какъ бы они ни старались. Такою же недоступною страною можно считать весь сѣверъ Архангельской губерніи; но жалѣть объ этомъ нечего. Пусть волны Ледовитаго океана буйно плещутъ въ берега ея; пусть эти берега заносятся глубокими снѣгами; пусть густые туманы и страшныя метели царствуютъ въ этой странѣ,—за то никто съ враждебными намѣ-

реніями не перейдетъ за эту черту, или, вѣрнѣе, за эту крѣпость, дарованную намъ Богомъ, ограждающимъ своею десницею всѣ предѣлы нашего отечества. Надѣюсь, мои любезные читатели, что все, мною сказанное, можетъ дать вамъ понятіе о томъ, какое мѣсто занимала Архангельская губернія въ кругу другихъ провинцій нашего отечества, и что значитъ она для него теперь. Но этого еще мало для васъ, а потому я намѣренъ въ слѣдующій разъ поговорить съ вами о многихъ любопытныхъ предметахъ, которыми богата эта страна, незнакомая для большей части изъ васъ.

Въ прошлый разъ я обѣщался знакомить васъ съ Архангельскою губерніею; теперь, исполняя это обѣщаніе, я прошу вашего вниманія. На этотъ разъ разсмотримъ одну часть Архангельской губерніи — Русскую Лапландію, или Кольскій полуостровъ.

Вы знаете уже, изъ учебныхъ книгъ, географическое положеніе Лапландіи, знаете также и единообразныя, короткія замѣтки этихъ книгъ о суровости ея климата, дикости природы и такого же состоянія жителей; но если вы, основываясь на этихъ общихъ,

ничего не объясняющихъ замѣткахъ, не шутя подумаете, что жизнь Лапландцевъ, или и другихъ сѣверныхъ обитателей, есть одно страданіе, то вы очень ошибетесь. Вспомните, что Богъ всегда печется о людяхъ; что гдѣ бы ни былъ человѣкъ, онъ, по благости Божіей, найдетъ средства къ благополучію. Это благополучіе, разумѣется, всякой понимаетъ по-своему, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ для всѣхъ народовъ, во всѣхъ климатахъ. И Лопарь бываетъ веселъ и счастливъ, и ему, какъ и всѣмъ другимъ, дорога́ жизнь, данная ему Богомъ. А что онъ веселъ и счастливъ не отъ того же, что̀ дѣлаетъ счастливыми насъ, то это не его вина, при томъ же, какъ справедливо говоритъ одна Латинская пословица — de gustibus non est disputandum.

Раньше я замѣтилъ вамъ, что весь сѣверъ Европейской Россіи былъ нѣкогда занятъ великимъ Финскимъ племенемъ. Лопари, безъ всякаго сомнѣнія, суть остатки этихъ Финновъ, такъ же, какъ южные сосѣди ихъ Кореляки или Корелы, и Зыряне, живущіе на юго-востокѣ Архангельской губерніи.

Когда Новгородцы пришли къ Бѣлому морю и поселились въ прибрежьяхъ его, то этимъ они раздѣлили Финское племя на двѣ части: племя западной части все отходило и распространялось на сѣверо-западъ, по мѣрѣ того, какъ Русскіе расширяли свои владѣнія. И по этому неудивительно, что мы находимъ Лопарей и Кореловъ какъ бы заброшенными на край земли, въ западной части Архангельской губерніи, а другихъ единоплеменниковъ ихъ далеко въ восточной. Всѣ эти Финскія поколѣнія далеко не походятъ другъ на друга ни образомъ жизни, ни обычаями; теперь даже исчезаетъ у нихъ общій для всѣхъ Финновъ характеръ, а прежній природный языкъ ихъ уступаетъ мѣсто Русскому. Но, не смотря на это, еще на долго останется неизмѣненнымъ наружный видъ жизни этихъ племенъ, хотя жизнь внутренняя можетъ измѣниться къ лучшему. Тамъ, гдѣ природа властвуетъ надъ человѣкомъ, онъ долженъ ее слушаться; а порядокъ природы вѣченъ и неизмѣненъ, слѣдовательно и внѣшняя жизнь человѣка должна быть однообразна. Такова именно и жизнь

нашихъ Лапландцевъ. Вы, читатели, какъ люди образованные, подъ общимъ словомъ *жизнь* должны понимать двѣ очень различныя вещи, т. е. существованіе физическое, касающееся только до нашего тѣла, и другое существованіе, душевное, умственное и нравственное. Второе, разумѣется, важнѣе перваго; мы должны жить для жизни души, а не для того, чтобъ удовлетворять только свой голодъ или жажду. Для человѣка истинно-просвѣщеннаго ничто не можетъ быть отраднѣе, какъ обогащеніе ума наукою и возвышеніе души его до яснаго пониманія глубокихъ Божественныхъ истинъ. Это-то и есть жизнь въ высшемъ ея значеніи. «Размышляю, слѣдовательно живу» — сказалъ одинъ философъ. Но не такова жизнь Лопаря, какъ человѣка еще почти полудикаго. Умственныя познанія Лопаря ограниченны и ничтожны, и всю силу своего ума онъ напрягаетъ для того, чтобъ перехитрить какого-нибудь звѣря, за которымъ онъ охотится; вся забота Лопаря состоитъ въ томъ, чтобъ добыть себѣ насущный хлѣбъ, а это можно сдѣлать только посредствомъ труда безпре-

рывнаго и тяжкаго. Богъ далъ Лопарямъ душу, одаренную прекрасными свойствами; но эти свойства еще скрываются подъ грубою оболочкою, какъ алмазъ въ корѣ; будемъ желать и надѣяться, чтобъ время и благонамѣренные люди сняли эту грубую кору; а теперь посмотримъ на настоящую жизнь Лопарей, т. е. на средства ихъ для поддержанія своего существованія. Но напередъ надобно бросить взглядъ на самую землю, носящую Лопарей, чтобъ потомъ ясно и отчетливо понять все, что я скажу о жизни этого народа.

Все пространство земли, обитаемой Русскими Лопарями, представляетъ полуостровъ, обмываемый съ сѣвера Ледовитымъ океаномъ, съ востока Бѣлымъ моремъ, а съ юга Кандалакшскою губою; наконецъ съ запада примыкаетъ онъ къ Великому Княжеству Финляндскому и Норвегіи. Грунтъ земли — крупнозернистый гранитъ, покрытый въ иныхъ мѣстахъ пескомъ. Самая же поверхность Лапландіи весьма гориста. Горы, извѣстныя подъ именемъ Скандинавскихъ, выходя изъ Норвегіи, направляются къ югу,

тянутся по западной границѣ нашей Лапландіи къ берегамъ Бѣлаго моря и пускаютъ отпрыски въ Лапландію около Кандалакшскаго залива. Эти кряжи горъ почти безпрерывною каймою возвышаются по берегамъ Лапландіи: Терскому и Мурманскому. Но что̀ это за горы? Это не тѣ, которыя, кажется, манятъ къ себѣ очарованнаго путешественника, обѣщая ему прекрасный видъ окрестностей; нѣтъ, — Лапландскія горы ничто другое, какъ массы гранита, взгроможденныя одна на другую; изрѣдка пробивается на нихъ травка, да кое-гдѣ одиноко растетъ низенькая береза, или сосна, почти лишенная вѣтвей съ сѣверной стороны. Видъ на окружающія окрестности съ этихъ горъ, возвышающихся иногда до 60 сажень, не веселитъ сердца зрителя: все вокругъ пустынно и дико. Конечно, и съ этихъ скалъ видны бываютъ картины, поражающія душу своимъ ужасающимъ величіемъ: то огромное озеро буйно плещется въ берегахъ своихъ, а сильный вѣтеръ свищетъ и реветъ между ущельями скалъ; то съ береговыхъ горъ представляется или море, или безпре-

дѣльный океанъ. Но это безпрерывное однообразіе, это отсутствіе всякаго признака жизни скоро наводятъ на зрителя какое-то чувство и ужаса и грусти. Растительность Кольскаго полуострова не такъ бѣдна, какъ можно думать по географическому его положенію. Здѣсь есть даже большіе лѣса, состоящіе изъ сосны, березы и частію ели; много ягодъ, между которыми морошка кажется настоящей царицею. На югѣ нашей Лапландіи лѣсъ вообще довольно хорошъ, и деревья достигаютъ полнаго развитія; но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ мельче и ничтожнѣе становятся лѣса. Земля, какъ бы въ замѣнъ того, что не можетъ украсить себя пышными цвѣтами и густолиственными деревьями, покрылась мхомъ, который застилаетъ всю Лапландію. Изъ породы этихъ мховъ замѣчателенъ бѣлый Исландскій мохъ, или ягель, какъ здѣсь его называютъ, служащій пищею оленямъ. Природа щедро надѣлила Лапландію водою: не говоря уже о морскихъ водахъ, съ трехъ сторонъ ее окружающихъ, — сколько въ ней рѣчекъ и особенно озеръ! Послѣднихъ въ Кольскомъ

уѣздѣ, занимающемъ всю нашу Лапландію, насчитываютъ до 700. Самыя обширныя изъ этихъ озеръ суть: Имандра (90 верстъ въ длину и 40 въ ширину), Нуотъ-озеро, Конбо, Пяво, Ковдо. Вода этихъ озеръ чрезвычайно чиста; тысячи крошечныхъ островковъ разбросаны по озерамъ, въ которыхъ водится прекрасная рыба. Озера эти или соединяются между собою рѣчками, или служатъ обильными запасами воды для рѣкъ, вытекающихъ въ море и океанъ. Изъ этихъ рѣкъ самыя значительныя: Пазъ, Ворьема, Печеньга, Бомени, Тулома и Кола, Ерньшная, Іоканка, текущія въ океанъ, а въ Бѣлое море: Поной, Пулонга, Сосновка, Варзуга. Всѣ вообще здѣшнія рѣки замѣчательны быстротою своего теченія и довольно-великолѣпными порогами, съ которыхъ вода падаетъ пѣнясь и клокоча. Рѣдкая изъ нихъ безъ пороговъ; на всякой почти рѣкѣ выглядываютъ эти камни, между которыми шумно струится вода, и гдѣ опасно бываетъ переплывать даже на самой легкой лодкѣ. По причинѣ этихъ преградъ, суда не могутъ ходить по здѣшнимъ рѣкамъ и останавли-

ваются въ устьяхъ, гдѣ рѣки, какъ будто отдыхая послѣ трудныхъ битвъ съ гранитными порогами, текутъ плавно и спокойно, готовясь умереть въ бездонной пучинѣ моря. Подобно озерамъ, рѣки также обильно наполнены рыбами. Изъ этого мы видимъ, что наша Лапландія чрезвычайно богата однимъ классомъ животнаго царства — рыбою, потому что эта рыба наполняетъ и рѣки, и безчисленныя озера, и, что еще важнѣе, — океанъ и море. Смотря на такое изобиліе рыбы, можно сказать, что она одна можетъ доставить человѣку не только пропитаніе, но и благосостояніе, если бъ даже Лапландія была лишена всѣхъ прочихъ даровъ природы. Но Господь благъ: Онъ не удовольствовался однимъ даромъ; Ему угодно было надѣлить и эту полярную страну множествомъ другихъ сокровищъ, чтобъ человѣкъ, тутъ живущій, не роптал̃ъ на Него, а благословлялъ, видя какъ для него заботилась всесозидающая десница Божія. Разсмотримъ же эти дары Лапландской природы. Не даромъ выросли тамъ лѣса, не даромъ ползучій, вѣтвистый мохъ покрываетъ землю. Всѣ

произведенія природы, даже противоположныхъ царствъ ея, такъ тѣсно связаны между собою, что одно безъ другаго существовать не можетъ: и лѣса Лапландіи, даже самые ничтожные изъ нихъ, кромѣ общей пользы своей для человѣка, служатъ жилищемъ для пушныхъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, лисицъ, россомахъ, горностаевъ и оленей. Эти послѣднія животныя служатъ лучшимъ украшеніемъ сѣверныхъ странъ; онѣ — надежда и утѣшеніе для туземныхъ жителей. Можно сказать, что безъ оленя человѣкъ не могъ бы существовать въ этихъ дикихъ пустыняхъ, большую часть года покрытыхъ глубокими снѣгами. Огромными, безчисленными стадами пасятся эти олени по тундрамъ * Лапландіи; нашедши себѣ привольное мѣстечко, гдѣ растетъ ягель, все стадо спокойно пасется, пока не истребитъ всего корма, а потомъ отправляется далѣе. Здѣшніе олени довольно рослы и одарены физическою силою: рога широкія, копыта и мускулистыя ноги даютъ имъ надежныя

* Тундрою вообще называется пространство земли, покрытое мхами.

средства къ защитѣ; но, при всемъ этомъ, они чрезвычайно пугливы и робки. Появленія человѣка довольно, чтобъ встревожить огромнѣйшее стадо дикихъ оленей, спокойно бродящихъ по тундрѣ: тогда, лишь только первые два-три испугавшіеся оленя шарахнутся въ сторону, какъ вдругъ, мгновенно, бросается цѣлое стадо; вихремъ несется оно по обширной пустынѣ и колеблетъ тундры своею тяжестію, такъ, что для непривычнаго странника это колебаніе кажется дѣйствительнымъ землетрясеніемъ. Ослѣпленное страхомъ, стадо не смотритъ на препятствія въ бѣгствѣ своемъ. Встрѣтится ли болото, — олени несутся и по нему, не обращая вниманія на тѣхъ, которые имѣли несчастіе увязнуть въ немъ; быстрая-ли рѣка или озеро пересѣкаютъ путь, — олени, ловкіе пловцы, бросаются въ воду, по которой быстро плывутъ тысячи головъ съ вѣтвистыми рогами, фыркая и вспѣнивая воду. Наконецъ, усталость заставляетъ забыть страхъ, и стадо располагается на отдыхъ, до новой тревоги. Самый постоянный, непримиримый и опаснѣйшій непріятель оленя есть волкъ. Вол-

ковъ на сѣверѣ вообще чрезвычайно много. Обладая хитростью и силою, волкъ ловко бросается на несчастнаго оленя, хватаетъ его за горло и душитъ. Это убійство, видно, одно изъ волчьихъ забавъ; потому что, задушивъ одного оленя, волкъ съ тѣмъ же намѣреніемъ подкрадывается и къ другому, хотя для утоленія своей прожорливости ему было бы слишкомъ довольно одной первой жертвы. Особенно много опустошеній въ оленьихъ стадахъ производятъ волки въ извѣстныя времена года, когда они гурьбой отправляются путешествовать по цѣлой Лапландіи. Не очень пріятно наткнуться на подобную ватагу волковъ, которыхъ глаза, кажется, горятъ алчностью. Хотя волки боятся человѣка и хотя при крикахъ, которыми ихъ пугаютъ, они удаляются, но все-таки, по привычкѣ, косо и завистливо поглядываютъ на дрожащихъ отъ страха оленей, которые везутъ проѣзжихъ. Кромѣ волковъ, грозящихъ оленямъ смертью, есть еще у нихъ и другіе враги, ничтожные сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе несносные: это — оводы, насѣкомые съ очень сильнымъ жа-

ломъ. Можетъ быть вамъ случалось испытать на себѣ нападеніе комаровъ на ваше лицо или руки; тогда вы теряли присутствіе духа и рѣшительно выходили изъ терпѣнія, какъ ни отмахивались отъ этихъ навязчивыхъ и несносныхъ насѣкомыхъ. Пожалѣйте же о бѣдныхъ оленяхъ, которыхъ безнаказанно жалятъ оводы; они глубоко впиваются жаломъ своимъ въ тѣло оленя, который, имѣя коротенькій хвостъ, не можетъ сгонать ихъ и долженъ терпѣть ужаснѣйшія мученія. Я потому раскызываю такъ подробно о несчастіяхъ оленя, что это благородное животное глубокаго сѣвера заслуживаетъ и имѣетъ полное право на наше участіе и состраданіе, по той неоцѣнимой пользѣ, которую приноситъ оно туземнымъ жителямъ, и о которой я раскажу въ послѣдствіи. Теперь остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ животныхъ Лапландіи. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ ея водятся бобры и выдры, которыми въ прежнія времена Лопари уплачивали свою дань. Здѣсь есть также и зайцы, но ихъ однако жъ не много. Пустынная, малонаселенная Лапландія служитъ спокойнымъ, ничѣмъ

невозмущаемымъ пристанищемъ для огромныхъ стай всякаго рода дикихъ птицъ. Въ извѣстныя времена года, то длинная вереница гусей плавно несется по воздуху, то съ озера поднимется стадо утокъ, съ легкимъ свистомъ быстро машетъ оно крылушками, промелькнетъ какъ стрѣла, исчезнетъ — и только легкій шумъ, послышавшійся съ дальняго озерка, даетъ знать, что тамъ расположилось утиное стадо. Одинокія чайки, расширивъ крылья, кружатся надъ рѣками и озерами, зорко высматриваютъ свою добычу и, завидя неосторожную рыбку, падаютъ какъ молнія и схватываютъ жертву. А тамъ, на берегахъ океана и моря, раздаются крики гагаръ. Зимою огромныя массы куропатокъ покрываютъ Лапландскія скалы, или, разбѣжавшись по лѣсу, отыскиваютъ кое-какихъ зернышекъ; надъ ними же, въ вышинѣ, неподвижною точкою, какъ будто виситъ на воздухѣ хищный ястребъ, готовый опуститься въ одно мгновеніе. Лапландія, или вѣрнѣе, берега ея Терскій и Мурманскій въ древнія времена славились ловлею хищныхъ птицъ: соколовъ, кречетовъ,

ястребовъ и челиговъ. * Огромныя стаи этихъ птицъ витали по морскимъ берегамъ и на островахъ, вблизи ихъ находящихся. Но,—спросятъ, можетъ-быть, нѣкоторые изъ моихъ читателей, — зачѣмъ же ловить такихъ птицъ, которыя не употребляются въ пищу? Причину этого я объясню сейчасъ. Въ прежнія времена самымъ любимымъ увеселеніемъ Европейскихъ Государей была охота, которая служила нѣкоторымъ подобіемъ войны. И, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то воинственное и увлекательное въ этихъ звукахъ охотничьихъ роговъ, раздающихся по лѣсу, въ лаѣ собакъ, несущихся за звѣремъ, въ ржаніи лошадей, на которыхъ стремглавъ скачутъ охотники со своими странными криками: все это увлекаетъ какъ-бы невольно, не говоря о трагическихъ битвахъ съ какимъ-нибудь кабаномъ, или медвѣдемъ.

* Челигъ — тоже кречетъ, только еще молодой, еще не излинявшій. Всѣ вообще молодыя такого рода птицы называются *молодиками;* тѣ же, которыя уже вывели дѣтей и, слѣдовательно, пойманныя въ зрѣломъ возрастѣ, называются *дикомытами;* онѣ, разумѣется, на охотѣ сильнѣе и проворнѣе молодиковъ. Нынѣ соколовъ не встрѣчается въ Лапландіи, но старожилы увѣряютъ, что они прежде водились, и доказательствомъ этого служитъ то, что въ 7 верстахъ отъ Колы есть одна гора, называемая Сокольею-Варакою.

По этой грубой травлѣ дикихъ звѣрей предпочитали ловлю птицъ, помощію соколовъ, ястребовъ и кречетовъ. Такая охота называлась *соколиною;* она была гораздо благороднѣе звѣриной, ибо не представляла того отвратительнаго кровопролитія, какъ послѣдняя, и не была такъ опасна. Къ тому же, соколы и кречеты были рѣдки и дороги, и по этому соколиная охота была забавою однихъ только государей и придворныхъ. Наши Русскіе Цари особенно любили развлекать себя соколиною охотою послѣ трудовъ правленія. Они учредили особенное сословіе *сокольниковъ,* которыхъ обязанностію было учить дикихъ птицъ ловлѣ, надзирать за ними,—однимъ словомъ, сокольники должны были заботиться обо всемъ, что касалось до соколиной охоты. Кромѣ собственнаго употребленія, наши Цари отсылали въ подарокъ иностраннымъ Государямъ множество этихъ ловчихъ птицъ. Итакъ надѣюсь, что теперь вамъ ясно и понятно, почему необходима была ловля дикихъ и хищныхъ птицъ. По договорамъ съ Новгородцами, Великіе Князья Русскіе имѣли право ловить

птицъ для соколиной охоты на Терскомъ берегу Лапландіи; но потомъ, когда весь сѣверъ присоединенъ былъ къ государству Московскому, для ловли этой посылались каждый годъ особые отряды (ватаги) промышленниковъ (помытчиковъ) на берега Бѣлаго моря и на сѣверный Лапландскій берегъ — Мурманскій. Помытчики и суда ихъ отправлялись на казенный счетъ; въ каждое лѣто должно было наловить опредѣленное число птицъ; если же не доставало, то съ помытчиковъ * брали штрафъ. Пойманныхъ птицъ чрезвычайно осторожно и бережливо перевозили изъ Архангельска въ Москву, обыкновенно зимою въ саняхъ, нарочно для этого сдѣланныхъ. Промыслъ этихъ птицъ былъ распространенъ вездѣ, гдѣ только онѣ водились; изъ этого видно, какъ любима была соколиная охота, и какъ цѣнны были нужныя для ней птицы, для поимки которыхъ не жалѣли значительныхъ суммъ. Ловля эта, начавшаяся въ первое время существованія Руси, прекратилась съ

* Помытчики выбирались изъ крестьянъ; но они освобождены были отъ разныхъ повинностей, и получали отъ казны жалованье.

кончиною Екатерины II, когда соколиная охота отжила свой вѣкъ.

Что же касается до климата Лапландіи, то онъ въ ней не вездѣ одинаковъ. Зимою обыкновенно бываетъ гораздо холоднѣе внутри Лапландіи, чѣмъ на морскихъ берегахъ ея, потому что испаренія моря и океана, дѣлая воздухъ сырымъ и влажнымъ, очень значительно уничтожаютъ силу морозовъ. Но эти же испаренія, во время лѣта, препятствуютъ дѣйствію лучей солнечныхъ, такъ что лѣто существуетъ тамъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ это осень, сырая, дождливая и холодная; внутри же Лапландіи лѣтомъ выдаются иногда дни, которые, какъ-будто по ошибкѣ природы, занесены сюда изъ далекихъ странъ теплаго пояса. Довольно часто гремитъ громъ, особенно въ мѣстахъ гористыхъ. Но подобную роскошь не очень любитъ Лапландская природа: пройдетъ какихъ-нибудь два-три утѣшительныхъ дня — и вдругъ снова загудитъ холодный вѣтеръ, Богъ-знаетъ откуда набѣжитъ туманъ, обладающій въ одно время свойствами и сильной стужи и проливнаго дождя. Сѣ-

веръ по-прежнему становится сѣверомъ. За то въ его холодныхъ объятіяхъ безопасна жизнь человѣка и животнаго; они могутъ свободно вдыхать въ себя свѣжій воздухъ, въ которомъ нѣтъ мѣста для вредныхъ и тлетворныхъ частицъ или міазмовъ, какъ это бываетъ на югѣ, гдѣ чумныя заразы и смертоносные вѣтры опустошаютъ города и деревни. Два явленія — принадлежность полярныхъ странъ — особенно удивляютъ насъ: это полярные дни и ночи. На сѣверѣ Лапландіи отъ 12-го Мая до 9-го Іюля солнце не закатывается, нѣтъ ни сумерекъ, ни ночи. 57 разъ прокружится солнце выше горизонта, потомъ, понижаясь все болѣе и болѣе, кончаетъ тѣмъ, что уже вовсе не показывается: тогда наступаетъ полярная ночь, которая продолжается 50 слишкомъ дней, т. е. съ половины Ноября до 5-го Января, когда снова начнетъ мало-по-малу показываться солнце. Но я долженъ сказать нѣсколько словъ, чтобъ вы могли имѣть вѣрное понятіе о полярной ночи. Многіе подъ этимъ именемъ разумѣютъ совершенное отсутствіе свѣта, т. е. глубокій мракъ и

темноту; но это большая ошибка: никакая ночь, даже въ глубокую осень, собственно говоря, не бываетъ такъ темна, чтобъ нельзя было отличить и разпознать большихъ предметовъ; есть все-таки хотя небольшая частица свѣта, который достигается посредствомъ отраженія. Полярная ночь совсѣмъ не такъ темна, какъ воображаютъ: во-первыхъ потому, что бѣлизна снѣга, покрывающаго землю, очень способствуетъ отраженію свѣта; во вторыхъ, — частыя и продолжительныя сѣверныя сіянія, пылая столпами яркаго свѣта, превращаютъ эту ночь въ день особеннаго вида: при свѣтѣ этого сіянія можно читать; по этому вы можете судить о яркости сѣверныхъ сіяній. Въ домахъ, разумѣется, во всю полярную ночь нельзя обойтись безъ огня; но и тутъ однако жъ есть исключенія, потому что ежедневно въ полдень бываетъ на часъ и болѣе довольно свѣтло, такъ что можно обойтись безъ свѣчи, если только домъ и окна не совсѣмъ занесены снѣгомъ. Полярная ночь тогда только въ полномъ смыслѣ слова можетъ назваться ночью, когда подни-

мется снѣжная буря, когда темныя облака заволокутъ небо и посыплютъ снѣгъ, который подхватитъ вѣтеръ и понесетъ по пустынямъ. Слѣдовательно, подъ именемъ продолжительной полярной ночи, должно разумѣть ночь астрономическую, т. е., время, когда надъ горизонтомъ не показывается солнце. Подобно этому, и полярный день есть только продолжительный солнечный свѣтъ, согрѣвающій землю только въ полдень; тогда-какъ въ остальную часть сутокъ солнце кажется золотымъ кругомъ безъ лучей, безъ теплоты. Нужно еще замѣтить, что только съ возвышенныхъ мѣстъ можно видѣть полярное солнце; но оно закатывается, хотя и на короткое время, предъ зрителемъ, находящимся въ мѣстѣ, закрытомъ горами съ сѣверной стороны.

Здѣсь можемъ кончить общій обзоръ Лапландской природы, чтобы обратиться къ разсмотрѣнію жизни Лопарей. Изъ того, что я сказалъ выше, вы легко поймете, что природа дала Лопарямъ два главныя средства къ существованію: эти средства суть рыбная и звѣриная ловля. Въ нынѣшнее время первая

изъ нихъ чрезвычайно значительна; причиною этого — самое изобиліе рыбы, какъ это было уже замѣчено; во-вторыхъ ловля эта не требуетъ слишкомъ большихъ трудовъ и особеннаго искуства или хитрости, и наконецъ, требованіе на рыбу и потребленіе ея очень велико, потому что она составляетъ почти постоянную пищу всего сѣвернаго края. Но такъ какъ рыбный промыселъ должно по необходимости прекращать, когда наступаетъ зима, то Лопарь обращается ко второй вѣтви своей промышленности, т. е. къ звѣриной ловлѣ. Прямымъ слѣдствіемъ этого выходитъ, что Лопарь долженъ кочевать, переходя съ береговъ океана или Бѣлаго моря и рѣкъ, или озеръ, гдѣ онъ лѣтомъ ловилъ рыбу, въ тундры и лѣса, гдѣ водятся дикіе звѣри. Этотъ кочевой образъ жизни не прихоть Лопарей; нѣтъ, это необходимость, или вѣрнѣе, законъ, предписанный имъ самою природою. Они тогда покинули бы свою бродячую жизнь, когда въ Лапландіи, вмѣсто тундръ, явились бы тучные луга, вмѣсто мховъ выросли бы наливные хлѣбные колосья; но этого никогда

здѣсь не будетъ; слѣдовательно, Лопарь навсегда останется кочевымъ человѣкомъ, вѣчно будетъ скитаться по обширной землѣ своей, отъ озера до озера, отъ морскихъ береговъ до пустынныхъ, ему только извѣстныхъ тундръ.

По кочевому образу жизни, Лопари не могутъ имѣть постоянныхъ жилищъ, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ. Однако жъ тутъ есть очень большая разница: Киргизы, Монголы и всѣ другіе одинакаго съ ними образа жизни, даже наши Самоѣды, переходя изъ одного мѣста на другое, перевозятъ съ собою и свои жилища; Лопари же, напротивъ, имѣютъ постоянныя хижины. Нѣсколько такихъ хижинъ составляетъ что-то похожее на деревню, и что называется здѣсь погостомъ. Такихъ погостовъ въ нашей Лапландіи можно насчитать до 15. Всѣ они расположены большею частію при озерахъ. Въ нихъ Лопари живутъ только зимою, и по этому погосты называются зимними. Но такъ какъ рыбная ловля въ лѣтнее время года требуетъ Лопарей къ морю и океану, то они и тамъ имѣютъ свои шалаши, кото-

рые уже носятъ названіе лѣтнихъ погостовъ. Возвращаясь съ промысловъ въ зимніе погосты, Лопари, по привычкѣ, поѣдутъ еще къ нѣкоторымъ озерамъ половить рыбы; тутъ опять у нихъ свои шалаши, въ которыхъ и живутъ они до самой зимы. Говорить ли еще о множествѣ подобныхъ жилищъ, которыя построены какими нибудь Лопарями, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ случилось пробыть нѣсколько времени? Однимъ словомъ, куда ни отправится Лопарь, — къ морю ли, къ озеру ли какому, — вездѣ найдетъ онъ свою хижину. А въ случаѣ, если онъ прикочевалъ въ такое мѣсто, гдѣ еще не бывалъ, а слѣдовательно не могъ завестись домкомъ (Лопари, какъ видите, самые страстные архитекторы), онъ выберетъ удобное мѣстечко, — и часа черезъ два, много три Лопарскій домъ совершенно готовъ! Вы удивляетесь, любезные читатели? Вамъ кажется непонятно, ка́къ можно выстроить въ такое короткое время цѣлое жилье, когда даже на постройку картоннаго домика пойдетъ времени впятеро противъ того. Вы, пожалуй, подумаете, что

Лопари геніальные зодчіе! — и, конечно, жестоко ошибетесь. Я постараюсь для этого познакомить васъ съ архитектурою Лапландскихъ зданій и показать ихъ устройство. Домостроительный Лопарь, желающій построить себѣ жилище, выбираетъ мѣсто наиболѣе сухое, т. е. не болотистое, у подошвы какой нибудь скалы, которая должна защищать его хижину отъ напора вѣтровъ и снѣговъ. Найдя мѣсто, Лопарь изъ ближняго лѣса вырубаетъ нѣсколько жердей, длиною саженъ до двухъ. Потомъ, заостривъ нижніе концы ихъ, онъ втыкаетъ ихъ въ землю, такъ что линіи, проведенныя отъ одной жерди къ другой, изобразили бы довольно неправильный многоугольникъ: эта площадка*— будущій полъ хижины. Жерди становятся не прямо, но наклонно, и верхніе концы ихъ почти сходятся между собою; для укрѣпленія ихъ вставляется горизонтально маленькая продолговатая рама, къ краямъ которой прикрѣплены концы жердей. Въ такомъ видѣ готовъ уже скелетъ Лопарской хижины: остается только покрыть. Это дѣлается очень

* Величина ея не болѣе двухъ квадратныхъ саженъ.

просто и скоро. Сперва, довольно плотно съ внѣшней стороны жердей, накладываютъ хворостъ и древесныя вѣтви, сверхъ которыхъ уже окончательно кладутъ пласты дерна. Не закрывается только верхнее отверстіе, образуемое рамою; на это есть важная причина: это отверстіе — дымовая труба Лопарскаго дома. Кромѣ того, въ одномъ боку его, оставляется еще отверстіе, чрезвычайно узкое и тѣсное: это дверь, состоящая изъ двухъ-трехъ кое-какъ сплоченныхъ дощечекъ и непостижимо какъ прикрѣпленная къ quasi-стѣнѣ; нужно усиліе, чтобъ отворить эту дверцу, но за то, по причинѣ наклонности стѣны, она быстро затворяется и захлопываетъ влѣзающаго въ хижину, какъ хитрая западня бѣдную птичку. Итакъ, Лопарская хижина совершенно готова. Теперь я не буду расказывать, что̀ есть внутри этой хижины; замѣчу только, что она называется *вежою*. Вежа́ имѣетъ такой видъ:

Изъ такихъ-то вежей состоятъ Лопарскіе погосты. Но есть еще и другой родъ хижинъ, которыя гораздо прочнѣе вежъ и требуютъ на постройку довольно времени. Чтобъ имѣть о нихъ понятіе, вообразите себѣ крошечную бревенчатую избушку, покрытую плоскою нѣсколько покатою крышею. Въ

стѣнахъ этой избушки прорублены два-три маленькія окошечка, а надъ кровлею, въ одномъ углу ея, торчитъ нѣчто похожее на трубу, составленную изъ четырехъ досокъ. Такія избенки среди вежъ кажутся настоящими дворцами. За то подобныхъ избъ * очень немного, и существуютъ онѣ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть хорошій, годный для построекъ лѣсъ; тамъ же, гдѣ растетъ тощій лѣсокъ, естественно должно строить вежи. Постройка избы стоитъ Лопарю большаго труда и хлопотъ. Съ помощію одного только топора онъ долженъ вывести стѣны и вытесывать доски изъ бревенъ, потому что пилы у него нѣтъ. Лопарская деревня, или погостъ, какъ можете вы сами заключить, рѣшительно не походитъ ни на какую, даже самую бѣдную изъ нашихъ деревень. Пирамидальныя вежи, или кубическія тупы, разбросаны въ величайшемъ безпорядкѣ, по произволу хозяевъ; между ними нѣтъ ни плетней, ни заборовъ, потому что нѣтъ дворовъ и огородовъ; не возвышаются тамъ, какъ въ нашихъ деревняхъ, куполы

* Такая изба по-здѣшнему называется *тупа*.

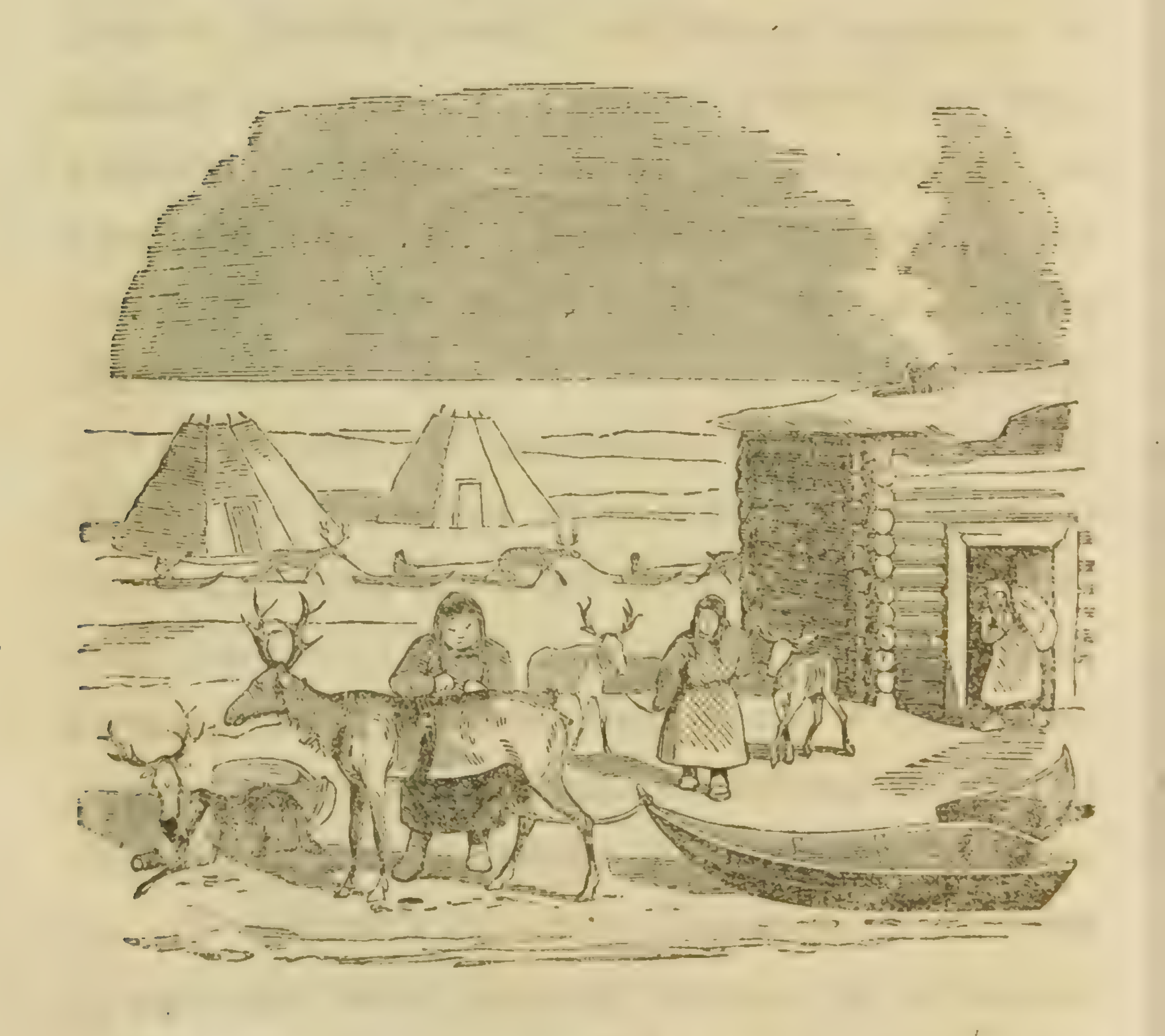
церквей. Видъ погоста слишкомъ печаленъ и грустенъ, особенно зимою, когда бѣдныя хижины, кажется, утопаютъ въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ, и если бъ не дымъ, выходящій изъ оконечностей вежъ, то можно бы подумать, что въ погостѣ нѣтъ ни души. Глубоко пораженный этою грустною картиною, невольно сожалѣешь о бѣдственной участи Лопарей, лишенныхъ даже самыхъ необходимыхъ потребностей удобной жизни.

Познакомившись нѣсколько съ наружностію Лопарскихъ жилищъ, посмотримъ, чѣмъ занимаются ихъ обитатели въ теченіе цѣлаго года. Для этого вамъ необходимо нужно запастись главными качествами хорошаго путешественника, — терпѣніемъ и отважностію, ибо вамъ предстоитъ слѣдовать за Лопаремъ во всѣхъ его странствованіяхъ по Лапландіи.

Въ концѣ Апрѣля мѣсяца, когда наступаетъ въ Лапландіи весна, только по имени, изъ глубины Лапландіи, изъ тундръ ея начинаются движенія Лопарей: они оставляютъ свои зимніе погосты и отправляются кто на Мурманскій берегъ, кто на Терскій

и Кандалакшскій, смотря по тому, какой изъ этихъ береговъ ближе къ зимнимъ погостамъ. Сборы Лопаря въ путь очень непродолжительны: онъ путешествуетъ всегда налегкѣ, и ѣдетъ за сотни верстъ, точно какъ будто отправляется версты за двѣ отъ погоста. Приведя оленей, которые паслись по близости, Лопарь запрягаетъ ихъ въ сани, въ каждыя только по одному оленю, и такъ какъ въ саняхъ можетъ умѣститься только одинъ человѣкъ, то весь поѣздъ состоитъ изъ столькихъ экипажей, сколько членовъ въ семействѣ. Сбруя, или оленья упряжь, чрезвычайно проста: на шею оленя надѣвается широкій кожаный ошейникъ, который застегивается подъ горломъ; къ ошейнику прикрѣпляется толстый ремень или веревка, которая, проходя подъ брюхомъ, привязывается къ нему кожанымъ широкимъ поясомъ, застегивающимся на спинѣ оленя; конецъ же веревки, проходя между заднихъ ногъ его, привязывается къ санямъ. Что же касается до саней, то онѣ очень похожи на половину маленькой лодки; онѣ сшиваются изъ тоненькихъ дощечекъ, прибитыхъ къ

ребрамъ, какъ въ лодкахъ; подъ санями проходитъ во всю длину ихъ широкая доска, какъ киль, и служитъ для того, чтобъ сани не слишкомъ повертывались на снѣгу. Эти сани называются *керисомъ,* или *кережею* и *кережкою,* по произношенію Русскихъ. Керисъ не длиннѣе 2-хъ съ половиною аршинъ, а ширина его аршина $1\frac{1}{2}$.



Для управленія оленемъ служитъ одна только возжа, которая привязывается къ ро-

гамъ: перекидывая эту возжу на правый, или на лѣвый бокъ оленя, Лопарь заставляетъ пріученное къ этому животное бѣжать, или останавливаться. Для понужденія оленей не употребляется ни плети, ни палки; чтобъ принудить оленя бѣжать быстрѣе, довольно будетъ прихлопнуть по боку его возжею, или прикрикнуть.

Кончивъ свои приготовленія, Лопари тотчасъ оставляютъ зимній погостъ, который совершенно пустѣетъ; въ немъ не оставляютъ сторожей, потому что увѣрены въ безопасности его, да къ тому же, кромѣ голыхъ стѣнъ, въ немъ ничего нѣтъ, что могло бы прельстить злонамѣреннаго хищника. Въ тундрѣ на лѣто остаются только пастухи, которымъ поручаютъ богатые Лопари надзоръ за своими оленьими стадами. При крикахъ: «ги!» «го!» «ге!» которыми Лопари понуждаютъ своихъ оленей, выѣзжаютъ длинныя вереницы Лапландскихъ экипажей. Каждое семейство, составляющее особый поѣздъ, ѣдетъ къ заранѣе условленному мѣсту, не разбирая пути, не задавая себѣ вопроса: какова́ будетъ дорога? И это очень

естественно: ибо въ Лапландіи нѣтъ, да и быть не можетъ, постоянныхъ дорогъ; для Лопаря тамъ и дорога, гдѣ онъ ѣдетъ. За него нечего опасаться, что онъ заблудится: родныя пустыни ему такъ же хорошо знакомы, какъ для насъ улицы своего города. Спокойно мчится онъ по глубокимъ снѣгамъ; олень, надѣленный широкими копытами, не вязнетъ въ снѣгу, а легкій керисъ, подмазанный еще смолою, неслышно скользитъ по снѣгу, и путешествующій Лопарь, свѣсивъ правую ногу на лѣвый край кериса, заботится только, чтобъ сохранить равновѣсіе своего шаткаго экипажа. Но если онъ, по какому-нибудь случаю, собьется съ прежняго направленія своего пути, то, замѣтивъ ошибку, онъ тотчасъ разроетъ снѣгъ до земли, найдетъ какой-нибудь камень, посмотритъ на него внимательно, и снова продолжаетъ свой путь, уже по новому направленію, какъ будто камень шепнулъ ему, куда нужно ѣхать. Точно такъ же, въ подобныхъ случаяхъ, совѣтуется онъ и съ деревьями, когда случится на дорогѣ лѣсъ. Но эту загадку легко понять: извѣстно, что

части или бока скалъ и камней покрыты мхомъ только на южной сторонѣ, тогда какъ бокъ, обращенный на сѣверъ, остается голымъ; деревья также бросаютъ больше вѣтвей на полдень, а на сѣверъ торчатъ только скудные отпрыски. Основываясь на этихъ свойствахъ, Лопари имѣютъ хорошее и довольно вѣрное понятіе о положеніи четырехъ странъ свѣта, и, по указаніямъ своихъ натуральныхъ компасовъ, они спокойно могутъ кочевать по пустыннымъ пространствамъ. Весьма важное удобство для кочеваго Лопаря составляетъ то, что не нужно запасаться и брать съ собою кормъ для оленя, какое бы дальнее путешествіе не предстояло. Олень обладаетъ чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ. Какъ бы ни глубокъ былъ снѣгъ, онъ узнаетъ, есть ли подъ нимъ мохъ; найдя такое мѣсто, онъ быстро раскидываетъ снѣгъ передними ногами, добирается до своей пищи и углубляется въ снѣгъ такъ, что его почти не видно; вмѣсто воды олень ѣстъ или, пожалуй, пьетъ снѣгъ. Въ дальнихъ поѣздкахъ Лопари не всегда и не вездѣ могутъ находить на дорогѣ какой-нибудь

пріютъ, чтобъ можно было въ немъ обогрѣться и переночевать; они обыкновенно проводятъ ночь на снѣгу, закутавшись въ свои теплыя одежды. Раскладываютъ также и огонь, что дѣлается очень проворно и искусно. Всякой Лопарь непремѣнно имѣетъ съ собою огниво; древесный (березовый) трутъ, очень искусно изготовляемый, хранится въ костяномъ футлярѣ, также кусочекъ сѣры и нѣсколько щепокъ коры смолистыхъ деревьевъ. Посредствомъ этихъ снарядовъ, Лопари тотчасъ разведутъ огонь, собравши напередъ разнаго мелкаго хвороста. Въ случаѣ вѣтра, огородивъ свой скудный огонь поставленными бокомъ кережами, Лопари спокойно располагаются вкругъ него, и, полузарытые снѣгомъ, засыпаютъ подъ заунывными распѣвами вѣтра. Ничто не потревожитъ сна этихъ истинныхъ дѣтей природы, развѣ только лай собаки, чующей волка, который подкрадывается къ оленямъ, пасущимся на привязи подлѣ привала. Въ такихъ случаяхъ чуткій Лопарь поспѣшно встаетъ, схватываетъ неразлучную свою винтовку и — горе незваному гостю, если онъ

не тотчасъ пойметъ, что надо поскорѣй убираться во-свояси.

Такимъ-то образомъ совершаютъ наши Лопари свои путешествія и очень скоро достигаютъ до мѣстъ своей лѣтней дѣятельности. Хорошій олень легко можетъ пробѣгать до 10 верстъ въ часъ, и требуетъ немного времени для корма и отдыха. Только на плохихъ оленяхъ, которые еще имѣютъ дурную привычку бѣситься, разумѣется, нельзя далеко уѣхать. Но въ бѣшенствѣ оленя, всегда кроткаго и смирнаго, виноваты сами хозяева. Это дурное свойство имѣютъ только тѣ олени, которыхъ слишкомъ рано начали употреблять для ѣзды, т. е. до пятилѣтняго возраста; только на 5-мъ году своей жизни олень совершенно укрѣпляется. *

* Здѣсь кстати замѣчу, что олени отъ своего рожденія до 5-ти лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно: на 1-мъ году олень называется *телєнкомъ;* на 2-мъ самецъ — *уракомъ*, самка—*вонделкою;* на 3-мъ самецъ — *убарсомъ*, самка—*вонделваженкою;* на 4-мъ самецъ—*кундусомъ*, самка — *важенкою*, и это имя остается ей навсегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка.* — Олень живетъ отъ 16-ти до 20, 25 и даже болѣе лѣтъ.

Теперь обратимся къ Лопарямъ. Тѣ изъ нихъ, которые на лѣто хотятъ остаться при рыбистыхъ озерахъ, приготовляютъ свои рыболовные снаряды и небольшія лодки, которыя еще съ прошлой осени сохранно лежали на берегу, прикрытыя отъ непогодъ древесною корою и хворостомъ. Оставимъ этихъ Лопарей дожидаться, пока растаетъ ледъ на озерахъ, и послѣдуемъ за другими на Мурманскій и Терскій берега. Еще только-что насталъ Май мѣсяцъ, прибрежные льды еще не успѣли оторваться отъ береговъ, и снѣгъ еще лежитъ въ оврагахъ скалъ, — но на берегахъ этихъ кипитъ жизнь. Безмолвныя дотолѣ пустыни оглашаются шумомъ промышленной дѣятельности. Въ особенности велика эта дѣятельность на Мурманскомъ берегу. Длина его простирается на 800 верстъ, и на этомъ-то протяженіи въ 60-ти мѣстахъ располагаются толпы промышленниковъ, до 5-ти тысячь человѣкъ; толпы эти располагаются въ небольшихъ бухтахъ, гдѣ можно удобно стоять на якорѣ судамъ, которыя придутъ сюда за грузомъ рыбы. Такія мѣста называются *становищами*. Въ становищахъ обыкновенно построено нѣсколько складочныхъ анбаровъ и жилыхъ избъ для промышленниковъ. Всѣ эти промышленники—

Русскіе, и приходятъ сюда къ извѣстному времени изъ Поморскихъ деревень, отъ богатыхъ хозяевъ своихъ, за условленную плату. Бухтъ и островковъ по Мурманскому и Терскому берегамъ очень много, и потому никто не мѣшаетъ другъ другу спокойно заниматься своимъ промысломъ. Море и океанъ обильны: слѣдовательно тотъ больше успѣетъ извлечь изъ нихъ пользы, кто дѣятельнѣе и проворнѣе. Всѣ промышленники, и Лопари, и Русскіе, очень прилежно заняты своими трудами. Рыба, которая здѣсь ловится, состоитъ изъ семги, трески и палтусины съ многими ихъ видоизмѣненіями. Но позвольте, мои любезные читатели, сдѣлать маленькое отступленіе. Мнѣ кажется, что при имени двухъ послѣднихъ рыбъ, особенно первой изъ нихъ, на лицахъ нѣкоторыхъ изъ васъ выражается что-то въ родѣ негодованія и даже презрѣнія, которое относится къ этимъ безъ вины виноватымъ рыбамъ. «Fi donc!» восклицаютъ самые недовольные изъ васъ, «мы не хотимъ и слышать объ этихъ рыбахъ!» Но долгъ справедливости заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ въ защиту этой рыбы, которая въ общемъ мнѣніи имѣла незаслуженное несчастіе потерять всякое къ себѣ уваженіе. Странное дѣло! Вѣдь

если кому эта рыба не по вкусу, тотъ, пожалуй, не употребляй ее, но будь къ ней справедливъ. Выслушайте: я знаю многихъ людей, которые, только-что переселившись изъ внутреннихъ губерній въ Архангельскую, считали обязанностію подтрунить надъ употребленіемъ въ пищу несносной, по ихъ мнѣнію, рыбы; и когда случалось имъ произнести имя трески, то нельзя было серьёзно видѣть гримасу, которую дѣлалъ при этомъ словѣ насмѣшникъ, да и самое это слово *треска* произносилъ онъ съ очень смѣшною выразительностію; а ненависть къ палтусинѣ выражалась тѣмъ, что имя ея коверкали на всѣ лады. Тогда можно было повѣрить, что ни та, ни другая рыба никогда не будутъ имѣть чести явиться на столахъ своихъ ожесточенныхъ гонителей. Но выходило иначе. Чрезъ какіе нибудь полгода, эти гонители трески и палтусины неожиданно становились усердными ихъ почитателями и защитниками. Слѣдовательно прежнее мнѣніе ихъ было несправедливо, и смиренная треска доказала на дѣлѣ, что въ ней довольно хорошихъ качествъ. Но, не останавливаясь на этихъ частныхъ примѣрахъ, мы должны смотрѣть на эту рыбу, какъ на истинный даръ Божій, потому что она составляетъ постоянное ку-

шанье всей массы народа Архангельской губерніи. Безъ этой рыбы чѣмъ бы сталъ поддерживать свое существованіе обитатель безплодныхъ пустынь Сѣвера? А рыба, служа предметомъ торговли, приноситъ ему и хлѣбъ, который на нее вымѣнивается, доставляя сверхъ того и барыши для промышленниковъ. Однимъ словомъ, обиліе рыбы для здѣшняго края есть такой даръ, въ которомъ человѣкъ мыслящій ясно видитъ неоскудѣвающую любовь Божію.

Полагая, что послѣ всего этого тѣ изъ читателей, которые имѣли нѣкоторое предубѣжденіе противъ трески, благоразумно признаютъ огромную пользу ея по крайней мѣрѣ для Архангельской губерніи, считаю не лишнимъ расказать и самый способъ ловли этой рыбы. Промышленники для этой ловли имѣютъ особый снарядъ; онъ состоитъ изъ длинной и толстой веревки саженъ въ 50 длиною; на веревкѣ чрезъ каждыя $1\frac{1}{2}$ или 2 сажени завязывается узелъ, и къ этимъ узламъ привязаны на короткихъ, тонкихъ веревочкахъ рыболовные крючки; этотъ снарядъ называется *ярусомъ*. Выѣзжаютъ на ловлю въ особенныхъ для того сдѣланныхъ судахъ, или *шнекахъ*,* управляемыхъ

* Шнека — значитъ по-Норвежски фелука (Snеke). Длина

только 4-мя человѣками, изъ которыхъ каждый занятъ своею обязанностію. Одинъ изъ промышленниковъ правитъ рулемъ, другой гребетъ, третій насаживаетъ на крючки приманку или наживку* и, наконецъ, послѣдній уже расправляетъ ярусъ и закидываетъ его въ море. Чтобъ погрузить ярусъ, привязываютъ къ концамъ его по тяжелому камню, и такимъ образомъ весь ярусъ, во всю длину свою, растягивается по дну моря; но чтобы знать, гдѣ онъ закинутъ и чтобы потомъ можно было его вытащить, то къ камнямъ яруса привязываютъ по длинной веревкѣ, а къ нимъ по обрубку, или поплавку, который называется *кубасомъ*. Эти кубасы, плавая на поверхности воды, указываютъ мѣсто, гдѣ заброшенъ ярусъ. Часовъ черезъ 6, рыболовы снова отправляются къ своимъ ярусамъ и вытаскиваютъ его постепенно съ одного конца; въ хорошую пору на каждомъ крючкѣ трепещетъ

шнеки отъ 4-хъ до 5-ти сажень, а ширина немного больше сажени. Онѣ очень легки и вмѣщаютъ грузу до 500 пудъ.

* Приманкою для трески служитъ обыкновенно маленькая рыбка — мойва, или мелкія сельди. Эти рыбы ходятъ въ морѣ большими стадами, и треска, какъ хищная рыба, гоняется за ними. По этому рыболовы всегда замѣчаютъ, есть ли мойва — и если ея довольно, то и уловъ трески будетъ большой.

по рыбѣ, такъ что цѣлую шнеку можно нагрузить рыбою съ одного только яруса.

Привезя свой уловъ въ становище, промышленники отрѣзываютъ отъ рыбы головы, потомъ распластываютъ ее, выпускаютъ жиръ въ бочки, а рыбу солятъ и складываютъ въ особыя мѣста. Точно такъ же поступаютъ и Лопари при ловлѣ, только на ихъ шнекахъ бываетъ по три человѣка, отъ чего и шнеки называются *тройниками*. Лопари сбываютъ свою рыбу Русскимъ, которые въ Августѣ мѣсяцѣ приходятъ на Мурманскій берегъ на большихъ ладьяхъ. Тогда всѣ становища превращаются

въ настоящія гавани: карбаса шныряютъ между людьми; на ладьяхъ суетятся, хлопочутъ, нагружаютъ рыбу, — крики, шумъ; то же повторяется и на берегу. Картина оживленная, но однообразная! Но я не совѣтовалъ бы любопытному подходить къ ней близко: его довольно непріятно поразитъ запахъ соленой рыбы, — запахъ, который рѣшительно нестерпимъ для обонянія сколько нибудь деликатнаго; этотъ запахъ, впрочемъ, почти неизбѣжное свойство соленой рыбы, которая отъ этого только и не нравится нѣкоторымъ, какъ это выше мною замѣчено.

Приходъ ладей — сущій для Лопарей праздникъ; они спѣшатъ къ хозяевамъ судовъ продать все, что они наловили и зимою, и лѣтомъ: мѣха оленьи, лисьи, горностаевы, волчьи и пр., — не говоря уже о рыбѣ и морскихъ звѣряхъ — составляютъ предметъ этой торговли, или скорѣе — мѣны, потому что смѣтливые судохозяева привозятъ съ собою все, что необходимо для Лопаря, и все это съ выгодою вымѣниваютъ на произведенія Лапландской промышленности. Часто какое нибудь плотничное орудіе, — топоръ, ножикъ, долото, идетъ въ мѣну, не слишкомъ выгодную для бѣднаго Лопаря. Долго иногда Лопарь не соглашается отдать свой

товаръ за ту цѣну, которую ему предлагаютъ; осердившись, уйдетъ онъ въ свой шалашъ, чрезъ минуту выйдетъ опять, снова скроется, и наконецъ кончитъ тѣмъ, что согласится взять то, что отвергалъ за минуту. Особенно сговорчивъ бываетъ Лопарь, когда ему хитрый покупатель съ самой обязательной улыбкой предложитъ чарку водки; бѣднякъ за это простодушно платитъ всѣмъ, что есть у него лучшаго. У Лопарей есть обычай *крестоваться,** т. е. заключать дружбу и братство навсегда съ человѣкомъ, который нравится. Этотъ обычай, занесенный къ нимъ Русскими, трогателенъ по своему значенію; но онъ часто употребляется для корыстной цѣли. Напримѣръ, Русскій промышленникъ приглашаетъ къ себѣ на судно Лопаря, разумѣется, который по-богаче; начинается угощеніе: радушный хозяинъ предлагаетъ дорогому гостю и водку и табакъ, разговариваетъ съ нимъ ласково, дружески.

— А ну, покрестоваемся, братъ! — кричитъ восхищенный Лопарь.

«Покрестоваемся!» отвѣчаетъ ему хозяинъ, и тотчасъ надѣляетъ гостя какимъ нибудь по-

* Названіе этого обычая произошло отъ того, что при совершеніи его прежде всего должно помѣняться крестами.

даркомъ: двумя-тремя фунтами пшена, гороха и еще чѣмъ нибудь подобнымъ. Чрезъ нѣсколько минутъ признательный Лопарь уже несетъ своему «крестовому» или прекрасную оленью шкуру, или дорогой лисій мѣхъ. Такихъ примѣровъ очень много. Однакожъ бываютъ исключенія: и тогда это братство, которое предлагаетъ простосердечный Лопарь, имѣетъ въ себѣ какую-то кроткую, увлекательную и трогательную простоту. Вотъ примѣръ тому.

Одинъ изъ нашихъ Русскихъ промышленниковъ въ одно лѣто былъ на Мурманскомъ берегу, около Норвежской границы. Тамъ нашъ промышленникъ случайно встрѣтился съ однимъ дотолѣ ему неизвѣстнымъ Лопаремъ, котораго все богатство состояло въ оленьихъ стадахъ. Разсудивъ, что не худо имѣть знакомаго человѣка, съ которымъ, можетъ быть, приведется на будущее время имѣть какое нибудь дѣло, промышленникъ пригласилъ этого Лопаря къ себѣ на ладью. Лопарю понравился новый его знакомый такъ, что онъ предложилъ ему свою дружбу; друзья покрестовались. Лопарь, получивъ, по обычаю, подарокъ (весьма впрочемъ незначительный), пригласилъ своего крестоваго къ себѣ. Они съѣхали

на берегъ и, пройдя нѣсколько верстъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свистнулъ, и на этотъ свистъ послышался лай собакъ. Въ ту же минуту Лопарь повелъ своего знакомца на ближайшій холмъ. Лишь только они успѣли на него взобраться, какъ вдругъ, откуда ни возмись, со всѣхъ сторонъ набѣжали на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. Нашъ промышленникъ, стоя на холмѣ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на это безчисленное стадо оленей, которые покрыли всю равнину.

— Вотъ всѣ мои олени, — сказалъ наконецъ Лопарь, обращаясь къ своему крестовому. — Выбирай себѣ любаго, какого хочешь!

Крестовый съ минуту оставался въ недоумѣніи. Онъ зналъ, что, по обычаю, долженъ былъ въ замѣнъ своего подарка получить подарокъ и отъ Лопаря; но, вспомнивъ о ничтожности своего подарка въ сравненіи съ тѣмъ, который предлагалъ ему Лопарь, онъ невольно смутился, тѣмъ болѣе, что Лопарь нарочно для него раскинулъ предъ нимъ *все* свое богатство и великодушно предлагалъ выбрать самое лучшее.

«Нѣтъ, братъ,» отвѣчалъ наконецъ про-

мышленникъ, «куда ужъ мнѣ выбирать! Спасибо! Самъ ты дѣлай, какъ знаешь.»

Лопарь тотчасъ сошелъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго изъ оленей, ловко набросилъ на рога его петлю. Тотчасъ же олень былъ убитъ, и нашъ промышленникъ разстался съ своимъ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя, залоги новаго знакомства и дружбы съ добродушнымъ Лопаремъ.

Не правда ли, любезные читатели, вамъ нравится этотъ поступокъ Лопаря, который не скрылъ ничего, что имѣлъ, и дарилъ лучшее; эта черта показываетъ высокое качество души людей, которыхъ мы привыкли считать грубыми; это качество сдѣлало бы честь всякому образованному человѣку.

Лопари, проводящіе лѣто на Мурманскомъ и Терскомъ берегахъ, бываютъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и знакомствѣ съ Русскими; слѣдствія этихъ сношеній очень замѣтны. Въ домашней жизни, въ нравахъ и обычаяхъ Лопарей сдѣлалась очень большая перемѣна. Эта перемѣна совершилась частію къ лучшему, и отчасти къ худшему для Лопарей. Съ одной стороны, конечно, хорошо, что между Лопарями укореняется и Русскій языкъ, и Русскіе обычаи, нравы, одежда; хорошо, говорю, по-

тому, что, можетъ быть, вскорѣ исчезнетъ то племенное различіе, которое встрѣчать въ одномъ государствѣ какъ-то непріятно, хотя и любопытно. Съ другой стороны, знакомство съ Русскими испортило прекрасныя душевныя свойства Лопарей. Въ этомъ виноваты тѣ изъ богатыхъ Поморцевъ, которые, забывая честь и совѣсть, и радуясь, что нашли людей добрыхъ и легковѣрныхъ, не стыдились всѣми средствами обманывать бѣдныхъ Лопарей; пользуясь ихъ слабостью, они обогащались, сбывая съ большими барышами то, что покупали у Лопарей за безцѣнокъ и что этимъ бѣднякамъ стоило большихъ трудовъ. Поздно Лопари увидѣли истину, и, по пословицѣ: «чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись,» сами стали хитрить и обманывать тѣхъ, кто подалъ къ этому поводъ. Но будучи новичками въ этихъ искуствахъ, они не умѣли обманывать ловко, и обманывали, какъ иные ученики своихъ учителей, т. е. чрезвычайно неискусно. Такимъ образомъ, не успѣвши въ этомъ дѣлѣ и только потерявъ добрую нравственность, Лопари, сверхъ того, у промышленниковъ Русскихъ прослыли народомъ хитрымъ, всегда готовымъ на обманъ. Кто жъ виноватъ? Участь Лопарей въ этомъ отношеніи не измѣнилась, потому что

они, не имѣя своихъ судовъ, на которыхъ могли бы ѣздить въ Архангельскъ и тамъ продавать свои произведенія, по необходимости должны были обращаться съ ними къ тѣмъ же Поморамъ, которые приходили на берега Лапландіи. Должно замѣтить, что въ безсовѣстныхъ поступкахъ съ Лопарями я не виню *всѣхъ* Русскихъ промышленниковъ, — вовсе нѣтъ; я говорю только о *нѣкоторыхъ*. Однакожъ, въ послѣднее время, нѣкоторые Лопари завели себѣ мореходныя шнеки и рѣшились ѣздить въ Архангельскъ, и такимъ образомъ производить свою собственную, самостоятельную торговлю. Можно надѣяться, что эта торговля принесетъ Лопарямъ пользу, ибо этотъ народъ дѣятеленъ и отваженъ.

Въ концѣ Августа на морскихъ берегахъ Лапландіи снова царствуетъ грустная тишина. Гдѣ та жизнь, которая тамъ недавно кипѣла шумно и дѣятельно? Все исчезло. На Сѣверѣ только возможна такая безжизненность, потому что мертва тамошняя природа. Одни только люди своимъ присутствіемъ даютъ жизнь этимъ пустынямъ; но уйдутъ люди — и очарованіе исчезнетъ. Особенно поразительны безжизненность и дикость Лапландскихъ береговъ послѣ отъѣзда всѣхъ промышленниковъ.

Становища пусты; анбары и избы заперты, шнеки уныло лежатъ на берегу; на морѣ не промелькнетъ ни одной лодки. Въ становищахъ протоптанная земля, разный хламъ и анбары и избы — все напоминаетъ, что тутъ недавно жили люди; но, не встрѣчая ни души, невольно подумаешь, что всѣ они бѣжали отсюда, какъ бы гонимые страшною бѣдою. Таково впечатлѣніе, производимое на душу зрителя этими пустынными, грустными мѣстами, если бы этотъ зритель случайно посѣтилъ становище въ позднюю осень. Однакожъ онъ нашелъ бы тутъ одинокаго Лопаря, которому порученъ надзоръ за всѣмъ, что остается въ становищѣ. Не знаю, какъ покажется вамъ положеніе Лопаря, осужденнаго провести въ пустомъ становищѣ семь мѣсяцевъ, не видя ни одного человѣческаго существа; но что касается до самого Лопаря, такъ эти 7 скучныхъ мѣсяцевъ онъ проведетъ съ непонятнымъ для насъ удовольствіемъ, т. е. въ уединеніи и совершенномъ спокойствіи, потому что для него, какъ для истиннаго потомка Финновъ, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе въ мірѣ, кромѣ уединенія и покоя. Пожелаемъ теперь этимъ сторожамъ какъ можно больше наслаждаться невинными своими удовольствіями, и поспѣшимъ догнать

тѣхъ Лопарей, которые отъ морскихъ береговъ потянулись въ глубину Лапландіи, къ любимымъ своимъ тундрамъ.

Эти Лопари останавливаются у большихъ озеръ и, пользуясь остаткомъ осени, ловятъ въ нихъ рыбу, въ запасъ на цѣлую зиму. Въ началѣ зимы и эти озера пустѣютъ. Всѣ Лопари снова пріѣзжаютъ въ зимніе погосты, съ которыми они были въ такой долгой разлукѣ. Зимнія занятія Лопаря гораздо разнообразнѣе лѣтнихъ. Лѣтомъ онъ постоянно занимался скучною ловлею рыбы; зимою же предстоитъ ему охота за звѣрями и птицами; въ это же время года жизнь Лопаря представляетъ нѣкотораго рода осѣдлость, что позволитъ намъ взглянуть на домашній или семейный бытъ его.

Сперва разсмотримъ зимнія занятія. Если вы помните, что́ я сказалъ раньше о животномъ царствѣ Лапландіи, то, слѣдовательно, вамъ извѣстно, за какими звѣрями Лопарь можетъ охотиться. Но изъ всѣхъ этихъ животныхъ только олени, лисицы и горностаи составляютъ самую важную отрасль промышленности Лопарей. Всѣ вообще Лопари очень искусные стрѣлки, потому что съ малыхъ лѣтъ привыкаютъ владѣть винтовкою; но такъ какъ порохъ и свинецъ слишкомъ дороги,

да и промышленность ихъ такъ обширна, что требуетъ этихъ матеріаловъ слишкомъ много, то у Лопарей сохранился особенный способъ ловли звѣрей, гдѣ не требуется огнестрѣльнаго оружія,—способъ, какъ можно полагать, весьма древній, но, должно сказать правду, довольно варварскій. Судите сами. Въ лѣсу выбираютъ мѣсто, чрезъ которое, по вѣроятности, долженъ пробираться дикій олень. Найдя такое мѣсто, очень искусно устанавливаютъ между деревьями сдѣланную изъ веревки или ремня петлю.* Эта петля такъ расположена, что олень, не подозрѣвая ловушки, можетъ свободно просунуть въ нее свою голову; но идя далѣе, онъ мало по малу затягиваетъ петлю такъ, что ему не возможно отъ ней освободиться, ибо конецъ петли крѣпко привязанъ къ дереву. Чѣмъ сильнѣе порывы оленя, тѣмъ крѣпче затягивается петля; задушаемое ею, это бѣдное животное наконецъ умираетъ истомленное, замученное. Когда Лопарь отправится осматривать эти петли, то ему стоитъ только снимать шкуры съ пойманной добычи. Снявъ шкуру, онъ оставляетъ ее тутъ же въ лѣсу, для просушки, а мясо оленя бросаетъ. Кстати замѣчу здѣсь объ одномъ странномъ

* Эти петли называются *гáнгасами.*

свойствѣ оленьей шерсти, когда она не снята со шкуры. Это свойство состоитъ въ томъ, что цвѣтъ шерсти, изъ сѣраго и темнаго, можетъ измѣняться въ совершенно бѣлый, если шкуру повѣсить на нѣкоторое время надъ снѣгомъ. Такъ обыкновенно Лопари бѣлятъ небольшія шкурки, снятыя съ ногъ оленя. Изъ этихъ-то шкурокъ, длинныхъ и узкихъ, Лопари шьютъ свои теплыя сапоги. Что же касается до выдѣланной оленьей кожи,* то употребленіе ея очень велико: она идетъ на перчатки, рукавицы, сумки и проч., а самая шерсть употребляется для набивки тюфяковъ.

Столько же неблагородный способъ ловли, о которомъ я расказалъ выше, употребляютъ Лопари и противъ куропатокъ,—этихъ миленькихъ птичекъ, которыхъ, какъ вамъ извѣстно, въ Лапландіи такое множество. Къ двумъ, наклонно одинъ къ другому воткнутымъ, палочкамъ привязываютъ маленькій гангасъ, и чтобъ куропатка попалась въ него, то около двухъ колышковъ втыкаютъ множество вѣтвей и такъ плотно, что бѣдная куропатка, забѣжавъ въ это мѣсто, по необходимости бро-

* Особенно искусно выдѣлываютъ оленьи кожи Терскіе Лопари. Оленья кожа въ Архангельской губерніи называется *ровдугою*.

сается въ роковое отверстіе гангаса—и чрезъ минуту бѣдняжка бьется и трепещетъ своими крылушками. Ее ожидаетъ та же участь, какая постигаетъ оленя въ подобномъ случаѣ, даже можетъ быть еще ужаснѣе. Иногда на полумертвую куропатку съ пронзительнымъ крикомъ налетитъ воронъ; иногда хитрая лисица тихонько подкрадется къ несчастной птичкѣ и унесетъ ее вмѣстѣ съ гангасомъ и кольями, къ которымъ онъ привязанъ.

Ловля лисицъ для Лопаря есть предметъ самый трудный, потому что эти животныя, какъ вы знаете, чрезвычайно хитры и осторожны, особенно старыя, слѣдовательно опытныя. Боже мой! сколько хлопочетъ Лопарь, чтобъ обмануть хитрую лисицу! То поставитъ онъ въ снѣгу нѣсколько капкановъ, то напитаетъ онъ отравою кусокъ оленьяго или нерпичьяго мяса, а самъ притаится гдѣ нибудь съ винтовкою и ждетъ. Но лисица, подкравшись къ этому мясу, поворочаетъ его лапою, обнюхаетъ и броситъ, понявъ уловку. Только развѣ молодая лисица, еще незнакомая съ кознями Лопарей, рѣшится пожевать отравленнаго мяса, за что и поплатится своею жизнью; но и это случается рѣдко, потому что лисицы, какъ и многіе другіе хищные звѣри, любятъ свѣжее,

только-что убитое мясо своей добычи. Иногда Лопарь, осматривая свои гангасы для куропатокъ, и не находя котораго нибудь изъ нихъ, въ досадѣ отправляется по слѣдамъ лисицы–похитительницы, съ твердымъ намѣреніемъ отмстить ей смертью за обиду.

Упоминать ли еще о другихъ предметахъ зимней промышленности Лопарей, о зайцахъ, горностаяхъ, песцахъ и волкахъ? Но ловля этихъ звѣрей не представляетъ ничего интереснаго, хотя Лопарямъ она стоитъ огромныхъ трудовъ. Съ медвѣдями, которыхъ мѣстами въ Лапландіи довольно много, Лопари стараются жить въ мирѣ и согласіи, вѣроятно потому, что борьба съ медвѣдемъ требуетъ слишкомъ большой неустрашимости и воинственнаго духа, что̀, какъ извѣстно, противорѣчитъ миролюбивому характеру Лопарей. Однакожъ, не смотря на это, бываютъ такіе смѣльчаки, которые, собравъ все свое мужество, рѣшаются вступать въ бой съ медвѣдемъ; но, къ сожалѣнію, часто случается, что рѣдкій изъ этихъ героевъ возвратится домой безъ ясныхъ, навсегда остающихся знаковъ крѣпкихъ медвѣжьихъ объятій.

Въ такихъ-то занятіяхъ проходитъ жизнь Лопаря. И каждый годъ повторяется одно и

то же въ скучномъ, неизмѣнномъ порядкѣ. Вы, можетъ быть, спросите, почему я называю этотъ порядокъ или образъ жизни Лопарей скучнымъ, тогда какъ, напротивъ, его можно скорѣе назвать пріятнымъ, ибо онъ представляетъ столько разнообразія, которое намъ всегда нравится. Все это правда, любезные читатели, и я готовъ бы согласиться съ вами, еслибъ этотъ образъ жизни былъ для Лопаря только простымъ развлеченіемъ. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то. Для Лопаря всѣ эти разнообразныя путешествія, всѣ его многоразличныя занятія суть труды тяжкіе, необходимые. Для насъ, конечно, бываетъ очень пріятно провести свободное время въ какихъ нибудь поѣздкахъ въ мѣста, любопытныя по чему либо; но назовете ли вы пріятными тѣ же самыя поѣздки, которыя мы должны бы были совершать постоянно, какъ обязанность или трудъ? Я думаю, что не всегда; это, разумѣется, зависитъ отъ того, что большая часть людей имѣетъ очень дурную привычку смотрѣть не слишкомъ благосклонно на все, что требуетъ труда. Я вовсе далекъ отъ того, чтобъ считать читателей Звѣздочки въ ряду этихъ людей, и думаю, что они очень хорошо понимаютъ все благородство труда, а

слѣдовательно они уважатъ этотъ трудъ и въ бѣдныхъ Лопаряхъ, смотря съ участіемъ и состраданіемъ на этотъ народъ, котораго жизнь проходитъ въ трудѣ безпрерывномъ. Есть люди, которые считаютъ какой бы-то ни было трудъ слишкомъ для себя унизительнымъ, потому что они обезпечены во всемъ: имъ-то я указалъ бы въ примѣръ на всѣхъ обитателей нашего Сѣвера. Хорошее и доброе должно уважать во всемъ и вездѣ, хотя бы мы нашли его въ дикомъ и грубомъ народѣ. Только одно невѣжество и глупое тщеславіе не хотятъ внимательно посмотрѣть на тѣхъ людей, которымъ суждено жить въ дали и неизвѣстности.

Теперь пора уже бросить взглядъ на домашнюю жизнь Лопарей, и посмотрѣть на нихъ, какъ на людей, одаренныхъ, подобно всѣмъ намъ, душою.

Положимъ, напримѣръ, что мы отворили дверцу вежи и вошли въ нее. Что жъ мы видимъ? Сперва почти ничего, потому что вежа наполнена дымомъ, который съ трудомъ выходитъ въ отверстіе на верху вежи, особенно когда на дворѣ вѣтеръ. Но привыкши къ этому дыму, видимъ по срединѣ вежи кучу камней, между которыми разложенъ огонь. Около этого огня располагается Лопарское семей-

ство: кто лежитъ, поворачиваясь къ огню то однимъ бокомъ, то другимъ; кто сидитъ, но, разумѣется, не на стулѣ или скамьѣ, а просто на землѣ. Тутъ же гдѣ нибудь пріютятся маленькіе Лопари подлѣ деревянной выдолбленной колоды, въ которой покрикиваетъ ихъ

крошечный братъ, или сестра, закутанные мягкими и теплыми шкурками молодыхъ оленей. Остальное убранство вежи состоитъ только въ оленьихъ шкурахъ, которыя разостланы вдоль стѣнъ вежи. Только одна сторона ея остается незанятою: это есть такъ называемое «чистое мѣсто», или что у насъ называется «большимъ угломъ.» Тутъ обыкновенно стоитъ икона, и тутъ же складывается незатѣйливая кухонная посуда, т. е. какой нибудь котелъ, деревянная чашка, такія же ложки — и только.

По этому можно заключить и о произведеніяхъ Лопарской кухни. Главную пищу Лопарей составляетъ рыба и оленье мясо, къ которымъ уже роскошною приправою служитъ хлѣбъ. Къ хлѣбу нынѣ всѣ Лопари привыкли и покупаютъ его у приходящихъ лѣтомъ Поморовъ. Но они не умѣютъ печь изъ муки такихъ хлѣбовъ, какъ наши, хотя очень любятъ нашъ черный хлѣбъ, когда случится достать его у Русскихъ. Это неумѣнье понятно: ибо невозможно испечь хлѣба на такихъ очагахъ, какіе у Лопарей. Они обыкновенно смѣшиваютъ муку съ водою, дѣлая изъ этого тѣсто; изъ тѣста приготовляютъ тонкія лепешки, которыя и жарятъ на раскаленномъ

камнѣ, передъ огнемъ. Такія лепешки называются *реска*. Или въ котелъ съ кипящею водою, который виситъ надъ огнемъ, кладутъ муки, рыбы или мяса, изъ чего выходитъ родъ какой-то странной похлебки, называемой *миндою*, которую Лопари кушаютъ съ большимъ аппетитомъ.

Изъ такихъ-то простыхъ блюдъ состоитъ обѣдъ или ужинъ Лопарей. И только эти двѣ житейскія обязанности, да сонъ призываютъ Лопаря въ домъ; все же остальное время онъ проводитъ на вольномъ воздухѣ, въ занятіяхъ уже вамъ извѣстныхъ. Женщины постоянно остаются дома, какъ добрыя хозяйки, готовятъ пищу, шьютъ одежды. Кстати объ этой одеждѣ. Она проста до чрезвычайности. Вообразите себѣ довольно длинный мѣшокъ или, пожалуй, пальто-сакъ, сшитый изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внутрь. Такой пальто не имѣетъ разрѣза, и потому онъ надѣвается сверху, пока голова не покажется изъ отверстія, оставляемаго на верху этой одежды, которая у Лопарей называется *печкомъ*. Обувь, какъ я замѣтилъ выше, шьется изъ шкуръ съ ногъ оленей; эта обувь — длинные сапоги (по-Лопарски *яры*), которые довольно красивы, потому что послѣ каждой полоски бѣлой шерсти

слѣдуетъ узенькая полоска темнаго цвѣта, и все это размѣрено правильно и сшито искусно; носокъ яровъ бываетъ длинный и острый, закрючившійся къ верху. Наконецъ, шапка Лопаря составляетъ третій и послѣдній приборъ Лопарскаго костюма. Шапка похожа на колпакъ, съ длинными ушами, которыя, съуживаясь мало по малу, превращаются въ тесьмы, завязывающіяся подъ подбородкомъ, чтобъ шапка плотнѣе прилегала къ головѣ. Шапки эти дѣлаются изъ мѣха молодыхъ оленей, иногда изъ лисицъ. Такой нарядъ чрезвычайно тепелъ, и Лопарь смѣло выходитъ въ немъ на самый жестокій морозъ. Впрочемъ, для Лопарей не существуетъ частыхъ перемѣнъ одежды. Зиму Лопарь проводитъ въ *печкѣ*, не снимая его ни на минуту, а лѣтомъ надѣваетъ, вмѣсто печка, одежду такого же покроя, только суконную, — по-Лопарски *юпу*. На ней преимущественно проявляется изящный вкусъ Лопаря, ибо около ворота юпы нашиваются маленькіе кусочки разноцвѣтныхъ суконъ. Къ довершенію изящества, Лопарь, одѣтый въ юпу, надѣваетъ, вмѣсто національной своей шапки, нашу шапку, или картузъ съ козырькомъ. Многіе Лопари однако же обзавелись и Русскими кафтанами и даже сертуками, въ ко-

торыхъ дѣлаютъ свои парадные визиты къ пріѣзжающему въ погостъ важному въ уѣздѣ лицу, т. е. къ какому-нибудь чиновнику земской полиціи. Говоря вообще, въ домашнюю жизнь Лопарей вошло уже такъ много Русскаго, что вскорѣ она ничѣмъ не будетъ отличаться отъ быта нашихъ крестьянъ. Но замѣчательна въ этомъ сліяніи одна особенность, состоящая въ томъ, что Лопари охотнѣе усвояютъ себѣ тѣ обычаи, или привычки, которые сильнѣе поражаютъ ихъ чувственность, хотя бы въ нихъ не было ни малѣйшей существенной пользы. Лопарь многимъ жертвуетъ, чтобъ достать водки и табаку, но рѣшительно не можетъ постигнуть пользы отъ лучшаго устройства избы, отъ большой удобности и опрятности своего домашняго помѣщенія: а между тѣмъ тотъ же Лопарь съ наслажденіемъ пьетъ чай и, отдуваясь и покрякивая, разсуждаетъ о добротѣ этого напитка, разумѣется, не по вкусу его, а по густотѣ цвѣта; многіе уже Лопари завелись и самоварами и чайными сервизами, этими принадлежностями роскоши, рѣшительно неумѣстными, въ сравненіи съ грустнымъ ничтожествомъ и неопрятностію прочей утвари въ какой нибудь жалкой тупѣ или вежѣ. Изъ всего этого можно уже заклю-

чить, что Лопари стоятъ на очень еще низкой степени умственнаго развитія, потому что у нихъ разсудокъ покоряется чувственности, даже самой грубой. Русскіе промышленники имѣютъ обычай дѣлать пирушку для Лопарей, когда уже совершенно оканчивается лѣтній промыселъ и нагруженныя суда готовы къ отплытію. Такихъ пирушекъ бываетъ въ становищѣ до 5-ти или 6-ти вдругъ, и Лопари приглашаются на каждую. Казалось бы, что невозможно участвовать на всѣхъ этихъ обѣдахъ, кромѣ одного; но Лопарь непремѣнно явится къ каждому обѣду и, кончивъ одинъ, переходитъ къ другому, третьему и т. д., съ возрастающимъ аппетитомъ, для лучшаго возбужденія котораго онъ, въ антрактахъ между обѣдами, покатается и покувыркается по землѣ. Наши Русскіе мужички тоже, какъ извѣстно, обладаютъ прекраснымъ аппетитомъ, но и они, смотря на этотъ прощальный обѣдъ Лопарей, лукаво усмѣхаются, да покачиваютъ головой.

Чтобъ поставить Лопарей на степень людей въ полномъ смыслѣ, надобно явиться такимъ людямъ, которые, отбросивъ мысль объ обогащеніи себя на счетъ этихъ бѣдныхъ сыновъ природы, пришли бы къ нимъ съ твердымъ

желаніемъ научить и просвѣтить ихъ. Это былъ бы подвигъ высокій и святой. Конечно, тутъ было бы много труда, — но этотъ трудъ для блага ближняго былъ бы угоденъ Богу, какъ исполненіе долга Христіанскаго. Души Лопарей еще такъ чисты, что всякое доброе слово, всякой благородный примѣръ найдетъ въ нихъ отголосокъ и сочувствіе. Миролюбіе, любовь къ тишинѣ и то почти братское участіе, которое существуетъ между всѣми Лопарями, суть такія качества, которыхъ дай Богъ всякому народу. Честность и твердость въ исполненіи даннаго слова—тоже добродѣтели, которыя общи для всѣхъ Лопарей. Одинъ изъ замѣчательныхъ историковъ 16-го столѣтія, Павелъ Іовій, жившій въ Россіи въ царствованіе Василія III, между прочимъ пишетъ о Лопаряхъ слѣдующее: «...На самомъ дальнемъ «берегу океана живутъ Лапландцы, народъ «чрезвычайно дикій, подозрительный и до того «трусливый, что одинъ слѣдъ чужеземца, или «даже одинъ видъ корабля, обращаетъ ихъ въ «бѣгство;* что Москвитяне (т. е. Русскіе) не

* Лопари прослыли трусами, можетъ быть, отъ того, что всѣ Лопарскія женщины чрезвычайно пугливы. Стоитъ только пронзительно крикнуть, постучать внезапно и пр., чтобъ испугать Лопарку; она вдругъ вскакиваетъ какъ бѣшеная, хватается за все, что попадется подъ руку, кричитъ,

«знаютъ свойствъ этого народа; что торговля «мѣхами производится безъ разговоровъ, по-«тому что Лапландцы избѣгаютъ чужихъ взо-«ровъ. Сличивъ покупаемые ими товары съ «мѣхами, они оставляютъ мѣха на мѣстѣ, а «купленное уносятъ, и такая заочная торговля «производится съ чрезвычайною честностью.» Въ этихъ словахъ Іовія, на половину баснословныхъ, видѣнъ однакожъ благородный и честный характеръ Лопарей, которому, видно, удивлялись сами Русскіе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя и не удивляться. Когда, напримѣръ, мы—люди образованные—встрѣчаемъ между собою человѣка благородныхъ и честныхъ правилъ, то смотримъ на него съ почтеніемъ и уваженіемъ, тогда какъ, собственно говоря, эта честность и благородство суть долгъ и обязанность всякаго изъ насъ, а не особое качество, потому что мы получаемъ хорошее воспитаніе и образованіе. Скажите, — не больше ли должно уважать эту честность въ людяхъ, еще полудикихъ, не получающихъ никакого воспитанія?..... Для доказательства прямодушія Лопарей, я приведу нѣсколько фактовъ.

бѣгаетъ, наконецъ минутъ чрезъ пять начинаетъ кашлять, и этотъ странный, болѣзненный припадокъ испуга тотчасъ проходитъ.

Русскіе промышленники изъ Колы, или другихъ Поморскихъ мѣстъ, нанимаютъ иногда Лопарей для ловли семги, которую и покупаютъ у нихъ за цѣну, условленную раньше. Такимъ образомъ Лопарь весь свой уловъ семги обязанъ представить хозяину. Случается, что цѣна, за которую Лопарь ловитъ семгу, бываетъ гораздо ниже той, которую предлагаютъ Лопарю другіе промышленники, пришедшіе на лѣтніе промыслы; напр. Лопарь условился продать семгу по 6 рублей за пудъ, а ему даютъ 8 или 10 рублей. Не смотря на такую заманчивую выгоду, честный Лопарь ни за что не рѣшится измѣнить данному слову.—«Нѣтъ, *ба*,*» скажетъ онъ, «нельзя; ужъ продано.» Вотъ еще другой фактъ: вамъ уже извѣстно, что всѣ Русскія становища поручаются надзору Лопарей на всю зиму. Въ анбарахъ становищъ обыкновенно остаются большіе запасы различной провизіи для тѣхъ промышленниковъ, которые придутъ сюда весною. Еслибъ Лопари были народомъ вѣроломнымъ, то имъ безъ труда можно было бы овладѣть всѣмъ, что есть въ становищѣ, и скрывать по-

* Частица *ба* чрезвычайно употребительна въ разговорѣ Лопарей; это то же, что у нашихъ крестьянъ *братъ*, или частицы *то* или *же*. «Здравствуй ба! Садись ба!» и проч.

хищенное въ своихъ тундрахъ, такъ, что правосудію невозможно было бы ни отыскать виновныхъ, ни возвратить украденнаго законному владѣльцу. Однакожъ до сихъ поръ не случилось еще ни одного подобнаго примѣра. Чужая собственность для Лопаря неприкосновенна. Маленькія конурки, стоящія подлѣ всякаго жилища Лопарей, служатъ имъ вмѣсто кладовыхъ, гдѣ сохраняются всѣ богатства ихъ, т. е. плоды промысловъ. Дверца конурки затворяется деревянною задвижкою; но эта предосторожность служитъ только противъ хитрой лисицы, или хищнаго волка, а не противъ какого нибудь злоумышленника; ибо ему легко было бы не только отперѣть задвижку, но и разрушить весь анбарчикъ, разобравъ его доска по доски. Слѣдовательно, по самому устройству кладовыхъ, видно, что всякій Лопарь увѣренъ въ сохранности всего своего имущества. Вообще, воровство не въ характерѣ Лопарей. Отправляясь, напр., собирать добычу, пойманную гангасами, Лопарь тутъ же въ лѣсу снимаетъ со звѣря шкуру и, растянувъ ее между палками, оставляетъ ее на мѣстѣ для просушки—и, прійдя въ другой разъ, найдетъ ее тутъ же въ сохранности. Конечно, и между Лопарями, по нашей пословицѣ: «въ семьѣ не

безъ урода,» есть и такіе, которыхъ характеръ не заслуживаетъ похвалы. Впрочемъ такихъ исключеній слишкомъ мало, и потому они нисколько не препятствуютъ для составленія общаго понятія о прекрасныхъ душевныхъ свойствахъ Лопарей. Выше я замѣтилъ вамъ о кротости и миролюбіи Лопарскаго народа; но не подумайте, чтобъ эти свойства были чѣмъ-то страдательнымъ и жалкимъ; нѣтъ, таковъ вообще характеръ всѣхъ Финскихъ племенъ, а слѣдовательно и Лопарей, какъ потомковъ Финновъ. Лопарь постоянно кротокъ, когда все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ; на все смотритъ онъ равнодушно, все сноситъ терпѣливо. Но стоитъ только расшевелить это равнодушіе— и Лопарь, сбросивъ свою флегму, вдругъ развернетъ предъ вами такія силы души, которыхъ вы прежде въ немъ и не подозрѣвали. Напримѣръ, въ послѣдніе 40 или 50 лѣтъ случились у Лопарей два убійства — преступленія слишкомъ удивительныя и необыкновенныя между такимъ народомъ. Не разбирая въ подробности причинъ этихъ убійствъ, замѣчу только, что поводъ къ одному изъ нихъ могъ бы имѣть мѣсто только у людей съ пылкими страстями, въ странахъ жаркаго юга. Даже воинственная отвага имѣетъ мѣсто въ душѣ Лопарей, хо-

тя, казалось бы, невозможно обладать воинственностію при основномъ качествѣ миролюбія. По крайней мѣрѣ Лопари-старожилы и теперь расказываютъ о военныхъ подвигахъ своихъ предковъ, которые нападали на суда Норвежцевъ, пристававшихъ къ Мурманскому берегу, и часто вторгавшихся въ приморскія мѣста сѣверной Руси. Итакъ должно вообще сказать, что Лопарей можно легко и скоро поставить на общую степень народовъ, называемыхъ образованными. Нужно только внушить имъ понятіе о самопознаніи, а это, такъ же какъ и твердое вкорененіе доброй нравственности и Христіанскихъ добродѣтелей, можетъ быть произведено силою и живительнымъ вліяніемъ Христіанской религіи. Но, къ несчастію, всѣ почти Лопари еще остаются безъ всякаго религіознаго воспитанія, предоставленные въ этомъ отношеніи на произволъ судьбы и случая. Не говоря уже о догматахъ Православія, Лопарямъ неизвѣстны даже и тѣ молитвы, которыя должны быть извѣстны каждому Христіанину. До какой степени чужды для нихъ самыя главныя истины религіи, можно судить по тому, что Лопарскія женщины имѣютъ обыкновеніе носить грудные кресты поверхъ одежды, и,

тщеславясь одна передъ другою бо̀льшимъ блескомъ и величиною крестовъ, превращаютъ такимъ образомъ этотъ священный символъ нашего спасенія въ пустую игрушку. Вообще, обрядовая внѣшность нашей Церкви вовсе Лопарямъ неизвѣстна; они умѣютъ только осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, поклоняясь Богу въ своихъ бѣдныхъ часовняхъ, безъ священника, зажигая свѣчи предъ иконами, или держа въ рукахъ. Такія молебствія особенно многолюдны бываютъ 15-го Декабря, въ память преподобнаго Трифона — перваго наставника Лопарей въ святой вѣрѣ. Трифонъ глубоко почитается всѣми Лопарями, и трогательна ихъ безмолвная молитва, возсылаемая къ преподобному просвѣтителю. Многіе Лопари, особенно Терскіе, не соблюдаютъ постовъ, установленныхъ Церковію; но это, кажется, можно простить имъ, если принять въ соображеніе бѣдность Лопарей и безплодіе Лапландіи, не производящей ни злаковъ, ни овощей. Новорожденный младенецъ у Лопарей слишкомъ долго не получаетъ крещенія; умершіе зарываются въ землю безъ похороннаго обряда, и души усопшихъ парятъ въ горнія, не напутствуемыя молитвами священнослужителей. Причиною всего этого — самая

мѣстность и кочевой образъ жизни Лопарей. Въ Кольскомъ полуостровѣ существуютъ церкви только въ трехъ мѣстахъ, именно: въ городѣ Колѣ и въ деревняхъ Понoѣ и Керети; всѣ эти мѣста чрезвычайно отдалены одно отъ другаго и лежатъ на морскихъ берегахъ. Три священника, принадлежащіе къ этимъ церквамъ, обязаны ежегодно объѣзжать Лопарскіе погосты; но такъ какъ трудно бываетъ застать Лопарей дома, а иногда рѣшительно невозможно достигнуть до какихъ либо погостовъ, то ясно, что только нѣкоторая часть Лопарей можетъ воспользоваться присутствіемъ священника; остальная же часть вовсе не видитъ его въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не поможетъ встрѣтиться какой нибудь счастливый случай. Послѣ этого не покажется удивительнымъ, что для Лопарей чуждо догматическое знаніе религіи, хотя это выкупается глубокою, благочестивою ихъ набожностію. При такой набожности, доказывающей непорочность сердца, и при тѣхъ душевныхъ богатствахъ, о которыхъ сказано выше, Лопари могли бы быть совершенными Христіанами, еслибъ получали основное воспитаніе.* Рас-

* Кстати замѣтить здѣсь вообще о водвореніи Христіанства въ нашей Лапландіи. Замѣчательно, что Лопари сами

пространеніе грамотности есть единственное средство къ достиженію этой цѣли. До сихъ

по своей волѣ желали быть Христіанами. Въ 1526 г., въ царствованіе Василія III, нѣкоторые изъ Лопарей, по древнему обычаю, пріѣхавшіе въ Москву съ данью, рѣшились просить для своихъ соотечественниковъ наставниковъ въ Св. вѣрѣ. Такъ положено было начало Христіанства въ Лапландіи, сперва въ южныхъ предѣлахъ ея, а потомъ (1532) въ глубинѣ и на сѣверѣ ея. Тамъ на рѣкѣ Туломѣ проповѣдывалъ Евангеліе Архимандритъ Ѳеодоритъ. Говорятъ, что онъ перевелъ на языкъ Лопарей многія священныя книги; но ихъ теперь нѣтъ и слѣда, да и самое имя Ѳеодорита нынѣ между Лопарями неизвѣстно. Въ одно время съ Ѳеодоритомъ, около 1550 г., на берегахъ рѣки Печеньги, въ дальнемъ сѣверо-западномъ концѣ Лапландіи, явился новый проповѣдникъ Слова Божія, преподобный Трифонъ. Онъ былъ сынъ одного священника изъ города Торжка и, по любви къ пустынножительству, удалился въ дикій полунощный край. Познакомясь съ туземными обитателями и узнавъ ихъ прекрасныя душевныя качества, онъ рѣшился просвѣтить ихъ свѣтомъ истины. Какъ истинный Апостолъ, преподобный Трифонъ дѣйствовалъ на Лопарей дѣлами добродѣтели, олицетворяя ученіе Вѣры своею жизнію и Христіанскими подвигами. Такимъ образомъ Трифонъ покорилъ себѣ сердца Лопарей и, приготовивъ ихъ къ принятію крещенія, пригласилъ одного Іеромонаха изъ Колы, который крестилъ Лопарей и самого Трифона облекъ въ иноческій санъ. На р. Печеньгѣ Трифонъ основалъ монастырь, которому Іоаннъ Грозный пожаловалъ много угодій. Этотъ монастырь нынѣ уже не существуетъ: его разорили и сожгли въ 1589 г. Шведы, дѣлавшіе безпрерывные набѣги на все Поморье. Нынѣ на этомъ мѣстѣ находится церковь, отстоящая отъ Колы на 185 верстъ. Сюда ежегодно 15-го Декабря пріѣз-

поръ еще ни одинъ Лопарь не умѣетъ ни читать, ни писать; однакожъ будущность Лопарей представляется намъ въ болѣе утѣшительномъ видѣ: теперь въ Кольскомъ приходскомъ училищѣ учится нѣсколько Лопарскихъ мальчиковъ. Дай Богъ, чтобъ этотъ первый прекрасный примѣръ нашелъ себѣ болѣе подражателей, и чтобъ Лопари, просвѣтясь свѣтомъ истины, познавали Бога и молились Ему за добраго нашего Царя, заботящагося о благосостояніи всѣхъ своихъ подданныхъ на самыхъ дальныхъ предѣлахъ неизмѣримой Своей державы.

жаетъ изъ Колы священникъ для совершенія литургіи, въ память преподобнаго Трифона. Къ этому дню изъ самыхъ дальнихъ концовъ Лапландіи съѣзжаются Лопари, которые глубоко чтутъ преподобнаго Трифона, передавая изъ рода въ родъ преданія о благочестивой его жизни и Христіанскихъ подвигахъ.

Прежде, нежели мы разстанемся съ добродушными Лопарями, бросимъ бѣглый взглядъ на историческую судьбу ихъ. Должно однакожъ замѣтить, что этотъ народъ не принадлежитъ къ числу народовъ «историческихъ». Во всеобщей исторіи народовъ вы не найдете имени Лапландцевъ, точно какъ будто этотъ народъ и не существовалъ никогда. Но это произошло отъ того, что Исторія, какъ вамъ извѣстно, разсматриваетъ судьбу и жизнь только тѣхъ народовъ, которые сдѣлали что-нибудь особенно-важное, или были замѣчательны своимъ просвѣщеніемъ, науками, искуствами, или же произвели перевороты въ судьбѣ другихъ народовъ. Лопари-же, какъ народъ полудикій, отдаленный, кроткій, не произвели ничего важнаго и славнаго; этотъ народъ никогда не составлялъ, какъ и всѣ Финскія племена, одного самостоятельнаго государства, но былъ постоянно подъ властію другихъ народовъ; заботился только о своемъ пропитаніи, думалъ только о средствахъ утолить свой голодъ. Интересна-ли такая жизнь для Исторіи, которая, какъ наука, имѣетъ свои законы? По этому самому, вы не встрѣтите въ Исторіи и многихъ другихъ народовъ, которые, подобно Лапландцамъ, живутъ себѣ тихо и незамѣт-

но, хотя эта внутренняя, домашняя или «не-историческая» жизнь ихъ чрезвычайно любопытна и поучительна для каждаго мыслящаго человѣка. Своей же собственной частной исторіи этотъ народъ такъ-же не имѣетъ, потому что, находясь всегда въ полудикомъ состояніи, онъ не зналъ искуства писать, не имѣлъ никакихъ лѣтописей, даже не сохранилъ никакихъ преданій о прежней судьбѣ своей.

По этимъ причинамъ ничего почти нельзя узнать навѣрное, какъ и гдѣ жили Лапландцы въ древнія времена. Но такъ какъ этотъ народъ принадлежитъ къ Финскому поколѣнію, то, вѣроятно, онъ имѣетъ съ нимъ одинаковое происхожденіе. Финны же, какъ должно полагать, вышли изъ Азіи: они еще во времена Кира жили по восточной сторонѣ Уральскихъ горъ до Каспійскаго моря; потомъ за нѣсколько времени до Р. Х. они перешли за Уралъ, въ Европу, къ берегамъ Волги и Камы. Оттуда мало по малу подвигались они на сѣверъ и на западъ, и наконецъ въ IV-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. остановились въ тѣхъ странахъ, гдѣ и теперь существуютъ ихъ потомки, т. е. въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Твер-

ской, Московской и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Во время переселенія Финновъ, Лопари шли всегда впереди ихъ; этимъ объясняется то, что они теперь живутъ на самомъ сѣверѣ и составляютъ собою предѣлъ Финскаго племени. Сперва они бродили по нынѣшней Финляндіи, но потомъ, когда пришли сюда другіе соплеменники ихъ, то они подвинулись на сѣверъ къ берегамъ Ботническаго залива, Бѣлаго моря и Ледовитаго океана и далѣе въ Норвегію, населивъ такимъ образомъ страну, называемую нынѣ Лапландіею. Поколѣніе Лапландское было въ древности весьма многочисленно и занимало большое пространство. Доказательствомъ этого служитъ извѣстіе инока Лазаря Муромскаго, жившаго въ половинѣ 12-го столѣтія, который говоритъ, что въ его время около Онежскаго озера жили *Лопяне* и *Чудь*, люди *звѣрообразные* и *сыроядцы.** Изъ этого

* Лазарь, родомъ изъ Рима, пріѣхалъ въ Новгородъ къ Архіепископу Василію отъ Константинопольскаго Патріарха. По особенному внушенію свыше, Лазарь поселился на пустынномъ островѣ Онежскаго озера. Тамъ онъ построилъ часовню и хижинку для себя. Лопари и Чудь оскорбляли инока, даже сожгли его хижину. Но Лазарь терпѣливо сносилъ это, и старался дѣлать добро своимъ врагамъ. Однажды онъ исцѣлилъ слѣпаго сына одного Лопарскаго старѣйшины; съ этой поры прекратились гоненія на Лазаря, который обратилъ нѣкоторыхъ язычниковъ въ Христіанскую

же видно, что наши предки отличали Лапландцевъ отъ прочихъ Финновъ, называемыхъ вообще Чудью. Это отличіе произошло отъ весьма достаточныхъ причинъ; именно отъ того, что Лопари вели жизнь бродячую, кочевую, а всѣ другія Финскія племена не любили такого образа жизни и занимались хлѣбопашествомъ, которое требуетъ жизни осѣдлой; притомъ самая наружность Лапландцевъ рѣзко отличалась отъ наружности прочихъ Финскихъ поколѣній. Финны даже ненавидѣли Лопарей, считая ихъ народомъ низкимъ и презрѣннымъ. Здѣсь кстати замѣтить о происхожденіи самаго названія *Лапландцевъ*. Всѣ вообще Чудскія племена называются у насъ однимъ общимъ именемъ — Финнами. Но этого слова у этихъ народовъ не существуетъ: оно дано имъ западными Европейцами и, вѣроятно, въ то время, когда Финны поселились на сѣверѣ Европы. Слово Finn, есть древнее Германское слово, означающее *жителя болотистыхъ мѣстъ* (отъ Finn — болото, или низменное мѣсто). Но каждое Чудское поколѣніе называетъ себя особымъ именемъ, хотя значеніе каждаго изъ этихъ именъ почти одина-

вѣру и въ послѣдствіи основалъ на пустынномъ островѣ монастырь.

ково со значеніемъ слова Finn. Такъ напр., Hämälaiset — значитъ житель сырыхъ мѣстъ,* Cainulaiset—житель болотистой земли;** Финляндцы называютъ себя Suomalaiset, Эстонцы — Somelassed, а Лопари—Same или Sohmalaiset;*** всѣ эти названія (Hämä, Cainu, Some, Suoma, Same) выражаютъ то же самое, что и слово Finn. Но наши Лопари, какъ было сказано, всегда жили дальше всѣхъ другихъ Чудскихъ племенъ; по этому имъ дано было названіе Lappu или Loppu, что означаетъ народъ *отдаленный; живущій на границѣ*, или *на концѣ земли*. Этимъ именемъ называли ихъ прочіе Финны, отъ которыхъ узнали потомъ это имя и Русскіе и западные или сѣверные Европейскіе народы. Мы передѣлали имя Lappu или Loppu на свой ладъ, и такимъ образомъ явилось у насъ слово *Лопь, Лопорье, Лопинъ* или *Лопарь*. Но, кромѣ этого названія, Русскіе знали и то имя, которымъ Лапландцы сами себя называли; отъ этого самая Лапландія называлась сперва безъ различія то *Лопорь-*

* Изъ слова Häme произошло исковерканное названіе — Ямь, или Емь; этимъ именемъ назывались Чудскія поколѣнія, жившія по сѣвернымъ берегамъ Финскаго залива.

** Изъ слова Cainulaiset — произошло названіе Каянцевъ.

*** Laiset значитъ люди, жители.

емь, то *Самеядною*. Въ первыя времена, когда были покорены Лопари и нынѣшніе Самоѣды, Русскіе, не зная ихъ языка, считали оба эти народа за одинъ, потому что, по образу своей жизни и по наружному своему виду, эти народы почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Въ слѣдствіе этого, Русскіе называли Самоѣдовъ *Самеядью*, т. е. тѣмъ же самымъ именемъ, которое принадлежало Лопарямъ. Въ послѣдствіи, когда понадобилось точнѣе раздѣлить эти два народа, то Лопари не назывались иначе, какъ Лопарями, а обитателямъ обширныхъ тундръ восточной части Архангельской губерніи дано было навсегда имя *Самеяди* или *Самояди*. Это названіе потомъ измѣнилось въ Самоѣдь и наконецъ въ настоящее слово Самоѣды. * Это слово не должно толковать какъ чисто-Русское, составленное изъ словъ *самъ* и *ѣсть*.

Три государства: Русь, Норвегія и Швеція, раздвигая мало по малу свои предѣлы

* Частица *ядь* принята была за существительное имя, происшедшее отъ глагола *ясти*, и вотъ почему вмѣсто Са*моядь*, стали писать Само*ѣдъ* и Самоѣды; хотя эта частица *ядь* присоединена къ слову *Само* только для того, чтобы этимъ означить собирательное имя цѣлаго народа въ единственномъ числѣ, по примѣру того, какъ составились Лопь, Ямь, Чудь и проч.

на сѣверѣ, сошлись другъ съ другомъ въ Лапландіи и, раздѣливъ ее между собою, наложили дань на ея жителей. Когда именно случился этотъ переворотъ въ судьбѣ Лапландцевъ, — означить съ точностію невозможно. Приблизительно можно сказать, что въ концѣ 10-го столѣтія, или въ началѣ 11-го, Лопари были данниками Новгородскими. Около того же времени покорены были Норвежцами и западные Лапландцы, которые распространились по горамъ Скандинавскимъ на югъ до города Рёросъ; однакожъ въ сочиненіяхъ Норвежскихъ писателей не встрѣчается имени Лапландцевъ, конечно, потому что Норвежцы всегда называли Лапландцевъ Финнами. У Шведовъ же имя Лапландцевъ сдѣлалось извѣстнымъ въ 12-мъ столѣтіи, а въ слѣдующемъ вѣкѣ Шведы завоевали восточную Ботнію (Остроботнію) и вмѣстѣ съ нею кочевавшихъ тамъ Лапландцевъ. Потерявъ свою независимость, Лопари сохранили однакожъ всю прежнюю свою свободу. Безпрепятственно кочевали они со своими стадами, переходя отъ внутреннихъ озеръ къ берегамъ Океана и рѣкъ, изобиловавшихъ рыбою. По этому они часто переходили за

границы сосѣдствующихъ державъ. Наши Лопари въ извѣстное время переходили въ Норвежскую или Шведскую Лапландію и, кончивъ тамъ свои промыслы, возвращались опять въ свои погосты. Но за то, что имъ позволялось промышлять въ чужой землѣ, они должны были платить особую дань тому государству, въ которое переходили. Такимъ образомъ произошли у насъ Лопари *двоеданные* и *троеданные*, то есть платившіе двѣ или три дани. Эта дань, въ первыя времена, состояла изъ шкуръ пушныхъ звѣрей, или изъ рыбы, а въ послѣдствіи платилась деньгами. Собирать эту дань было чрезвычайно трудно, надобно было ѣздить по пустыннымъ и дикимъ мѣстамъ и, такъ-сказать, гоняться за Лопарями, которые переѣзжали съ одного мѣста на другое. Для собиранія дани назначаемы были особые чиновники, которые, кромѣ главной своей обязанности, должны были еще разбирать жалобы и ссоры, часто возникавшія между Лопарями. Одни жаловались на то, что ихъ обижаютъ сосѣди, другія не хотѣли платить дани, потому что не знали, какой именно державѣ принадлежитъ та земля, на которой они жили, — ибо не было точной и постоянной

границы. Эти споры и несогласія обратили на себя вниманіе правительствъ сосѣдствующихъ державъ. Чтобъ навсегда прекратить подобныя неустройства, надобно было провести самую точную границу. Такимъ образомъ бѣдные, ничтожные Лопари послужили поводомъ къ рѣшенію политическаго вопроса. Но не вдругъ опредѣлены были эти границы: это дѣло кончилось ровно черезъ 500 лѣтъ съ того времени, какъ началось. Съ перваго взгляда, конечно, покажется страннымъ, отъ чего такъ долго нельзя было кончить этого дѣла; но надобно знать, что споръ о границахъ въ Лапландіи возобновлялся время отъ времени и не былъ оканчиваемъ за-разъ, потому что тогда, въ древнія времена, не было землемѣровъ; притомъ же дѣло это тотчасъ оставляли, когда случались другія важныя дѣла государственныя. Чтобъ дать вамъ болѣе ясное понятіе объ этомъ дѣлѣ о границахъ Лапландскихъ, я раскажу вамъ нѣсколько о немъ подробностей.

Въ первый разъ упоминается о границахъ нашихъ съ Норвежскими въ договорѣ Новгорода, который владѣлъ тогда всею сѣверною Русью, съ Норвежскимъ Королемъ Магнусомъ; этотъ договоръ заключенъ былъ въ 1326 году.

Въ этомъ договорѣ не было означено въ точности, гдѣ должна проходитъ граница; положено было только возобновить прежнюю, въ чемъ Новгородцы полагались, — какъ сказано въ договорѣ, — на Бога и на совѣсть Короля Магнуса. Этотъ договоръ, неясно опредѣлявшій границы, произвелъ потомъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, войну со Швеціею. Шведы во время этой войны много сдѣлали опустошеній въ нашихъ селеніяхъ; между прочимъ отняли нѣсколько Лопарскихъ погостовъ и хотѣли разорить монастырь, основанный на рѣкѣ Печенгѣ Преподобнымъ Трифономъ. При Іоаннѣ же Грозномъ заключено было перемиріе съ Датскимъ Королемъ, которому принадлежала Норвегія. Въ договорѣ по этому случаю упомянуто, между прочимъ, о границахъ нашихъ съ Норвегіею, но сказано только, что эти границы возобновятся по прежнимъ, древнимъ границамъ. Но вскорѣ послѣ этого договора Датскій Король хотѣлъ отнять у насъ Колу и Печенгу, чтобы завести въ тѣхъ мѣстахъ свою торговлю и уничтожить нашу; но устрашенный флотомъ нашей союзницы Англіи и войсками Іоанна Грознаго, пришедшими въ остроги сѣверныхъ Бѣломорскихъ пристаней, Фридрихъ отказался отъ своихъ притязаній.

Но, желая въ точности опредѣлить наши границы съ Норвегіею, Фридрихъ послалъ въ Колу своего чиновника Керстена Фриза, чтобъ онъ кончилъ это дѣло вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ Царя Ѳеодора Іоанновича, уполномоченнымъ, Княземъ Барятинскимъ. Фризъ, пріѣхавъ раньше, не хотѣлъ ждать Барятинскаго и уѣхалъ назадъ. Такимъ образомъ граница попрежнему осталась неопредѣленною. Новый Король Датскій, сынъ Фридриха, Христіернъ IV хотѣлъ кончить дѣло, начатое отцомъ его; Ѳеодоръ Іоанновичь послалъ въ Колу своихъ уполномоченныхъ: воеводу Князя Звенигородскаго, и намѣстника Болховскаго — Григорія Васильчикова; но уполномоченные Христіерна не пріѣзжали. Вышло то же, что и прежде. Однакожъ Лопарямъ велѣно было оставить свои несогласія и торговать мирно.

Между тѣмъ, еще въ 1595 году,* заключенъ

* Во время войны, конченной этимъ миромъ, часть Шведскаго войска, опустошавшаго Новгородскую область, пришла къ берегамъ Бѣлаго моря и овладѣла Сумскимъ острогомъ (гдѣ нынѣ Сумскій посадъ) угрожая напасть и на Соловецкій монастырь. Въ то же почти время (въ 1591 г.) другая часть Шведовъ напала на монастырь, основанный Преподобнымъ Трифономъ. Два брата, Князья Волконскіе, посланные сюда съ войскомъ, выгнали Шведовъ изъ Сумскаго острога и за разореніе монастыря отомстили опустошеніемъ сѣверной Финляндіи.

былъ мирный договоръ Ѳеодора Іоанновича со Шведами. Въ этомъ договорѣ южные Лопари были раздѣлены такъ, чтобъ Остроботнійскіе и Варангскіе (т. е. жившіе около Варангерфьорда) платили дань Швеціи, а всѣ восточные или Кольскіе — Россіи.

Въ 1601-мъ году, въ царствованіе Бориса Годунова, опять начались споры о границахъ Лапландскихъ, начавшіеся отъ того, что Норвежскіе сборщики требовали съ нашихъ Лопарей 110 ефимковъ. Христіернъ желалъ присвоить себѣ всю Лапландію и доказывалъ, что она принадлежала Норвегіи, основываясь на словахъ историка Саксона-Грамматика и на космографіи Мюнстера, и кромѣ этого, на томъ еще, что сами Русскіе называли Лапландію Лопорьемъ *Мурманскимъ*, т. е. Норвежскимъ, и этимъ какъ-бы напоминали, что нѣкогда она принадлежала Норвегіи. Противъ этихъ доказательствъ уполномоченные Бориса Годунова представляли опроверженія. Они утверждали, что не Норвегія, а Россія должна владѣть Лапландіею, потому что за сто лѣтъ до того времени Лопари были крещены монахомъ Иліею, а раньше того, съ самыхъ древнихъ временъ, они платили дань Новгородцамъ; для подкрѣпленія своихъ доводовъ, наши

уполномоченные выставляли на видъ слѣдующее преданіе, которое въ 1592-мъ году слышали отъ Лопарей посланные въ Колу уполномоченные: воевода Звенигородскій и Васильчиковъ. Въ давнія времена, когда Новгородцамъ была подвластна Корельская земля вмѣстѣ съ Двинскою, жилъ какой-то *большой владѣтель* Валитъ, или Варентъ. Новгородскіе посадники поручили этому Валиту управленіе всею Корельскою землею. Желая распространить владѣнія Новгорода, Валитъ отправился въ Мурманскую землю (т. е. Лапландію), чтобы завоевать ее. Устрашенные Мурмане (т. е. Лопари) призвали къ себѣ на помощь Норвежскихъ Нѣмцевъ. Но эти Нѣмцы не могли отстоять тѣхъ, къ которымъ пришли на помощь: Валитъ разбилъ ихъ на Варенгѣ: * — «ибо онъ самъ

* Нынѣ это преданіе, кажется, уже не существуетъ; по крайней мѣрѣ оно не извѣстно Кольскимъ старожиламъ. Теперь даже невозможно съ точностію сказать — дѣйствительно-ли оно было. Нынѣ нѣтъ нигдѣ (сколько мнѣ извѣстно) упоминаемаго въ преданіи Валитова камня, и не уцѣлѣло ни одной изъ складенныхъ Валитомъ стѣнъ. Однакожъ при нѣкоторомъ усиліи воображенія можно, пожалуй, отыскать если не слѣды самого Валита, то по крайней мѣрѣ намеки на справедливость преданія. Вотъ эти намеки. Преданіе говоритъ, что Валитъ побѣдилъ Нѣмцевъ на *Варенгѣ* т. е. Варангерфьордѣ. Теперь на берегу этого залива стоитъ Норвежскій городокъ *Вадзое*, который у нашихъ Поморовъ

собою былъ дороденъ, ратный человѣкъ и къ рати необычайный охотникъ.» На мѣстѣ битвы поставилъ онъ огромный камень, принесенный имъ съ берега, и окружилъ его 12-ю рядами каменныхъ стѣнъ. Этотъ памятникъ своей славы Валитъ назвалъ Вавилономъ; онъ существуетъ и нынѣ (т. е. въ 1592 году) подъ именемъ Валитова. На мѣстѣ нынѣшней Колы этотъ богатырь построилъ тоже 12 стѣнъ на подобіе своего Вавилона. Самъ же онъ жилъ на каменномъ островѣ, находящемся въ губѣ между рѣками Паз-рѣкою и Печенгою, въ 35 верстахъ отъ губы, въ которую впадаетъ послѣдняя изъ этихъ рѣкъ. Норвежцы принуждены были отдать Валиту все Лопорье до рѣки Ивгея. Съ тѣхъ поръ Лопари сдѣлались данни-

называется *Васино*, а самый заливъ *Васиной губою.* Это имя, можетъ быть, намекаетъ на имя Василія, которое Валитъ получилъ при св. крещеніи. (Говорю — *можетъ быть*, потому что слово *Васино* можно скорѣе считать испорченнымъ отъ слова *Вадзое*). Самое названіе *Варангерскаго* залива имѣетъ созвучіе со словомъ *Варентъ.* Далѣе, преданіе говоритъ, что Валитъ жилъ на каменномъ островѣ, между Паз-рѣкою и Печенгою. Дѣйствительно, и теперь такой островъ есть въ томъ мѣстѣ, и именно въ 35 верстахъ отъ Печенгской губы. Теперь островъ этотъ называется *Шалимъ.* Но повторяю, что все это преданіе должно не принимать за несомнѣнную истину, но считать ее скорѣе вымысломъ.

ками Новгородцевъ, а потомъ и Великихъ Князей Московскихъ.

Однакожъ эти переговоры, по обыкновенію, ничѣмъ рѣшительнымъ не кончились. Датчане предлагали раздѣлить Лапландію на двѣ равныя части; Борисъ уступалъ Норвегіи все пространство на западъ отъ Печенгскаго монастыря, основаннаго Трифономъ. Дѣло было отложено до будущаго съѣзда особыхъ чиновниковъ въ Колу. Но этого съѣзда уже не было, потому что вскорѣ настало для Россіи тяжкое и несчастное время. Нужно было заботиться о спасеніи цѣлаго Русскаго народа, а не о какихъ-нибудь ничтожныхъ спорахъ за границы глубокаго сѣвера, невозмущеннаго тѣми ужасами, которые объяли всѣ остальныя части нашего отечества. Съ этого времени до 1784 года, въ теченіе 183-хъ лѣтъ, кажется, не было и помину о границахъ Лапландіи. Въ 1784 году Императрица Екатерина II повелѣла означить линіи границы Архангельской губерніи съ Норвежскими и Шведскими владѣніями. Для этого посланъ былъ землемѣръ Киселевъ вмѣстѣ съ Кольскимъ исправникомъ. Со стороны сосѣдственныхъ державъ не было никого при этомъ размежеваніи, которое произведено только по указаніямъ мѣстнымъ жителей.

Въ 1809 году, когда присоединена была Финляндія къ Россіи, рѣшена была окончательно часть вопроса о сѣверныхъ границахъ нашихъ. Граница Финляндіи, начинаясь отъ устья рѣки Торнео, шла вверхъ по этой рѣкѣ и далѣе до точки, называемой Коймисойву. Отъ этой точки до Ледовитаго океана граница оставалась еще неопредѣленною. Наконецъ, въ 1826 году, проведена окончательно эта граница, и съ этимъ вмѣстѣ кончилось дѣло, тянувшееся цѣлыя столѣтія. Поводомъ къ окончательному размежеванію границъ нашихъ съ Норвегіею послужилъ самый ничтожный случай. Въ 1822 году нѣсколько Норвежскихъ солдатъ, живущихъ въ крѣпости Вардегусѣ,* пріѣхали на суднѣ къ берегамъ, принадлежавшимъ Паз-рѣцкому погосту, и нарубивъ тамъ дровъ, отправились съ этой добычею обратно въ крѣпость. Обиженные этимъ похищеніемъ, Лопари Паз-рѣцкіе пожаловались Кольскому исправнику, и сказали ему еще, что подобныя похищенія начались лѣтъ десять тому назадъ, и что, кромѣ дровъ, солдаты Варгаевскіе увозятъ иногда оленей и овецъ. Кольскій исправникъ, разумѣется, не имѣлъ права рѣшить это дѣло самъ и наказать виновныхъ, потому что они были

* *Вардегусъ* наши Поморы называютъ *Варгаевомъ*.

подданные Шведскіе. По этому о жалобахъ нашихъ Лопарей доведено было до свѣдѣнія Шведскаго правительства, которое для разбора этихъ жалобъ послало въ мѣстечко Польмакъ, на рѣкѣ Танѣ, фохта изъ города Вадзое (Васина), чтобы онъ вмѣстѣ съ нашимъ исправникомъ присудилъ виновныхъ къ наказанію. Но Шведскій чиновникъ, не дождавшись нашего, уѣхалъ изъ Польмака. Такимъ образомъ дѣло, хотя и неоконченное * повлекло за собою другія важнѣйшія: фохту, посланному въ Польмакъ, нѣкоторые Норвежскіе Лопари, — или какъ называютъ ихъ Русскіе — *Фильманà,*** принесли жалобу на сосѣдственныхъ съ ними нашихъ Лопарей, а эти послѣдніе, въ свою очередь, жаловались на множество стѣсненій и обидъ, наносимыхъ имъ Фильманами. Дѣйствительно наши бѣдные Лопари имѣли полное право жаловаться на Норвежскихъ. Должно замѣтить,

* Въ послѣдствіи виновные Вардегузскіе солдаты были наказаны.

** Такъ вообще Русскіе называютъ здѣсь всѣхъ Норвежскихъ Лапландцевъ. Слово *Фильманъ*, или еще хуже *Фирманъ*, произошло отъ того, что область Норвегіи, прилежащая къ нашимъ границамъ, называется Финмаркъ. Услыхавъ это у Норвежцевъ, наши мужички передѣлали его на свой ладъ. Отсюда вышло слово *Фильманъ* (правильнѣе *Финманъ*), означающее жителя Финмаркенской провинціи.

что Норвежскіе Лапландцы по образу жизни своей во многомъ отличаются отъ нашихъ Лопарей: они исключительно занимаются или скотоводствомъ, или рыбною ловлею, т. е. тотъ, у кого есть олени, не занимается рыбнымъ промысломъ, и наоборотъ. Отъ этого происходитъ раздѣленіе Норвежскихъ Лопарей на Горныхъ (Fieldfinner) и Морскихъ (Seefinner). Горные Лопари, обращая всю свою заботу на стада оленей, стараются умножать ихъ и дѣйствительно имѣютъ огромныя стада. Часть этихъ Горныхъ Лапландцевъ, кочевавшая въ восточномъ Финмаркенѣ, часто переходила со своими стадами на земли сосѣдственныхъ погостовъ нашихъ. Чужіе олени истребляли мохъ, не оставляя этой необходимой пищи для оленей нашихъ Лопарей, которые не были въ состояніи отдѣлаться отъ незванныхъ своихъ гостей — Фильмановъ. Морскіе Лопари Норвежскіе съ своей стороны также вредили нашимъ бѣднякамъ: они приходили ловить рыбу въ тѣ мѣста, гдѣ промышляли наши Лопари, и такимъ образомъ вырывали изъ рукъ все достояніе несчастныхъ промышленниковъ. Фильмана утверждали, что земли, на которыхъ они такъ самовольно господствовали, принадлежали Норвегіи. Эти земли были слѣдующія:

погостъ *Нявденскій* (по-Норвежски Нейденъ), *Паз-рѣцкій* (по-Норвежски Пазвигъ) и *Печенгскій* (по-Норвежски Пенсеенъ). Они занимали пространство въ 150 верстъ длины по береговому протяженію отъ начала Варангерфьорда до губы Печенгской. Правительство Шведское, желая прекратить подобныя неустройства, чтобъ ими не нарушалось доброе сосѣдство, предлагало отдѣлить окончательно владѣнія свои отъ нашихъ, и граничною чертою предположило рѣку Пазвигъ (Паз-рѣку).

Граница эта была бы весьма удобна, но представляла то затрудненіе, что многіе Лопарскія семейства, жившія къ западу отъ этой рѣки и платившія подати Россіи, какъ ея подданные, должны бы были перейти въ подданство Норвегіи. Но прежде, нежели устранить это затрудненіе, положено было немедленно провести границу, а Лопарямъ нашимъ и Норвежскимъ пользоваться пока землями и угодьями означенныхъ погостовъ, которые получили съ тѣхъ поръ названіе общихъ (Felles-districter). Въ 1825 году посланъ былъ по Высочайшему повелѣнію, для размежеванія Лапландскихъ владѣній со стороны Россіи, подполковникъ Галяминъ, а со стороны Швеціи назначенъ былъ полковникъ Сперкъ. Они опредѣлили

пункты, по которымъ должна проходить линія границы. Въ слѣдующемъ 1826 году заключена была конвенція * между Россійскимъ и

* Для любопытныхъ читателей выписываю здѣсь нѣкоторыя статьи этой конвенціи:

Статья I.

«......Поелику трактатомъ, заключеннымъ въ 1751 году между Швеціею и Даніею, опредѣлена черта границы, долженствовавшей отдѣлять Швецію отъ Норвегіи, то та же самая черта остается неприкосновенною, поколику она служитъ нынѣ границею между В. К. Финляндскимъ и К. Шведскимъ, т. е. отъ мѣста, гдѣ начинается новая граница, установленная актомъ разграниченія 8-го (20) Ноября 1810 года, до точки, именуемой Коймусойву-Мадакіетса.»

Статья II.

«Отъ сей точки до рѣки Пазвига (или Паз-рѣки), граница, отдѣляющая Норвегію отъ земли Россійской, остается та же, какая была донынѣ между погостами, именуемыми Felles-districter и Россіею, такъ что отъ Коймусойву-Мадакіетса она протянется по горамъ Рейза-гора и Рейза-ойве до Гельзоміо.

Отсюда же пойдетъ по теченію Пазвига (или Паз-рѣки) и по озерамъ, сею рѣкою образуемымъ, до церкви, воздвигнутой на лѣвомъ берегу этой рѣки во имя Св. Мучениковъ Бориса и Глѣба, которая церковь принадлежать будетъ Россіи съ пространствомъ земли на одну версту въ окружности.

За версту отъ оной церкви къ сѣверу, граница перейдетъ черезъ рѣку Пазвигъ и потянется къ юго-востоку до озерца, изъ котораго вытекаетъ рѣка Ляке-эльфъ, а отъ онаго до точки, гдѣ составляется изъ трехъ источниковъ рѣка Якобсэльфъ (Ворьема); отъ сего мѣста черта разграниченія послѣ-

Шведскимъ Правительствами, окончательно и навсегда опредѣлившая границу нашу на сѣверѣ и рѣшившая дѣло, продолжавшееся пять вѣковъ.

дуетъ по рѣкѣ Якобс-эльфъ до устья сей рѣки въ Ледовитомъ морѣ, близъ Якобс-вига.»

Статья V.

«Норвежскимъ семействамъ, живущимъ на земляхъ, кои по сему разграниченію навсегда достаются въ удѣлъ Россіи, а равномѣрно семействамъ Россійскихъ подданныхъ, поступающимъ подъ Норвежское правленіе, будетъ предоставлено право остаться на мѣстѣ нынѣшняго ихъ жительства, или переселиться на землю другой Державы. Для сего имъ назначается трехлѣтній срокъ, считая со дня размѣна ратификаціи, дабы они могли продать свое имущество, или перевезти оное въ другое мѣсто, не подвергая оныя семейства по сему случаю платежу пошлинъ за вывозъ имѣнія или инымъ какимъ-либо повинностямъ.»

Статья VII.

«Семейства Россійскія и Норвежскія, кои поступятъ по сему разграниченію подъ власть того или другаго Правительства, будутъ имѣть въ продолженіе шести лѣтъ право ходить на землю другой Державы для производства тамъ по-прежнему рыбной и звѣриной ловли, соображаясь однакожъ съ правилами внутренней полиціи и таможенными учрежденіями. Сіе распоряженіе не воспрепятствуетъ, чтобы тѣ изъ новыхъ Россійскихъ или Норвежскихъ жителей, которые переселятся въ оные погосты, пользовались также всѣми тамошними угодьями для нуждъ своихъ и удобностей. Но сіи новые жители должны будутъ оставаться въ предѣлахъ земли, имѣющей принадлежать на будущее время той Держа-

Въ настоящее время наши Лопари въ административномъ отношенiи стоятъ на-равнѣ съ прочими государственными крестьянами: платятъ подати, исправляютъ земскiя повинности и

вѣ, у которой они въ подданствѣ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ участвовать въ правѣ, предоставленномъ кореннымъ тѣхъ погостовъ жителямъ, производить звѣриную и рыбную ловлю на землѣ другой Державы».....

Статья VIII.

«Для предупрежденiя на будущее время всякихъ споровъ, происходившихъ между пограничными жителями отъ общихъ пастбищъ, строго запрещено будетъ, какъ Лапландцамъ Русскимъ, такъ и Норвежскимъ, поступившимъ по сему раздѣлу подъ власть той или другой изъ высокихъ договаривающихся Державъ, пасти оленьи и другiя стада на землѣ, которая не будетъ уже ихъ общая.

Всякое нарушенiе сего запрещенiя доводимо будетъ до свѣдѣнiя того начальства, которому подчиненъ виновный, и сей послѣднiй, по изслѣдованiи дѣла, подвергнется денежной пени, соразмѣрной важности проступка, каковая пеня поступитъ въ пользу того селенiя, на землѣ котораго насилiе учинено будетъ. Само собою разумѣется, что случайно заблудившiеся и на чужую землю перешедшiе олени и другой домашнiй скотъ будутъ обратно отдаваемы ихъ хозяевамъ безъ малѣйшаго затрудненiя.»

По пятой статьѣ этой конвенцiи многiе изъ нашихъ Лопарей должны были перейти въ Норвежское подданство или переселиться внутрь Лапландiи. Перваго они не хотѣли, а второе считали для себя разоренiемъ; между тѣмъ они терпѣли отъ Фильмановъ прежнiя стѣсненiя, ибо вмѣстѣ съ ними позволено имъ было 7-ю статьею производить промыслы въ общихъ погостахъ. Началось новое изслѣдованiе,

проч., но только освобождены отъ личнаго рекрутства, вмѣсто чего платятъ по 150 руб. сер. съ человѣка.* Правительство наше сдѣлало это облегченіе для Лопарей потому, что этотъ народъ очень бѣденъ и немногочисленъ (всѣхъ нашихъ Лопарей считается не болѣе 2000 душъ).

Теперь, любезные читатели, простимся съ Лопарями и обратимъ вниманіе на главный и единственный въ цѣлой нашей Лапландіи городъ Колу. Не правда ли, что при мысли о жителяхъ этого городка, уныло пріютившагося у береговъ Ледовитаго океана, многіе изъ васъ очень радовались, что не живете въ этой пустынѣ? Дѣйствительно, этотъ городокъ невольно возбуждаетъ къ себѣ участіе и состраданіе, не говорю уже въ душѣ обитателей южныхъ странъ, но даже и въ жителяхъ Архангельской губерніи. Но привычка—вторая природа: и Кольскій житель точно такъ же до-

которое кончило эти безконечныя ссоры только въ 1842 году.

Кстати замѣтить, что Норвежское Правительство до самаго 1826 года, т. е. до заключенія конвенціи, объявляло свои притязанія на всю Лапландію, какъ это было нѣкогда при Королѣ Христіернѣ.

* Иной бѣдный Лопарь не въ состояніи бываетъ взнести такую сумму; но ему помогаютъ всѣ сколько-нибудь зажиточные его единоплеменники — новое доказательство добродушія этого народа.

воленъ своимъ городкомъ, какъ и всякій другой; только у людей заѣзжихъ есть почти общая привычка побранить и городъ, и жителей, пожаловаться на климатъ, однимъ словомъ, все найти дурнымъ въ томъ городѣ, куда они пріѣхали по собственной своей волѣ. Но по этимъ жалобамъ можно ли судить истинно о какомъ бы то ни было мѣстѣ? Смѣшно жаловаться на законы природы, которыхъ никто измѣнить не въ силахъ, и также смѣшно желать, чтобъ какой нибудь бѣдный городокъ былъ столь же обширенъ, великолѣпенъ и богатъ, какъ напр. Петербургъ или Москва. Итакъ, можно согласиться, что Кольскіе жители правы, и что они могутъ проводить жизнь свою въ этомъ городкѣ спокойно, весело и счастливо.

Городъ Кола стоитъ при сліяніи двухъ рѣкъ, Колы и Туломы, впадающихъ въ Кольскую губу, — на низменномъ мысѣ, образуемомъ этими сшедшимися рѣками. Вокругъ города, по противоположнымъ берегамъ рѣкъ, тянутся горные скалистые кряжи и со всѣхъ сторонъ закрываютъ городъ. Его можно видѣть только съ окружныхъ высотъ, особенно съ горы Соловары (или Соловараки), у подошвы которой расположена Кола. Съ этой горы

вся Кола видна, какъ на ладони: первый предметъ, на который падаетъ взоръ зрителя, есть огромный соборъ, вокругъ котораго находится деревянная стѣна, съ высокими башнями по угламъ. Это — острогъ, въ которомъ, кромѣ соборной церкви, есть еще другая, каменная, и нѣсколько домовъ, расположенныхъ вдоль узкой улицы; за стѣною острога начинается опять масса домовъ очень незавидной наружности. Вотъ и весь городокъ, не богатый, не пышный, и скорѣе походившій на деревню, еслибъ не было этого громаднаго собора и стѣнъ съ ихъ башнями. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ соборъ есть главная достопримѣчательность Колы. Онъ основанъ въ 1696 году во имя Воскресенія Христова и построенъ изъ чрезвычайно толстыхъ бревенъ. Надъ главною церковью, надъ придѣлами ея и олтарями возвышаются девятнадцать массивныхъ, крытыхъ чешуею главъ, которыя придаютъ всему храму прекрасную пирамидальность. На восточной сторонѣ церкви, подъ кровлею, прибита доска, на которой Славянскими буквами написана исторія основанія этого храма. Внутренность собора не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, ни великолѣпнаго, но поражаетъ своею древностью.

Смотря на толщину бревенъ, изъ которыхъ построенъ этотъ храмъ, нельзя повѣрить, чтобъ такой крупный и прекрасный лѣсъ могъ когда нибудь расти около Колы. Безъ сомнѣнія, его добывали въ южныхъ частяхъ Лапландіи и сплавляли сюда по рѣкамъ и озерамъ. Однакожъ нѣкоторые здѣшніе старожилы, всегда готовые похвалить свое доброе старое время, увѣряютъ, будто-бы прежде такіе лѣса въ Колѣ были «не въ диковинку», но что *нынѣ* все хуже стало: и лѣсъ мельче, и рыбы въ морѣ меньше. Прочность-ли постройки, или холодный воздухъ, недающій сырости, хранятъ этотъ соборъ такъ хорошо, что онъ, не смотря на свою древность, не требуетъ никакихъ поправокъ; стѣны его, обращенныя на сѣверъ и на западъ сохранили свою свѣжесть, и только южная стѣна, болѣе подверженная дѣйствію солнца, покрылась темноватымъ цвѣтомъ.

Я не стану расказывать вамъ теперь объ образѣ жизни Колянъ: объ этомъ будетъ сказано въ послѣдствіи. Замѣчу только, что лѣтомъ большая часть Кольскихъ жителей оставляетъ городъ и отправляется къ морю на промыслы. Въ это время года Кола пустѣетъ: остаются въ ней только должностныя лица,

да дряхлые старики со своими старушками и маленькими внучатами. Зимою же, съ Октября по Февраль, Кола оживлена больше, нежели лѣтомъ, не смотря на трескучій морозъ и глубокіе снѣга. Лѣниво и безпечно проводятъ Коляне свою безконечную зимнюю ночь при свѣтѣ лампъ, наполненныхъ тресковымъ или тюленьимъ жиромъ; ходятъ другъ къ другу въ гости, находятъ время покататься на ледяныхъ горахъ или посмотрѣть на вѣнчаніе какой нибудь Лопарской свадьбы, которая издалека пріѣхала сюда на оленяхъ, украшенныхъ лоскутами разноцвѣтныхъ суконъ. Лѣнь, — неразлучная спутница сѣвернаго жителя, — сильно властвуетъ надъ Колянами, и только развѣ сильная нужда заставитъ домохозяина запрѣчь оленя или собаку * въ керёжу и отправиться въ лѣсъ за дровами. Но эта праздность зимнихъ дней извиняется

* Въ Колѣ для такихъ поѣздокъ больше употребляются собаки, которыя очень сильны, хотя и не велики. Упряжь ихъ подобна оленьей. Лошадей въ г. Колѣ почти вовсе нѣтъ, развѣ только у богатыхъ, которые держатъ ихъ только для своего удовольствія, а не для нужды; ибо эти животныя не могутъ быть полезны для ѣзды по глубокимъ снѣгамъ. Въ Колѣ, кажется, нѣтъ ни одной телеги, не только что дрожекъ или подобныхъ имъ экипажей. Лодка есть единственный лѣтній экипажъ Кольскихъ жителей.

тѣми труженическими подвигами, въ которыхъ Коляне проводятъ цѣлое лѣто и осень въ борьбѣ съ океаномъ. Ловкость ихъ въ промыслахъ, или особенная бойкость и лукавство подали поводъ къ слѣдующей поговоркѣ, которую можно услышать отъ всякаго Помора: *«Кола — крюкъ; народъ ея — уда: что слово, то и зазубра.»* Это выразительное рыболовное выраженіе говоритъ, конечно, не въ пользу Кольскихъ жителей; но, вѣроятно, они чѣмъ нибудь сами же заслужили его.

Въ Колѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ; нѣтъ ни ярмарки, и даже нѣтъ особо-опредѣленнаго дня для торга, какъ это водится во всякомъ другомъ городѣ. Но все необходимое для жизни, даже роскошной, можно найти въ трехъ-четырехъ лавкахъ, находящихся въ городѣ.

Въ настоящее время городъ Кола имѣетъ значеніе одинаковое со всѣми промышлеными притонами здѣшняго Поморья; но не такъ ничтожно было значеніе Колы въ прежнія времена. Тогда имя этого города часто являлось въ договорныхъ грамматахъ нашихъ Царей съ иноземными. Раньше было замѣчено, что Англичане, съ той поры, какъ познакомились съ нами, захватили въ свои руки всю Бѣ-

ломорскую торговлю, основываясь на томъ, что они первые открыли путь къ пристанямъ Бѣлаго моря, и потому требовали у нашихъ Царей, чтобы они не впускали въ эти пристани никакихъ другихъ кораблей, кромѣ Англiйскихъ. Они успѣли въ этомъ; но только одна Кольская гавань была доступна для всѣхъ Европейскихъ кораблей. Въ древности этотъ городъ, называвшiйся сперва «Кольскою волосткою» много терпѣлъ отъ нападенiй Шведовъ, приходившихъ изъ Каянiи, т. е. сѣверо-восточной Финляндiи. Однажды въ Iюнѣ мѣсяцѣ 1589 года они напали на многiя приморскiя мѣста наши, въ томъ числѣ и на Колу, разорили ихъ и взяли добычи на сто тысячь тогдашнихъ рублей, или на полмиллiона нынѣшнихъ. Потомъ въ 1591 году Шведы снова подступили къ Колѣ, обнесенной уже деревяннымъ острогомъ; но Коляне на этотъ разъ побѣдили враговъ и взяли въ плѣнъ главнаго ихъ начальника. За этотъ подвигъ Царь Ѳеодоръ Iоанновичь освободилъ Кольскихъ жителей на три года отъ платежа податей.

Начавъ войну со Шведами, Петръ Великiй повелѣлъ укрѣпить всѣ приморскiе пункты на Бѣломъ морѣ, на случай, еслибъ Шведскiй

флотъ вздумалъ напасть на нихъ. По этому, въ 1704 году, въ Колѣ построенъ былъ новый острогъ, или деревянная крѣпость, съ четырьмя башнями, на мѣстѣ древняго, уже несуществовавшаго тогда укрѣпленія. Около стѣнъ выкопанъ былъ глубокій ровъ, наполнявшійся водою. Теперь этотъ ровъ высохъ, тройныя стѣны мало по малу разрушаются, нò башни еще цѣлы и замѣняютъ анбары или магазины для храненія хлѣба и пр. Въ томъ же 1704 году привезено сюда 53 пушки и послана военная команда подъ начальствомъ коменданта.* Но все это укрѣпленіе и команда были напрасны, потому что ни одинъ Шведскій корабль не являлся предъ Колою. О нашествіи же Шведовъ на другіе Бѣломорскіе пункты будетъ сказано въ свое время.

Только въ началѣ нынѣшняго столѣтія Кола неожиданно подверглась нападенію непріятелей. Этотъ случай довольно любопытенъ и заслуживаетъ нѣсколько подробнаго расказа. Это было въ 1809 году. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что въ то время Россія

* До того времени въ Колѣ жили 100 Стрѣльцовъ подъ начальствомъ воеводъ; но при Екатеринѣ II выведена была небольшая команда изъ Колы, а также увезены были и пушки.

объявила Англіи разрывъ и запретила Англійскимъ кораблямъ приходить въ наши гавани. Началась война; нѣсколько Англійскихъ военныхъ кораблей явились около нашихъ береговъ въ Ледовитомъ океанѣ и Бѣломъ морѣ. Архангельскъ былъ укрѣпленъ и усиленъ двумя полками; отъ Новодвинской крѣпости до самаго города, на растояніи 20-ти верстъ, по берегамъ главнаго Двинскаго рукава, выстроено было нѣсколько баттарей. Но Англійскіе крейсеры не подходили къ Архангельску: они приставали только въ морскія становища, въ деревни; отнимали у поморовъ хлѣбъ, жгли ихъ лодьи, а хозяевъ забирали въ плѣнъ; однимъ словомъ, крейсеры эти не воевали, а разбойничали.

Однажды, на канунѣ Николина дня, 8-го Мая 1809 года, пріѣхалъ въ Колу одинъ изъ тамошнихъ промышленниковъ и съ ужасомъ объявилъ своимъ согражданамъ, что «Англичанинъ» идетъ на Колу, что военный корабль съ пушками и съ войсками плыветъ къ городу по Кольскому заливу. Можете вообразить страхъ мирныхъ Колянъ, вовсе не ожидавшихъ нападенія враговъ. Въ то время въ городѣ было очень много народа: ибо сюда собрались артели промышленниковъ изъ Помор-

скихъ деревень, чтобы потомъ отправиться въ лѣтнія становища свои на Мурманскій берегъ. Небольшая только часть Колянъ ушла на промыслы. Казалось бы, что при такомъ множествѣ народа нечего было бояться нападенія непріятелей. Но весь этотъ народъ былъ промышленный, не военный: куда ему тягаться съ непріятелемъ, у котораго были и ружья, и пушки, и сабли. Кромѣ одной инвалидной команды, некому было защищать города: а деревянная крѣпость во сто лѣтъ такъ состарилась, что нельзя было на нее положиться. «Завести драку или битву, — думали Коляне, — не мудрено; да каково послѣ? Вѣдь не уцѣлѣетъ и городъ, если Англичанинъ побьетъ насъ.» Кромѣ того всѣ почти промышленники были очень бѣдные люди; они за сотни верстъ пришли сюда для того, чтобъ, отправившись на промыслы, нажить кусокъ хлѣба для себя и для своихъ семействъ; тяжело было имъ подумать, что если убьетъ ихъ непріятель,—то кто позаботится о женахъ и дѣтяхъ бѣдняковъ: тогда вѣдь несчастныя семейства ихъ должны будутъ умереть съ голода. Этихъ причинъ довольно, чтобъ понять, почему Коляне не думали защищаться, а испугались страшной вѣсти о крейсерскомъ суднѣ.

Страхъ — заразителенъ: отъ одного переходитъ онъ къ другому. Всѣ Коляне подверглись вліянію страха. Имъ уже казалось: вотъ, вотъ прибѣгутъ Англичане, начнутъ грабить, жечь, убивать. Въ такой крайности, разумѣется, оставалось одно средство къ спасенію, — бѣгство. Тотчасъ поднялась страшная суматоха: всякій собиралъ наскоро все, что было получше; укладывали въ короба и узелки, забирали хлѣба, однимъ словомъ — торопились и хлопотали такъ, какъ будто городу угрожалъ пожаръ, или наводненіе. Менѣе, нежели черезъ часъ, толпы бѣглецовъ и бѣглянокъ съ дѣтьми своими выбѣжали изъ города и, взобравшись на высокую близъ-лежащую гору Соловару, скрылись за ея утесами.*

* Во время этого бѣгства случилось одно весьма печальное происшествіе. Одна женщина, подобно всѣмъ другимъ, торопливо собиравшаяся бѣжать, стала укладывать всѣ свои лучшія пожитки въ большой мѣшокъ. У этой женщины былъ маленькій сынъ одного года отъ роду; онъ былъ очень болѣнъ и не могъ самъ бѣжать со своею матерью. Мать не рѣшилась оставить малютку дома; но не хотѣла взять его на руки и нести, потому что тогда должна бы была оставить свой мѣшокъ съ пожитками. Раздумывая, какъ бы уладить это, она признала за лучшее всунуть своего малютку въ тотъ же мѣшокъ. Тотчасъ же втиснула она туда бѣдняжку и побѣжала. Прибѣжавъ на гору, она раскрыла мѣшокъ — и вынула изъ него уже трупъ своего сы-

Городъ опустѣлъ; въ немъ остались только тѣ, которые или не въ силахъ были бѣжать, или такіе бѣдняки, которые считали свою бѣдность защитою отъ непріятелей, да еще люди, которымъ по своему долгу нельзя было оставить города. Въ страхѣ и безпокойствѣ прошла ночь; но, разумѣется, никто не смыкалъ глазъ въ эту ночь.

Бѣглецы, притаившись въ мелкомъ лѣсу за горою, служившею имъ убѣжищемъ, тайкомъ посматривали на свой родной городъ. Въ слѣдующій день, 9-го Мая, на Кольской губѣ показались два большіе барказа, наполненные вооруженными Англійскими матросами. Они плыли къ городу, и вскорѣ пристали къ берегу. Безъ шума и выстрѣловъ, 30 или 40 человѣкъ Англичанъ, подъ предводительствомъ офицера, вошли въ городъ главными воротами, устроенными подъ башнею. Тутъ встрѣтилъ ихъ Кольскій городничій и сдался военноплѣннымъ, молча подавъ свою шпагу Англійскому офицеру. Матросы разбрелись по пустымъ домамъ, обшарили ихъ, потомъ разбили дверь хлѣбнаго магазина, вытащили нѣсколько кулей муки, наконецъ напали на

на. Бѣдный больной младенецъ умеръ въ мѣшкѣ отъ удушья.

магазинъ, въ которомъ хранилось вино; выкатили нѣсколько бочекъ и нагрузили ими барказы, куда также положена была и мука. Остальное-же вино, котораго не могли взять себѣ, разлили по землѣ. Въ заключеніе же своихъ подвиговъ пьяные матросы убили двухъ тощихъ коровъ, оставленныхъ своими хозяевами на произволъ судьбы.

Проведя ночь въ Колѣ, Англичане на другое утро сѣли въ шлюпы и съ награбленною ими добычею отправились на свой корабль, стоявшій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города въ Екатерининской гавани.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ бѣглецовъ, очнувшись отъ страха, наведеннаго на нихъ появленіемъ Англійскихъ барказовъ, и слыша не пальбу, которой они ожидали, а шумные голоса матросовъ, — выглянули изъ-за своихъ убѣжищъ и, невидимые Англичанами, прилежно смотрѣли на всѣ дѣла ихъ. Но увидя наконецъ, что проклятые «Нѣмцы» ушли и не возвращались, — бѣглецы, не помня себя отъ радости, пустились домой, конечно, еще скорѣе, нежели бѣжали изъ города.

Вѣсть о нападеніи Англичанъ на Колу быстро разнеслась по всѣмъ становищамъ Мурманскаго берега. Промышленники, со стра-

хомъ занимавшіеся своимъ дѣломъ, видѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговъ Англійскія суда, съ которыхъ раздавались по временамъ пушечные выстрѣлы, вѣроятно, для острастки бѣдныхъ нашихъ рыболововъ. Коляне, бывшіе въ становищахъ въ то время, какъ Англичане приходили въ Колу, вообразили себѣ, что родной городъ ихъ опустошенъ и разграбленъ такъ же, какъ нѣкоторые изъ приморскихъ становищъ. Заранѣе плача о своемъ несчастіи и объ участи своихъ семействъ, эти промышленники бросали свои занятія и спѣшили домой, выбравъ кратчайшую, но ужасную дорогу чрезъ тундры, скалы и болота, идя день и ночь. Посудите же о ихъ радости, когда они нашли Колу и всѣхъ родныхъ своихъ невредимыми! Этого было довольно, чтобъ забыть тяжкій путь, который они совершили и чтобъ опять пуститься тою же дорогою къ своимъ становищамъ.*

* То время, когда Англичане крейсировали по Бѣлому морю и Ледовитому океану, очень памятно всѣмъ нашимъ промышленникамъ. Въ тотъ годъ многіе изъ нихъ обѣднѣли и другіе разорились совершенно. Не только на морѣ, но и въ становищахъ наши Поморы не могли считать себя въ безопасности, ибо Англичане часто вторгались въ становища, жгли и грабили ихъ. Отъ этого рыбные промыслы были тогда чрезвычайно неудачны: рыбы выловлено было очень мало, а продавалась она ужасно дорого.

Вотъ каково было нашествіе Англичанъ на Колу. По той тишинѣ, съ которою совершилось это нашествіе, оно скорѣе походило бы на посѣщеніе гостей, еслибъ только опустошенные магазины не доказывали, что эти гости приходили для грабежа. Кольскіе жители, расказывая потомъ объ этомъ происшествіи, весьма жалѣли, что вздумали бѣжать изъ города; но вѣдь извѣстная пословица говоритъ, что «послѣ войны много храбрыхъ».

Я думаю, что многіе изъ моихъ читателей, если и извинили Колянамъ робость и страхъ, наведенный первою вѣстью объ Англичанахъ, то не простятъ имъ трусости, когда всѣхъ Англичанъ пришло только 30 или 40 человѣкъ: вѣдь не трудно было бы прогнать эту маленькую толпу, вмѣсто того, чтобъ постыдно сдаваться имъ и украдкой смотрѣть, кàкъ распоряжались въ городѣ пришедшіе нахалы. Это очень справедливо; и Коляне должны стыдиться своей непростительной трусости. Но не подумайте, чтобъ всѣ Коляне были такіе трусы. Вотъ послушайте, я раскажу вамъ, что случилось потомъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ описаннаго нашествія близъ береговъ нашей Лапландіи шло, по направленію къ Норвегіи, не-

большее Русское судно. Это судно было нагружено хлѣбомъ, который и везло оно въ Норвегію для продажи. Свѣжій вѣтерокъ, надувая паруса нашей лады, довольно живо подвигалъ ее впередъ. Весь экипажъ этого судна состоялъ изъ 4–хъ человѣкъ Поморовъ, вмѣстѣ съ кормщикомъ, который стоялъ на кормѣ судна и правилъ рулемъ. Это былъ человѣкъ довольно высокого роста, очень крѣпкаго тѣлосложенія; ему было лѣтъ подъ 40. Остальные спутники, или подчиненные кормщика, спокойно расположившись на носу лады, приготовлялись приняться за уху, которая очень привлекательно кипѣла въ камбузѣ, подъ присмотромъ одного изъ Поморцевъ, исправлявшаго должность коха. Замѣтивъ, что уха готова, кохъ снялъ котелокъ съ огня и поставилъ его на палубу, а самъ вооружившись поваренкой (чумичкой), какъ знатокъ своей должности, отправился на корму судна, закричавъ громкимъ голосомъ и на распѣвъ:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Хозяинъ съ работниками хлѣба-соли ѣсть!*

* Этотъ возгласъ постоянно соблюдается на всѣхъ нашихъ ладьяхъ, предъ обѣдомъ, паужиномъ и ужиномъ;

Но кончивъ свой возгласъ, кохъ внимательно устремилъ взоры свои на горизонтъ и вдругъ вскричалъ, обращаясь къ кормщику:

«Матвѣй Андреичъ! а, Матвѣй Андреичъ! Парусъ видѣть! Не то лодейка, не то карабль какой-то *чебанитъ*.* Глянь-ко!»

Кормщикъ быстро обернулся назадъ. Долго и внимательно вглядывался онъ въ бѣлую точку, показывавшуюся на краю горизонта. Но эта точка съ каждой минутой вырастала больше и больше. Ясно было, что это былъ корабль, шедшій по одному курсу съ нашимъ судномъ.

— Ну, братцы, бѣда! — торопливо сказалъ кормщикъ своимъ товарищамъ, которые собрались на корму посмотрѣть на виднѣвшійся вдали парусъ.

«Бѣда?» вскричали они съ удивленіемъ и страхомъ, услышавъ слова кормщика, «А что такое, Матвѣй Андреичъ?... Богъ да Христосъ, какая бѣда?»

— Да вѣдь это Англичанинъ бѣжитъ!

«Англичанинъ!» и наши Поморцы въ уныніи опустили свои головы.

даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ на суднѣ весь экипажъ состоялъ изъ 2-хъ человѣкъ.

* Чебанитъ, — идетъ.

Въ эту минуту звукъ пушечнаго выстрѣла загудѣлъ по волнамъ океана.

— Слышите? — вскричалъ кормщикъ, — самъ сказался разбойникъ!

«Никола милостивый!» завопили бѣдные наши моряки, «чего мы дѣлать-то станемъ теперь!...»

— Да чего дѣлать? Воля Божья: что будетъ, то и будетъ. Намъ вѣдь ужъ не уйти отъ нихъ: что гляди, — супостатъ нагонитъ; вишь какъ шибко бѣжитъ: легокъ разбойникъ! Я сворачивать не стану; пойдемъ, какъ шли; не то, намъ же хуже будетъ. Молитесь Богу, братцы; да пообѣдайте.

Но бѣднякамъ было ужъ не до обѣда: несчастные думали о своей участи, въ плѣну у злодѣевъ.

Между тѣмъ Англійскій корабль, распустивъ всѣ паруса свои, летѣлъ какъ птица, направляя бѣгъ свой на судно нашихъ Поморовъ. Съ каждой минутой уменьшалось разстояніе между этими двумя судами. Вскорѣ наши моряки услышали громкіе крики Англичанъ, приказывавшихъ имъ остановить ходъ судна и спустить паруса. Дѣлать нечего; Поморцы должны были повиноваться, хоть и не совсѣмъ понимали по-Англійски. Паруса были *обронены* (спущены);

между тѣмъ Англійскій корабль ловко подошелъ къ самому борту нашего судна, сдѣлалъ оборотъ и спустилъ на воду шлюпку съ 10-ю матросами. Первымъ дѣломъ этихъ матросовъ было осмотрѣть грузъ судна: жадные корсары, разумѣется, обрадовались, увидя трюмъ нашего судна биткомъ набитый мѣшками съ мукою. Такую добычу имъ было пріятно захватить въ свои руки. Но будь Поморское судно наше безъ груза или съ небольшимъ грузомъ, ему не уцѣлѣть бы: обыкновенно такія суда, какъ безполезныя для себя, крейсеры предавали огню, а экипажъ забирали въ плѣнъ. Конечно, и это судно постигла бы та же участь въ послѣдствіи, когда бы весь хлѣбъ, бывшій въ немъ, перегруженъ былъ въ крейсерскій корабль; но такой перегрузки не возможно было сдѣлать въ открытомъ морѣ, а надобно было войти въ какое-нибудь становище. Въ слѣдствіи этого, Англичане рѣшились взять призовое судно на буксиръ и вести его за собою, какъ какой нибудь хлѣбный магазинъ. Наши Поморцы были оставлены на своемъ суднѣ, но уже не были его хозяевами: вмѣстѣ съ 10-ю матросами Англійскими они составили экипажъ, подъ начальствомъ одного офицера.

Взятіе Англичанами нашей ладьи не имѣло и тѣни морскаго сраженія: оно произошло какъ будто само собою, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны нашихъ моряковъ. Да и что, въ самомъ дѣлѣ, могли бы сдѣлать четверо нашихъ противъ полсотни Англичанъ, хорошо вооруженныхъ, — противъ пушекъ, которыя такъ угрюмо выглядывали изъ бортовъ крейсерскаго судна? Покорностъ и безгласность были единственнымъ средствомъ къ спасенію жизни для нашихъ несчастныхъ Поморцевъ.

Англичане очень скоро кончили всѣ работы, какія нужно было исполнить, чтобъ привязать канатами призовое судно къ своему кораблю. Паруса были снова распущены, вѣтеръ наполнилъ ихъ; крейсерскій корабль рванулся впередъ и повлекъ за собою добычу. Съ этой минуты кормщикъ нашъ, котораго товарищи величали Матвѣемъ Андреичемъ, какъ будто повеселѣлъ и казался уже не столь угрюмымъ и озабоченнымъ, какъ во время самаго нападенія на его судно. Смотря на кормщика, и остальные Поморы наши тоже немножко поободрились.

Прошло дня два или три, а можетъ быть больше, но наша ладья все шла за крейсер-

скимъ судномъ на привязи. Погода стояла довольно тихая, но потомъ вдругъ измѣнилась: поднялся жестокій сѣверный вѣтеръ; океанъ зашумѣлъ и заигралъ по-своему. Качаясь на огромныхъ волнахъ, наши связанные корабли чуть не разбивались другъ о друга; Англичане принуждены были отвязать канатъ, привязанный къ нашему судну, и велѣли бывшимъ на ладьѣ матросамъ итти какъ только можно ближе и не отставать отъ корабля. Но это легко было приказать, а не исполнить: буря, и еще въ океанѣ, не свой братъ: она распорядилась по-своему, такъ, что наши суда потеряли другъ друга изъ виду. Наша ладья непремѣнно погибла бы среди мелкихъ береговыхъ островковъ и отмелей, къ которымъ нанесла его буря, еслибъ нашъ кормщикъ не спасъ ее, а вмѣстѣ съ нею и Англичанъ, у которыхъ онъ былъ въ плѣну. Во время бури, кормщикъ нашъ, по просьбѣ Англичанъ, такъ искусно управлялъ судномъ и такъ заботился о спасеніи его, что какъ будто забылъ, что это судно принадлежитъ уже не ему, и что онъ самъ плѣнникъ, а не хозяинъ. Но кончилась буря, Англичане однакожъ очень полюбили нашего кормщика и его спутниковъ, потому что чувствовали, какъ

много обязаны имъ; къ тому же они не думали, чтобы наши Поморы могли покуситься на что нибудь для своего освобожденія. Наша ладья лавировала около береговъ Мурманскихъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ кораблемъ, съ которымъ разлучилась во время бури.

Но теперь пора сказать вамъ нѣсколько словъ о нашемъ кормщикѣ. Имя его вы знаете, а его фамилія — Герасимовъ. Онъ былъ Кольскій мѣщанинъ. Какъ истый Поморъ, онъ превосходно зналъ свои родныя воды; проводя на нихъ всю жизнь свою съ десятилѣтняго возраста, ходя безпрестанно на ладьяхъ, сперва съ званіи *зуя*,* потомъ *работника* (матроса) и наконецъ въ качествѣ *кормщика* (штурмана), Герасимовъ зналъ наизусть всѣ острова, островки, корги, отмели, находящіяся въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ. Какъ всякій другой Поморъ, Герасимовъ не зналъ хитрыхъ ученыхъ инструментовъ, полагался только на помощь Николая Чудотворца, да на свой глазъ и на свое знаніе. Благодаря своей расторопности и бойко-

* На нашихъ Поморскихъ судахъ служатъ иногда мальчики, которые занимаются преимущественно вареніемъ пищи для экипажа судна, а также и работаютъ, что по ихъ силамъ. Такіе мальчики называются зуями; они соотвѣт-

сти, Герасимовъ успѣлъ скопить себѣ нѣсколько денегъ и завелъ себѣ одну или двѣ ладьи, и въ слѣдствіе этого сдѣлаться *хозяиномъ.* Но въ то время, когда случилось расказываемое происшествіе, Герасимовъ шелъ не на своемъ суднѣ: оно принадлежало со всѣмъ грузомъ одному Кольскому купцу, который нанялъ Герасимова проводить судно въ Норвегію и продать или вымѣнять тамъ на рыбу грузъ его. Я сказалъ вамъ, что Герасимовъ казался очень равнодушнымъ къ своему несчастію, но не думайте, чтобъ это произошло отъ того, что не ему принадлежало судно и грузъ; нѣтъ, такой низкой черты вы не найдете ни у одного Помора: для нихъ священна всякая чужая собственность, и все, что поручено имъ, они берегутъ какъ свой глазъ. Герасимовъ только повидимому какъ будто ни о чемъ не заботился, но въ душѣ своей онъ уже обдумалъ, какъ отдѣлаться отъ Англичанъ. Удалось-ли это ему, — увидимъ сейчасъ.

Я сказалъ, что наша ладья лавировала въ Ледовитомъ океанѣ; тогда дули перемѣнные вѣтры и то удаляли ее, то снова приближали къ берегамъ. Наши Поморы пользовались на

ствуютъ *боямъ* (boys) или *юнгамъ* иностранныхъ кораблей.

суднѣ полною свободою, а Герасимовъ удостоился даже чести обѣдать вмѣстѣ съ начальникомъ Англійскихъ матросовъ.

Такъ прошло около недѣли. Однажды вдругъ потянулъ свѣжій *востокъ* (восточный вѣтеръ); Герасимовъ какъ будто ожилъ. Онъ весело переглянулся съ своими товарищами, и потомъ въ свободную минуту о чемъ-то потолковалъ съ ними. Наступила ночь; Англичане всѣ почти забрались въ каюту, не желая подвергаться холоду на палубѣ, гдѣ оставлены были два или три Англійскіе матроса, да еще рулевой. Кромѣ ихъ на палубѣ были всѣ наши Поморы и Герасимовъ, который очень дружески разговаривалъ съ рулевымъ при помощи нѣсколькихъ Англійскихъ фразъ, которыя ему удалось выучить. Вдругъ Герасимовъ, громко кашлянувъ, перекрестился и, внезапно подойдя къ рулевому, сильно толкнулъ его: бѣднякъ полетѣлъ въ воду съ высокой кормы, на которой, какъ обыкновенно на ладьяхъ, не было бортовъ, а только крошечныя перилы. Руль былъ уже въ рукахъ Герасимова. Но въ ту-же минуту на бакѣ ладьи происходила другая подобная сцена. Наши Поморы схватили Англичанъ, тамъ бывшихъ, и побросали ихъ въ море. Вся эта битва со-

вершилась мгновенно; не было ни звука, ни крика. Слышны были только всплески воды, да стукъ дубины, которою одинъ Поморъ, отличавшiйся необыкновенною силою, колотилъ по пальцамъ одного Англичанина, желавшаго снова вскарабкаться на ладью. Въ то же самое время всѣ люки на палубѣ были накрѣпко закупорены. Въ радости Поморы наши сняли шапки и, обратясь къ Востоку, изъ глубины души благодарили Бога за Его помощь. Ладья наша подъ управленiемъ прежняго своего хозяина побѣжала и веселѣе и быстрѣе. Англичане, запертые въ каютѣ, какъ въ клѣткѣ, ничего сперва не подозрѣвали, потомъ уже догадались, въ чемъ дѣло, — да поздно. Напрасно они кричали, чтобъ имъ открыли люкъ, что они разобьютъ его; но не тутъ-то было: какъ ни стучали они, а люкъ все не открывался и не ломался; найдя какое-то долото, они вздумали было сдѣлать изъ него пистолетъ; начинили порохомъ, вложили пулю и нацѣлились въ люкъ: порохъ вспыхнулъ, а пуля и осталась себѣ спокойно, гдѣ была. Дѣлать нечего; принуждены были Англичане покориться тѣмъ, которыхъ они за минуту до того называли своими плѣнниками. Прислушиваясь къ кри-

камъ и ругательствамъ своихъ плѣнниковъ и подъ-часъ посмѣиваясь надъ ними, наши Поморы думали только о томъ, какъ бы имъ поскорѣе *добѣжать* до Варгаева (островъ Вардое), который, по расчету Герасимова, долженъ быть не далеко. Герасимовъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: вскорѣ онъ примѣтилъ по лѣвую руку сѣверный берегъ Варангерфьорда, а тамъ подбѣжавъ еще дальше, Поморцы наши завидѣли и *Варгаевъ.* Мнѣ остается досказать вамъ только то, что Герасимовъ, приставъ къ Вардегусской крѣпости, сдалъ своихъ плѣнныхъ тамошнему коменданту. Императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ подвигѣ Герасимова, наградилъ его Георгіевскимъ крестомъ, установленнымъ для нижнихъ военныхъ чиновъ за храбрость.*

Подобные подвиги слишкомъ рѣдки и потому заслуживаютъ уваженія. Надѣюсь, что мои читатели, если когда случится вспом-

* Въ послѣдствіи Герасимовъ успѣлъ оказать еще одну важную услугу. Бывши въ одной экспедиціи, отправленной на Новую Землю подъ начальствомъ г-на Генералъ-Лейтенанта Ѳ. П. Литке, Герасимовъ, въ качествѣ лоцмана, спасъ судно экспедиціи въ одномъ очень опасномъ мѣстѣ Бѣлаго моря, за что̀, по ходатайству Ѳ. П. Литке, былъ награжденъ медалью. — Герасимовъ умеръ въ С. Петербургѣ лѣтъ 20 тому назадъ.

нить имъ о Герасимовѣ, вспомнятъ о немъ съ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ, который своимъ умомъ и отвагою умѣлъ нѣкогда восторжествовать надъ нѣсколькими изъ враговъ своего отечества. Я думаю, что для одного его можно простить малодушіе всѣхъ его сограждань, бѣжавшихъ при видѣ тѣхъ же враговъ.

Печальный городокъ Кола есть единственное почти во всей Лапландіи мѣсто, гдѣ живутъ Русскіе.* Это какая-то пустынная и бѣдная колонія, отчужденная, далеко заброшенная отъ другихъ селеній Русскихъ. Село Ка́ндалакша, лежащее при Кандалакшскомъ заливѣ, или губѣ *Кандалухѣ*, — какъ здѣсь его называютъ, — есть самое ближайшее къ Колѣ изъ Русскихъ деревень; но оно отстоитъ отъ города на 210 верстъ. Сообщеніе Колы съ другими городами чрезвычайно затруднительно и потому очень продолжительно. Письмо, напримѣръ, отправленное изъ Колы въ

* Въ настоящее время всѣхъ жителей въ Колѣ считается 629 человѣкъ, изъ которыхъ 347 мужескаго пола, а 282 — женскаго. Кромѣ Колы, въ уѣздѣ его находятся 7 Русскихъ деревень, лежащихъ у моря: *Кереть*, *Ковдо*, *Кандалакша*, *Умба*, *Ва́рзуга*, *Кузоменская* и *Поной*. Самое многолюдное изъ этихъ селъ есть *Кереть;* въ немъ до 635 д. жителей.

Архангельскъ, приходитъ только черезъ 3 или 4 недѣли, и то въ самое благопріятное время для ѣзды почты, т. е. зимою.** Но лѣтомъ, а особенно весною и осенью, почта бываетъ въ дорогѣ мѣсяца два: вообразите же, каково тѣмъ изъ Кольскихъ жителей, которые имѣютъ своихъ знакомыхъ или родныхъ въ дальнихъ городахъ Россіи, — каково имъ ждать такъ долго извѣстій, можетъ быть очень важныхъ для нихъ? Эта медленность, разумѣется, происходитъ отъ дурныхъ дорогъ, по которымъ ѣздитъ и почта, и путешественники. Почтовая дорога въ Кольскомъ уѣздѣ, начинаясь отъ южнѣйшей въ уѣздѣ деревни Керети, идетъ отъ вершины Кандалакшской губы почти по прямой линіи до самой Колы. Лѣтомъ, для ѣзды по этой дорогѣ нельзя употреблять оленей, а потому для перевоза почты и проѣзжихъ употребляются Лопари, которые находятся на 7-ми станціяхъ. Они на себѣ должны переносить почту въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ случатся перешейки между многочисленными озерками, лежащими по линіи дороги; всего же пѣшкомъ должно пройти верстъ 80 или 100; остальное пространство

** Отъ Архангельска до Колы считается около 1035 верстъ.

проѣзжаютъ въ лодкахъ по озерамъ и рѣчкамъ. Еслибъ кто вздумалъ предпринять путешествіе по Лапландіи лѣтомъ, и отправился бы въ путь одинъ, безъ надежнаго проводника, — тотъ непремѣнно погибъ бы среди обширныхъ болотъ. Самое лучшее и удобное время для путешествія по Лапландіи, да и по всей сѣверной половинѣ Архангельской губерніи — есть зима, хотя и она имѣетъ свои ужасы и опасности.

Природа, расширивъ царство животное, отказала Кольскому полуострову въ царствѣ растительномъ: о хлѣбопашествѣ, или вообще о земледѣліи здѣсь нѣтъ и помину. Есть только нѣсколько огородовъ, но они совершенно безполезны. Въ этихъ огородахъ растетъ только рѣпа, которая въ хорошее лѣто достигаетъ большой величины; но кромѣ этого плода ничего другаго не родится въ огородахъ. Капуста пускаетъ одни листы, жесткіе, длинные, сѣроватаго цвѣта; картофель родится чрезвычайно мелкій, такъ, что не стоитъ разводить его; лукъ пускаетъ однѣ только дудки, или перо. Однимъ словомъ, огородничество Кольскаго уѣзда въ самомъ жалкомъ положеніи. На всемъ пространствѣ Кольскаго полуострова не увидите вы ни од-

ной нивы, ни одного колоса; только въ юго-западномъ углу уѣзда на косорогахъ, обращенныхъ къ полудню, замѣтите вы, между обгорѣлыми пнями деревъ, скудныя пажити, засѣянныя рожью и ячменемъ. Здѣсь живетъ народъ, отличный отъ Русскаго, отличный и отъ Лапландцевъ, хотя родственный имъ. Этотъ народъ — *Карелы.*

Карелы, называемые здѣсь Кореляками и Корельцами*, живутъ по всему пространству Кемскаго уѣзда, особенно въ западной половинѣ его, гдѣ и соединяются съ прочими единоплеменниками своими, находящимися въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и Олонецкой губерніи. Подобно всѣмъ мелкимъ племенамъ, подвергающимся вліянію господствующаго народа, Карелы далеко не похожи на Финновъ, ибо, кромѣ своего языка, они не сохранили ничего больше. Въ образѣ жизни, и

* Сами себя Карелы называютъ Järvilaiset, — т. е. жители озеръ или мѣстъ, покрытыхъ озерами. Імя *Кареловъ* дано имъ по мѣсту, которое называлось Кареліею и занимало всю сѣверную часть Финляндіи. Въ древнихъ сагахъ Карелія называлась *Квенландіею*; нѣкоторые географы считали ее землею Амазонокъ, вѣроятно потому, что принимали слова *Quinland* и *Quönland* за одно и то же; ибо первое слово значитъ *Женская земля*, а второе — *Карелія.* До сихъ поръ Корелякъ у Норвежцевъ называется Quöner.

особенно въ обычаяхъ, Карелы ничѣмъ не отличаются отъ Рускихъ приморскихъ жителей. Подвергшись вліянію Рускихъ, здѣшніе Финны, въ свою очередь, произвели на нихъ тоже нѣкоторое вліяніе. Отъ этого взаимнаго дѣйствія одного народа на другой произошла перемѣна въ правахъ, обычаяхъ и языкѣ каждаго изъ нихъ, т. е. вышло то, что Кореляки отстали отъ древнихъ Финновъ, а Рускіе Поморцы пріобрѣли такія особенности, которыя рѣзко отличаютъ ихъ отъ прочихъ Рускихъ, живущихъ въ той-же Архангельской губерніи. А какъ произошло это — я сейчасъ объясню вамъ. Извѣстно вамъ, что все здѣшнее Поморье было нѣкогда занято Финнами; когда-же пришли сюда Рускіе, то Финны должны были уступить имъ береговое пространство Бѣлаго моря и покориться новымъ пришельцамъ. Въ послѣдствіи побѣдители и побѣжденные слились въ одну массу: такимъ-то образомъ составилось племя здѣшнихъ Поморцевъ, между которыми и до сихъ поръ существуютъ Финскія фамильныя прозвища. Только тѣ Финны, которые жили вдали отъ морскихъ береговъ, долго еще оставались въ прежнемъ состояніи; но нынѣ и тѣ ничѣмъ, кромѣ роловаго языка своего, не отличаются отъ По-

морцевъ. Однакожъ, при всемъ этомъ сходствѣ Кореляковъ и Поморовъ, есть между ними различіе, которое я постараюсь теперь показать моимъ читателямъ. Но напередъ должно бросить взглядъ на самую страну, въ которой живутъ эти два племени.

Подъ именемъ *Поморья* здѣсь, въ общемъ смыслѣ, разумѣется все береговое пространство Бѣлаго моря отъ Колы до Архангельска и Мезени; но, въ тѣсномъ и болѣе опредѣленномъ значеніи, имя Поморья придается только пространству отъ Кандалакшской губы до Онеги, потому что эти берега Бѣлаго моря наиболѣе населены. Восточный берегъ моря, почти совершенно пустынный, называется просто Зимнимъ берегомъ. Берега собственно Поморья имѣютъ особыя названія, именно: отъ вершины Кандалакшской губы до устья ея по южную сторону идетъ берегъ Кандалакшскій, простирающійся на 150 верстъ; отсюда до города Кеми тянется берегъ Карельскій; далѣе начинается Поморскій берегъ, идущій до города Онеги, и наконецъ отъ этого пункта до устьевъ Сѣверной Двины идетъ Лѣтній берегъ.

Природа Поморья отличается отъ Лапландской только климатомъ, который здѣсь не такъ

суровъ и ужасенъ; но и этотъ естественный переходъ въ климатѣ совершается постепенно. Такъ, напр., Кандалакшскій южный берегъ, по положенію своему открытый холоднымъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, имѣетъ климатъ, ничѣмъ не отличающійся отъ климата Лапландіи. Вообще вся береговая полоса Поморья, подверженная вліянію моря, не можетъ похвалиться благорастворенностію воздуха. Во внутренности же страны, чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ лучше становится климатъ: даже на 200 или 150 верстъ отъ морскихъ береговъ можно уже ясно замѣтить измѣненіе температуры. Это явленіе обще для всякаго приморскаго края, и я думаю, что читатели мои столько уже знакомы съ физическою географіею, что мнѣ нѣтъ надобности подробно объяснять это явленіе. Средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Поморьѣ простирается до +7° Р.; но, смотря по мѣстности, она повышается или понижается. Растительное царство здѣсь хотя и не разнообразно, но за то хорошо тѣмъ, что вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ Поморцевъ. Такъ напр. здѣшніе лѣса чрезвычайно обширны и достигаютъ полнаго своего развитія и громадности; особенно хороши лѣса въ Кареліи (по-здѣшнему въ Корелахъ): тамъ

проходятъ отпрыски Скандинавскаго хребта, образуя множество холмовъ; всѣ эти холмы увѣнчаны лиственницами, елями, соснами и березами. Сообразно съ климатомъ, растительность на берегахъ моря гораздо слабѣе, нежели внутри страны; но въ южныхъ предѣлахъ береговъ, разумѣется, растительное царство столь же богато, или еще болѣе, какъ внутри сѣвернаго Поморья. Плодоносныхъ кустарниковъ чрезвычайно мало въ здѣшнемъ краю, а если и есть кое-гдѣ, то они не всегда приносятъ плоды, потому что ихъ истребляютъ то морозы, то черви. Тундристая почва, встрѣчающаяся очень часто въ Поморьѣ, производитъ много ягодъ, особенно морошку, чернику и брусинку. Но я не стану исчислять вамъ всѣхъ произведеній здѣшней флоры, потому что всякій изъ моихъ читателей, вѣроятно, столько знакомъ съ естественною исторіею, что можетъ самъ составить себѣ понятіе о количествѣ и родахъ здѣшнихъ произрастеній.— Общій видъ поверхности Поморскаго края представляетъ намъ то же, что и Лапландія, т. е. холмистыя возвышенности, болота, множество озеръ, рѣкъ и ручьевъ. Грунтъ земли— гнейсо-гранитъ, покрытый различными наносными почвами. Въ нѣдрахъ этого грунта во

многихъ мѣстахъ находятся металлы: золото, серебро, мѣдь и желѣзо. Въ прежнее время здѣшніе рудники были разработываемы, но нынѣ эта вѣтвь промышленности вовсе оставлена и, кромѣ желѣза, здѣшніе жители ничего болѣе не добываютъ. Однакожъ оставленные Надвоицкіе золотые рудники могли бы приносить большія выгоды, потому что прежде въ нихъ на каждые сто пудовъ получалось 5 золотниковъ чистаго золота. Кромѣ металловъ, во многихъ Приморскихъ мѣстахъ здѣсь добывали слюду, которая въ прежнее время шла для военныхъ кораблей, строющихся на Архангельской верфи.

Вся Поморская страна, особенно на сѣверѣ, покрыта множествомъ болотъ и озеръ; число послѣднихъ въ Кемскомъ и Онежскомъ уѣздахъ простирается до 600, изъ которыхъ самыя значительныя суть: Верхній, Средній и Нижній Куйто, Андозера, Сумозеро, Кереть, Шумозеро, Топозеро, Рогозеро. Во всѣхъ озерахъ водится рыба въ большомъ изобиліи. Рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ въ Поморьѣ также чрезвычайно много; но всѣ они имѣютъ, такъ сказать, особенный свой характеръ, и по теченію своему, по качеству и вкусу воды весьма рѣзко отличаются отъ рѣкъ южной и

восточной частей Архангельской губерніи. Теченіе здѣшнихъ рѣкъ чрезвычайно быстро, и эта быстрота увеличивается еще отъ пороговъ, которыми усѣяны здѣшнія рѣки; приливы моря, возвышающіе воду рѣкъ до 3-хъ и 6-ти футовъ, не измѣняютъ ихъ теченія, ибо паденіе ихъ очень высоко. Каменистыя ложа, по которымъ текутъ рѣки, прекрасно очищаютъ воду и придаютъ ей необыкновенную прозрачность. Вотъ названія главнѣйшихъ изъ здѣшнихъ рѣкъ: Кереть, Кемь, Шуя, Выгъ, Кузъ, Вирма, Сума, Колежма, Нюкча, Ухтъ, Унежма, Куша, Онега съ побочными Кожею, Поньгою и Мошею, Анда, Вонгуда, Мудьюга, Сювтюга, Кодема, Тевза, Кянда, Лямца, Уна, Сюзьма, Золотица, Пушлахта. Чтобъ эти довольно неблагозвучныя имена не внушили моимъ читателямъ презрѣнія къ этимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, то я долженъ сказать, что во многихъ изъ нихъ водятся жемчужныя раковины. Туземцы увѣряютъ, что во всякой здѣшней рѣкѣ, въ которой водится семга, непремѣнно есть и жемчужныя раковины: это справедливо, по крайней мѣрѣ весьма вѣроятно, потому что семга особенно любитъ порожистыя рѣки, а раковины, какъ извѣстно, прицѣпляются обыкно-

венно къ подводнымъ камнямъ и скаламъ. Впрочемъ должно замѣтить, что здѣшній жемчугъ не совсѣмъ хорошъ: во-первыхъ, потому что не крупенъ, а во-вторыхъ, — не имѣетъ бѣлизны, а покрытъ синеватымъ цвѣтомъ. Ловлею жемчужныхъ раковинъ здѣшніе Поморы почти вовсе не занимаются, а если нѣкоторые и ловятъ ихъ, то отъ бездѣлья. Вотъ способъ, какой употребляется здѣсь для этой ловли. Устроиваютъ изъ бревенъ небольшой плотъ, въ срединѣ котораго прорубаютъ отверстіе; въ это отверстіе вставляютъ трубу, такъ, чтобы большая часть ея входила въ воду. На такой плотикъ садится промышленникъ и внимательно смотритъ на дно рѣки въ трубу, между тѣмъ какъ помощникъ его тянетъ плотъ веревкою, идя тихонько по берегу. Лишь только промышленникъ, сидящій на плотикѣ, замѣтитъ въ свою трубу, что раковины притаились у какого нибудь подводнаго камня, тотчасъ даетъ знакъ своему товарищу, чтобъ тотъ остановился; послѣ этого онъ тотчасъ опускаетъ въ отверстіе плота длинный шестъ, на концѣ котораго придѣланъ особаго устройства крючекъ или тиски; направивъ шестъ на раковину, промышленникъ подхватываетъ ее этими тисками и вы-

таскиваетъ на плотъ. Этотъ способъ ловли, хотя и безопасный для промышленника, требуетъ много хлопотъ и времени, а потому вовсе не выгоденъ: такъ какъ посредствомъ шеста можно вытащить за разъ только одну раковину, то случается иногда, что промышленникъ, потерявъ цѣлый день, выловитъ нѣсколько раковинъ, да и то не жемчужныхъ. Конечно, можно было бы производить здѣсь ловлю жемчуга по употребляемому нынѣ способу посредствомъ водолазныхъ колоколовъ, но напередъ надобно быть увѣрену, что этотъ жемчугъ найдетъ покупателей. Нужно ли упоминать читателямъ, что въ здѣшнихъ рѣкахъ водится много рыбы, въ особенности семги? Впрочемъ семга не во всякой рѣкѣ одинаковаго качества: знатоки съ перваго взгляда отличатъ семгу, выловленную, напримѣръ, въ рѣкѣ Варзугѣ, отъ семги, поймàнной въ рѣкѣ Онегѣ. Въ продажѣ семга называется именемъ той рѣки, въ которой ловлена; такъ напр. семга–Онега, семга–Поной и пр. Кромѣ семги здѣшнія рѣки богаты другими рыбами, именно: кумжами, щуками, лещами, окунями. Лѣса Поморья и Кареліи населены свойственными здѣшнему краю животными; такъ же, какъ и въ Лапландіи, здѣсь носятся

стада дикихъ оленей, искрятся во мракѣ ночи глаза волковъ и часто слышенъ трескъ деревьевъ, ломаемыхъ медвѣдемъ; кромѣ того въ здѣшнихъ лѣсахъ, какъ и во всей остальной части Архангельской губерніи, во множествѣ водятся лисицы, куницы, бѣлки, зайцы, горностаи и россомахи. Классъ птицъ хотя и не слишкомъ здѣсь разнообразенъ, но за то многочисленъ: озера и болота даютъ убѣжище уткамъ, куликамъ, бекасамъ, цаплямъ; морскіе берега оглашаются криками гагаръ и чаекъ; въ извѣстныя періоды времени несутся по воздуху вереницы журавлей, лебедей и гусей. Въ лѣсахъ обитаютъ *рябы* (рябчики), *чухари* (глухіе тетеревы), *коппели* (глухія тетерки), *пеструхи* (обыкновенныя тетерки), совы, орлы, ястребы и прочіе.

Выше было замѣчено, что самая большая часть Поморскаго края покрыта лѣсами, болотами и озерами; остальная часть его находится подъ лугами и подъ пашнями. Но земледѣліе здѣсь въ самомъ ничтожномъ состояніи, а по морскимъ берегамъ оно даже вовсе оставлено; въ сѣверныхъ частяхъ Кемскаго уѣзда только одни Кореляки занимаются хлѣбопашествомъ. Постараюсь объяснить вамъ причины такого упадка земледѣлія, или, лучше, препе-

бреженіе его. Главною причиною дурнаго состоянія здѣшняго земледѣлія — климатъ. Сосѣдство моря, часто превращающаго лѣто въ ненастную осень, препятствуетъ созрѣванію растительности; кромѣ того самая кратковременность здѣшняго лѣта (отъ Іюня до Августа) служитъ главнымъ препятствіемъ для успѣшнаго земледѣлія: часто, даже можно сказать—постоянно, случается, что хлѣбъ, еще не успѣвшій созрѣть, побивается жестокими *утренниками*,* начинающимися около 15-го Августа. Иные земледѣльцы, чтобъ не совсѣмъ потерять посѣвъ отъ мороза, рѣшаются снимать хлѣбъ еще не дозрѣлый. Конечно, случаются иногда урожаи, но это—исключеніе изъ общаго правила. Отъ этой естественной безуспѣшности земледѣлія происходитъ какое-то пренебреженіе Поморовъ къ хлѣбопашеству. Опытъ научаетъ ихъ, что какъ ни старайся, какъ ни ухаживай за своими нивами, но всетаки не получишь ни малѣйшей выгоды, если вдругъ настанутъ морозныя ночи. Пренебреженіе Поморовъ къ хлѣбопашеству имѣетъ еще свою уважительную причину: зачѣмъ безуспѣшно хлопотать имъ о нивахъ, когда стоитъ только сѣсть на ладью и отправиться въ

* *Утренникъ*, морозъ ночной во время осени и весны.

море, чтобъ въ немъ найти себѣ все необходимое для существованія? Приморскій житель нигдѣ почти не бываетъ земледѣльцемъ, а ужъ тѣмъ болѣе на сѣверѣ. Спросите какого-нибуть здѣшняго Помора, отъ чего у нихъ не родится хлѣбъ,—и вы получите въ отвѣтъ, что ужъ тутъ земля такова, что хлѣба не даетъ. Задайте этотъ-же вопросъ о томъ-же мѣстѣ другому Помору, и онъ вамъ скажетъ, что хлѣбъ не родится отъ того, что морозъ рано побиваетъ его. Изъ этихъ разнородныхъ отвѣтовъ можете составить себѣ понятіе, каковы земледѣльцы здѣшніе Поморы? Еслибъ кому-нибудь вздумалось превратить здѣшнихъ Поморовъ въ ревностныхъ землепашцевъ, тотъ долженъ былъ сдѣлать слѣдующее: 1) осушить безчисленное множесто болотъ и измѣнить климатъ; 2) отодвинуть Бѣлое море куда нибудь подальше, чтобъ оно не мѣшало климату и, главное, не соблазняло-бы Поморовъ своими богатствами, и 3) совершенно преобразовать Поморовъ на новый ладъ, чтобъ они рѣшительно не походили на нынѣшнихъ. Но сдѣлать все это, къ несчастію, невозможно; слѣд. до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать здѣсь океанъ и море, до тѣхъ поръ Поморье всегда останется страною неземледѣльческою; мор-

скіе промыслы всегда будутъ главнымъ средствомъ къ существованію жителей этого края. Я не говорю однакожъ, что земледѣліе должно быть здѣсь вовсе оставлено; напротивъ оно можетъ также имѣть свое значеніе, какъ второстепенное средство къ жизни Поморовъ, но только когда будетъ усовершенствовано, или когда Поморовъ научатъ, какъ обращаться съ землею, чтобъ извлечь изъ нея возможную пользу, не прибѣгая, разумѣется, къ тѣмъ невозможнымъ средствамъ, о которыхъ было замѣчено выше. При всемъ возможномъ усовершенствованіи земледѣлія, здѣшніе жители, въ общемъ итогѣ, могутъ получать хлѣба только такое количество, какое нужно имъ для собственнаго употребленія; остатковъ для продажи быть не можетъ, слѣд. по неволѣ должно прибѣгать къ другимъ занятіямъ, болѣе выгоднымъ, а потому и земледѣліе должно стать на степень занятій второстепенныхъ, вспомогательныхъ. Къ тому же должно замѣтить, что усовершенствованіе здѣшняго земледѣлія есть дѣло слишкомъ трудное: такъ какъ скотоводство состоитъ въ самой тѣсной связи съ земледѣліемъ, то на скотоводство и должно прежде всего обратить вниманіе. Но можно ли съ успѣхомъ заниматься скотоводствомъ

въ Поморьѣ, гдѣ нѣтъ для него хорошаго корма, гдѣ бѣдняки кормятъ коровъ своихъ то соломой, то мхомъ и даже рыбою? Положимъ, еслибъ какой нибудь здѣшній Поморъ рѣшился бы забыть свое родное море и занялся бы исключительно сельскимъ хозяйствомъ. Но кто же дастъ ему денегъ для необходимаго обзаведенія, для покупки скота, найма работниковъ, для тысячи другихъ потребностей? Кто научитъ его, какъ лучше приняться за земледѣліе,—дѣло еще совершенно ему незнакомое? Кто, наконецъ, поддержитъ этого земледѣльца, когда неурожай въ конецъ разоритъ его? Вотъ вопросы, которые задаетъ себѣ каждый изъ Поморовъ, когда хотятъ внушить ему необходимость земледѣлія,—вопросы, на которые нѣтъ другаго отвѣта, кромѣ грустнаго молчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поморья можно еще замѣтить заглохшія, запущенныя пространства земли, нѣкогда обработанной: эти остатки нивъ суть живыя преданія предковъ, ясно говорящія потомкамъ о безполезной попыткѣ итти на перекоръ съ природою и требовать отъ нея того, чего она дать не можетъ, повинуясь вѣчнымъ своимъ законамъ.

Въ отношеніи къ земледѣлію совсѣмъ другое

представляетъ Карелія или западная часть Поморья. Тамъ это занятіе есть необходимость для жителей, удаленныхъ отъ моря, и слѣдовательно немогущихъ пользоватся выгодами отъ морскихъ промысловъ. Самая мѣстность и климатъ Кареліи благопріятствуютъ земледѣлію: ибо, какъ раньше было замѣчено, тамъ воздухъ благорастворениѣе, нежели въ Поморьѣ, лѣто продолжительнѣе и температура выше и постояннѣе, а холмистая поверхность земли представляетъ весьма много полей и отлогихъ косогоровъ, удобныхъ для посѣва. Но при всемъ этомъ земледѣліе у Кореляковъ стоитъ на такой-же ничтожной степени, какъ и у Поморовъ. Нѣтъ ни одной Карельской деревни, жители которой круглый годъ употребляли бы хлѣбъ своего посѣва: Кореляки должны покупать его у Поморовъ, по дорогой цѣнѣ, не надѣясь на свои ничтожныя пашни. Если, къ несчастію этихъ бѣдняковъ, въ иной годъ случится совершенный неурожай, а цѣны на хлѣбъ поднимутся, — то Кореляки принуждены бываютъ прибѣгнуть къ ужасному способу, чтобъ соблюсти экономію въ покупномъ хлѣбѣ. Для этого они снимаютъ съ свѣжихъ сосенъ верхнюю кору, потомъ срѣзываютъ находящійся за нею слой мягкой коры, назы-

васмой заболонью. Эту заболонь раскладывают потомъ на землѣ для просушки. Высушенная такимъ образомъ кора походитъ весьма на лоскутки кожи. Предъ употребленіемъ заболонь окончательно высушивается въ печи и потомъ на ручной мельницѣ между двумя жерновами превращается въ мелкій порошокъ, или муку. Эта сосновая мука смѣшивается потомъ съ ржаною, но такъ, что фунтъ такой смѣси состоитъ изъ $^3/_4$ сосноваго порошка и $^1/_4$ настоящей муки. Смѣшавъ съ извѣстнымъ количествомъ воды эту странную муку и составивъ тѣсто, бѣдняки пекутъ изъ него небольшія круглыя лепешки, подобныя Лопарскимъ, называемыя *решкою*. Одна только крайняя нужда и необходимость заставляетъ прибѣгать къ этому хлѣбу, — иначе даже проголодавшійся человѣкъ не рѣшился бы отвѣдать красноватой, сыплющейся какъ песокъ и отвратительно-горькой решки. Разумѣется одно незнаніе заставляетъ Кореляковъ употреблять примѣсь сосновой коры, тогда какъ у нихъ есть множество кореньевъ и мховъ, которыми съ выгодою можно замѣнить сосновую заболонь, потому что въ нихъ есть питательныя частицы или начала, которыхъ сосновая кора въ себѣ не имѣетъ, а потому, не принося существенной

выгоды, можетъ быть еще вредною для здоровья. Однакожъ увѣряютъ, что заболонь есть прекрасное средство отъ цынготной болѣзни. Правда, что не всѣ Кореляки употребляютъ решку; есть даже такіе изъ нихъ, которые не имѣютъ понятія объ ея вкусѣ; однакожъ въ глубинѣ Кареліи частые неурожаи и глубокая, грустная бѣдность заставляютъ очень часто прибѣгать къ этой пищѣ.

Естественнымъ слѣдствіемъ дурнаго состоянія земледѣлія произошло то, что Кореляки оставляютъ его совершенно и ищутъ другихъ способовъ къ существованію. Всякій избираетъ себѣ занятіе сообразно съ способностями и обстоятельствами. Разсмотримъ теперь эти занятія, чтобъ получить понятіе о жизни этого народа. Надобно замѣтить, что здѣшній Корелякъ, не смотря на прямое происхожденіе свое отъ Финновъ, далеко и во многомъ не похожъ на единоплеменниковъ своихъ, живущихъ въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи. Тамошній Финнъ слишкомъ привязанъ къ своему родному геймату, къ своимъ полямъ, и безъ нужды никогда не рѣшится на разлуку съ ними, развѣ когда внезапная бѣда постигнетъ его: падетъ скотъ его, морозъ опустошитъ его нивы. Только тогда простится онъ съ роднымъ

гейматомъ и съ палкою въ рукахъ, съ сумою за плечами пойдетъ бродить изъ села въ село, прося гостепріимнаго крова у своихъ земляковъ. Не таковъ здѣшній Финнъ или Корелякъ; онъ для малѣйшей выгоды готовъ отправиться хоть на край свѣта; цѣлые годы проводитъ онъ вдали отъ своего геймата, то странствуя въ качествѣ разнощика, то плавая на ладьѣ по океану и морю, то строя мореходныя суда. Отъ этого образа жизни здѣшній Финнъ утратилъ первобытный характеръ своихъ предковъ: въ немъ не замѣтно флегмы и меланхоліи; напротивъ, Корелякъ всегда веселъ, беззаботенъ, даже среди ужасающей бѣдности своей, и, не имѣя своихъ пѣсень или забывъ ихъ, онъ поетъ Русскія пѣсни, хотя, по незнанію Русскаго языка, жестоко коверкаетъ слова ихъ.

Если справедливо, что древніе Финны славились своею торговлею, — то Кореляки, по меркальтильнымъ способностямъ своимъ, похожи на своихъ предковъ. Чтобъ зашибить копѣйку, Корелякъ пускается въ торговлю, и вотъ какъ онъ производитъ ее. Накопивъ какъ нибудь нѣсколько денегъ, онъ отправляется съ ними на Шунгскую ярмарку, на границу Олонецкой губерніи. Закупивъ здѣсь плат-

ковъ, ситцу, нитокъ, иголокъ, булавокъ и прочихъ подобныхъ мелочей, онъ укладываетъ свой товаръ въ ящикъ, взваливаетъ его на спину, и отправляется въ дальнюю Карелію, съ барышомъ продавая свои «красные товары», на которые вездѣ найдетъ покупщиковъ и покупщицъ. Такого странствующаго торгаша можно встрѣтить въ глуши сѣверной Финляндіи и даже въ пустыняхъ Лапландскихъ. Продавъ весь товаръ свой, Корелякъ закупаетъ у Финляндскихъ поселянъ нѣсколько сотъ шерстяныхъ юбокъ, называемыхъ Датскими, и перепродаетъ ихъ Русскимъ Поморамъ, а самъ снова отправляется на ярмарку. При счастливыхъ торговыхъ оборотахъ мало по малу Корелякъ пріобрѣтаетъ столько выгодъ, что уже пускается въ обширную торговлю. Тогда ужъ онъ не хочетъ самъ разносить свои товары, но нанимаетъ другихъ; уже онъ не довольствуется поѣздкою на Шунгскую ярмарку, но ѣздитъ въ Москву. Въ домѣ его изобиліе и роскошь; имя его гремитъ по всему Поморью и Кареліи; онъ живетъ бариномъ и умираетъ, завѣщавъ дѣтямъ свои капиталы и выгодную торговлю.

Второе занятіе здѣшнихъ Кореляковъ состоитъ въ кузнечномъ мастерствѣ, которымъ

славились древніе Финны; это мастерство такъ же, какъ и ткаческое, было самымъ древнѣйшимъ ремесломъ и было очень уважаемо ими, потому что изобрѣтеніе желѣза Финны приписывали богамъ. Финны приготовляли, стрѣлы, копья, мечи, которыми торговали, если вѣрить сагамъ, въ коихъ прославляется Финское оружіе. Въ горахъ Кареліи, и особенно въ болотахъ, находится много желѣзныхъ рудъ. Кореляки, хотя и не имѣютъ желѣзныхъ заводовъ, но достаютъ эту руду и обработываютъ ее въ своихъ кузницахъ. Они приготовляютъ топоры, ножи, разныя вещи для мореходныхъ судовъ и наконецъ охотничьи ружья (винтовки), которыми не только снабжаютъ своихъ земляковъ, но и всѣхъ Поморовъ, нарочно пріѣзжающихъ сюда за этими ружьями. Особенно процвѣтаетъ кузнечное мастерство въ деревняхъ Юшкозерѣ и Масляной.

Тѣ изъ Кореляковъ, которые не ищутъ успѣха въ торговлѣ и не хотятъ возиться съ наковальнями, избираютъ себѣ особое занятіе, также чрезвычайно полезное,—именно кораблестроеніе; но такъ какъ это занятіе требуетъ особаго искуства, опытности и навыка, то, разумѣется, дается не всякому. По этому

число корабельныхъ мастеровъ очень не велико; это искуство, такъ же, какъ и кузнечное, передается отъ отца къ сыну и составляетъ нѣкотораго рода наслѣдство, завѣщанное предками своимъ потомкамъ. Верстахъ въ 15 отъ города Кеми есть большая Карельская деревня Подъ-ужемье, въ которой живутъ потомственные судостроители. Къ нимъ всегда обращаются Поморы, когда желаютъ строить ладьи. Эти мастера не знаютъ ни чертежей, ни плановъ, но руководствуются при строеніи судовъ только навыкомъ и какимъ-то архитектурнымъ чутьемъ. Впрочемъ архитектура Бѣломорскихъ судовъ всегда однообразна, и ладьи нынѣшней постройки совершенно подобны тѣмъ, какія строились здѣсь за 100 или за 200 лѣтъ до этого. Теперь однакожъ я не стану говорить вамъ о судостроеніи, потому что подробности объ этомъ предметѣ будутъ расказаны послѣ.

Обезпеченные означенными ремеслами Кореляки кажутся настоящими аристократами въ сравненіи съ остальною частію своихъ земляковъ, которые не имѣютъ коммерческихъ способностей и не знаютъ ни кузнечнаго, ни корабельнаго мастерства. Эти люди достойны сожалѣнія по несчастной своей участи. Они въ пол-

номъ смыслѣ рабы богатыхъ Поморовъ имѣющихъ мореходныя суда. Не занимаясь скуднымъ земледѣліемъ, эти бѣдняки нанимаются въ матросы на Поморскія лады, и за какіенибудь 30 рублей сер. обязаны вести тяжкую жизнь въ работѣ на морскихъ промыслахъ въ теченіе всего лѣта, т. е. съ Мая до Октября. Деньги, которыя получаетъ такой бѣднякъ, составляютъ все его достояніе. Но вы сами можете судить — достаточно-ли ихъ для того, чтобъ на нихъ прокормить цѣлый годъ семейство и уплатить подати? Разумѣется ихъ мало, и потому бѣднякъ обращается къ своему хозяину, чтобъ тотъ ссудилъ его деньгами или хлѣбомъ, за что обязуется заработать. Съ каждымъ годомъ несчастный болѣе и болѣе увеличиваетъ свой долгъ новыми займами и доходитъ до того, что долженъ сдѣлаться вѣчнымъ работникомъ у своего хозяина. Семейство несчастнаго бѣдствуетъ въ безотрадномъ положеніи. Поля запущены; все, однимъ словомъ, представляетъ крайнюю степень бѣдности. Странно было-бы спросить у такого бѣдняка: отъ чего поля его запущены или отданы сосѣдямъ; зачѣмъ нѣтъ у него ни коровъ, ни лошадей; отчего такъ дуренъ его домъ? Подъ тяжелымъ гнетомъ своей бѣдности, несчаст-

ный не загадываетъ впередъ, не утѣшаетъ себя никакими предположеніями и надеждами, не видитъ никакого средства къ улучшенію своего существованія; ложась спать, онъ говоритъ: «день прожитъ, слава Богу!» — радуясь, что никто изъ его семейства не умеръ съ голоду. Примѣры подобной бѣдности и зависимости отъ богатыхъ мы встрѣтимъ и между Русскими Поморами.

Въ домашнемъ быту своемъ Кореляки ничѣмъ не отличаются отъ Поморовъ. Наружный видъ Карельскихъ деревень, расположенныхъ на берегахъ озеръ, чрезвычайно бѣденъ: вообразите себѣ десять или двадцать маленькихъ домиковъ, и вы получите понятіе о Карельской деревнѣ. Домъ Кореляка состоитъ большею частію изъ одной жилой комнаты (пэрти), освѣщаемой тремя маленькими окнами; въ углу пэрти стоитъ печь, иногда съ трубою, а иногда и безъ нея, какъ въ черной банѣ. Подлѣ пэрти, чрезъ узенькія сѣни, находится скотный дворъ. Домà однакожъ довольно высоки, такъ что подъ пэрти находится еще анбаръ для помѣщенія разнаго домашняго хлама и для ручной мукомольной мельницы. У болѣе зажиточныхъ Кореляковъ бываетъ еще особая чистая комната для гостей, при-

строиваемая къ одному боку дома въ рядъ съ пэрти, которая служитъ постояннымъ жилищемъ хозяевъ. Какъ ни бѣдно жилище Кореляка, но оно, въ сравненіи съ гейматами сѣверныхъ Финляндцевъ, кажется великолѣпнымъ, особенно по чистотѣ и опрятности, которая соблюдается Кореляками какъ нѣкотораго рода добродѣтель.

«Не красна изба углами, а красна пирогами,» говоритъ пословица. Эту пословицу вполнѣ можно примѣнить къ домамъ Кореляковъ. Гостепріимство есть одна изъ обязанностей, добровольно налагаемыхъ на себя каждымъ Кореляком: будь онъ бѣденъ или богатъ,—Кореляк одинаково гостепріименъ, съ тою только разницею, что въ первомъ случаѣ онъ не въ состояніи предложить своему гостю того, что предложилъ бы въ послѣднемъ. Странникъ можетъ смѣло стучаться въ дверь Карельскаго дома и быть заранѣе увѣренъ, что хозяинъ этого дома не откажетъ ему въ пристанищѣ. Все, что есть у Кореляка, будетъ предложено гостю, безъ всякаго вознагражденія за то. Кореляк накормитъ путника, «чѣмъ Богъ послалъ»; принесетъ ему своей *рокки* *, по-

* *Рокка* есть родъ похлебки, похожей на Лапландскую линду.

дастъ молока и хлѣба; напоитъ и накормитъ лошадь своего гостя, если она у него есть. Особенно развертывается гостепріимство Кореляковъ во время церковныхъ праздниковъ, бывающихъ разъ или два въ годъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ. За недѣлю до праздника начинаются приготовленія къ нему: въ избахъ моютъ полы и стѣны, ловятъ рыбу,—однимъ словомъ, хлопочутъ, какъ бы лучше угостить многочисленную толпу гостей, которые явятся на праздникъ. Въ самый день праздника гости являются и пируютъ въ продолженіи недѣли, истребивъ все, что было для нихъ запасено и опорожнивъ нѣсколько боченковъ «капуны»—напитка, похожаго на пиво. Этими праздниками, шумными и разгульными, прерывается постоянно-тихій и однообразный ходъ домашней жизни Кореляковъ.

Въ отношеніи умственномъ Кореляки стоятъ на высшей степени, въ сравненіи съ Лопарями, но, подобно имъ, представляютъ жалкій примѣръ невѣжества. Самая главная причина невѣжества и слѣдствій, отъ него происходящихъ, есть неграмотность. Она составляетъ несчастіе Кореляковъ, которые при бѣдности своей, становятся безгласными жертвами людей, нестыдящихся извлекать выгоды свои, пользу-

ясь невѣжествомъ ближняго. Случается часто, что бѣдные Кореляки въ иной годъ не могутъ уплачивать сполна и въ срокъ казенныхъ податей и получаютъ отсрочку до будущаго болѣе благопріятнаго времени. Заплативъ эти долги, бѣднякъ благодаритъ Бога, что Онъ помогъ ему расквитаться. Но бываетъ, что какой нибудь сельскій староста употребляетъ въ свою пользу эти деньги и доноситъ начальству, что по разнымъ причинамъ онъ не могъ собрать этихъ денегъ. Слѣдовательно бѣдному Кореляку снова надобно платить деньги: ему нечѣмъ доказать прежнюю уплату безъ росписокъ или тому подобныхъ документовъ. Жаловаться начальству на такое притѣсненіе весьма трудно, потому что надобно ѣхать изъ дому за нѣсколько сотъ верстъ,—а подобное путешествіе для бѣдняка стоитъ слишкомъ много. По неволѣ бѣднякъ молчитъ и безропотно покоряется тяжкой долѣ своей. Подобное зло исчезло-бы, еслибъ въ каждой Карельской деревнѣ было хоть нѣсколько человѣкъ грамотныхъ. Это со временемъ будетъ, потому что сельскія школы, учреждаемыя Правительствомъ, появятся когда нибудь и въ дикой Кареліи.

Я не буду подробно описывать вамъ обычаевъ Кореляковъ, совершаемыхъ при разныхъ

случаяхъ домашней жизни ихъ, потому что всѣ эти обычаи переняты у Поморовъ, и потому найдутъ себѣ мѣсто, когда мы займемся сими послѣдними. Теперь-же упомяну о суевѣрномъ понятіи, какое составили о Кореліякахъ жители здѣшней губерніи. Во мнѣніи ихъ, Кореляки почитаются злыми колдунами, насылающими болѣзни и несчастія. Въ нынѣшнія времена, конечно, весьма странно имѣть такіе предразсудки и вѣрить въ то, что потеряло уже вѣру; однакожъ этотъ предразсудокъ здѣсь существуетъ, и въ такой степени, что ему подвержены люди не изъ одного только простаго и необразованнаго класса народа. Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, что этотъ предразсудокъ есть остатокъ отъ стариннаго, нѣкогда существовавшаго во всей Европѣ. Въ средніе вѣка вѣрили несомнѣнно, что Финны были волшебники, такъ что оба эти слова: волшебникъ и Финнъ значили тогда одно и то же. Саги очень часто, упоминая о Финнахъ, увѣряютъ, что они дѣлали чудеса: узнавали будущее, повелѣвали природою, производили по волѣ своей бури и непогоды, и что нѣкоторые чужеземцы ѣздили нарочно къ Финнамъ учиться волшебному или *Финскому* искуству (Finne-Konst). Не мудрено, что Кореляки, какъ

истинные потомки этихъ Финновъ, удержали за собою суевѣрное мнѣніе о волшебныхъ своихъ знаніяхъ и до сихъ поръ пугаютъ еще воображеніе людей, всюду готовыхъ видѣть присутствіе враждебныхъ силъ. Въ цѣломъ Поморьѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы былъ чуждъ этого глубоко-вкоренившагося предразсудка. Въ этомъ предразсудкѣ замѣчательна еще та особенность, что отъ волшебника ожидаютъ одного только дурнаго. «На хорошее-то у насъ нѣтъ никого, а на худое-то много найдется,»—скажетъ каждый Поморъ, разговорившись объ этомъ предметѣ. Народное мнѣніе приписываетъ Карельскимъ волшебникамъ слѣдующія способности: превращеніе людей въ животныхъ, заклинаніе или заговариваніе змѣй и насыланіе болѣзней—«порчу.» Излеченіе болѣзней также во власти ихъ, но это дѣлается ими или по добротѣ и любви къ лицу больному, или за деньги.

Подъ именемъ «порчи» разумѣются здѣсь болѣзни внезапныя, безъ видимыхъ причинъ, и приходящія «съ вѣтру,» какъ говорятъ простолюдины. Одна изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ болѣзней съ вѣтру есть такъ называемые *стрѣлы* или *стрѣлье*. Эта болѣзнь обнаруживается внезапнымъ колотьемъ во всемъ

тѣлѣ больнаго, и оканчивается смертію. Однакожъ не всегда бываетъ она смертельною, смотря по тому, какъ была «напущена». По народному мнѣнію, стрѣлы напускаются волшебникомъ двоякимъ образомъ: 1) для мести какому-либо лицу и 2) просто, изъ удовольствія на какое-нибудь имя. Перваго рода стрѣлы бываютъ смертельны, а послѣднія не такъ опасны. Увѣряютъ всѣ испытавшіе эту болѣзнь, что при леченіи ея посредствомъ вытиранія тѣла выходятъ изъ него кусочки стекла, песокъ и оленья шерсть. Присутствіе этихъ веществъ объясняетъ самымъ дѣйствіемъ, какъ пускаются стрѣлы. Именно: волшебникъ беретъ пустой коровій рогъ, наполняетъ его пескомъ, шерстью и стеклянными обломками, потомъ говоритъ заклинаніе, становится по направленію вѣтра и, приложивъ ко рту узкое отверстіе рога, дуетъ въ него. Всѣ вещества вылетаютъ; вѣтеръ подхватываетъ ихъ и въ тотъ же мигъ мчитъ болѣзнь къ лицу заранѣе на него обреченному злымъ волшебникомъ. Если стрѣлы были обыкновенныя, т. е. пущены не для мести за обиду, то имъ подвергается всякій первый встрѣчный. Напр. онѣ были назначены на имя Ивана, — и первый Иванъ, вышедшій или попавшій на струю

вѣтра, несущаго стрѣлы, дѣлается болѣнъ. Суевѣрная мысль о «порчѣ» такъ сильно владычествуетъ надъ умами здѣшнихъ жителей, особливо Поморовъ, что послужила поводомъ къ нѣкоторымъ очень страннымъ обычаямъ и кромѣ того произвела замѣтное вліяніе на самый характеръ и поступки простолюдиновъ. Къ числу этихъ обычаевъ принадлежитъ такъ называемый *отпускъ* свадьбы. Ни одинъ свадебный поѣздъ, какъ въ Кареліи, такъ и въ Поморьѣ, не отправится въ церковь безъ этого *отпуска*, состоящаго въ томъ, что около него обходитъ вокругъ какой-нибудь «знающій человѣкъ» и шепчетъ заклинанія о неприкосновенности поѣзда отъ всякой враждебной силы. Увѣряютъ, что иногда при совершеніи *отпуска* надъ всѣмъ поѣздомъ носится нѣчто похожее на туманъ: это силы колдуна, посланныя для погибели новобрачныхъ. Свадьбу, уѣхавшую безъ отпуска, по народному мнѣнію, всегда постигаетъ несчастіе. Охотники, бродя въ лѣсу, встрѣчаются иногда съ волками, одѣтыми въ кафтаны и женскія платья,—это люди, уѣхавшія безъ отпуска. Привыкнувъ вѣрить ужаснымъ дѣйствіямъ колдуновъ, здѣшній простолюдинъ всегда недовѣрчиво смотритъ на каждаго незнакомаго ему человѣка,

особенно если тотъ имѣетъ въ своемъ характерѣ какую-нибудь странность, или слишкомъ выразительную физіономію, или взглядъ быстрый и проницательный. Въ такомъ лицѣ онъ готовъ подозрѣвать колдуна и рабскою услужливостью старается задобрить его, чтобы въ противномъ случаѣ не подпасть его гнѣву. Пользуясь такою слабостью суевѣрныхъ, нѣкоторые хитрые Кореляки и Поморы очень ловко играютъ роль «знающихъ,» дѣйствуя сообразно съ настроеніемъ воображенія людей суевѣрныхъ, т. е. часто прибѣгая къ двусмысленнымъ фразамъ въ родѣ слѣдующихъ: «я вѣдь знаю, что не то у тебя въ умѣ, о чемъ говоришь;» — «я тебя вездѣ найду, хоть изъ-подъ земли достану.» У Поморцевъ и Кореляковъ (разумѣется тѣхъ, которые не считаютъ себя знахарями) есть различныя симпатическія средства отъ порчи. Такъ, напр., нѣкоторые считаютъ превосходнѣйшимъ медикаментомъ отъ порчи кусочекъ лезвія косы, который должно постоянно носить въ правомъ сапогѣ; другіе втыкаютъ 12 булавокъ въ различныхъ мѣстахъ своей одежды; третьи добыли себѣ заговоръ отъ стрѣлъ; иные, наконецъ, лечатся отъ нихъ хрусталемъ, растолченнымъ въ порошокъ, принимая его съ водою. Но если слу-

чится, что ни эти прекрасныя средства, ни другія домашнія лекарства не помогають больному, тогда отправляются за какимъ-нибудь знаменитымъ знахаремъ, живущимъ въ глубинѣ Кареліи за сотни верстъ, и везутъ его къ больному. Обыкновенныя средства, которыми лечитъ Карельскій знахарь, суть вода и нашептываніе. Для любопытства читателей, желающихъ имѣть понятіе о пріемахъ здѣшнихъ знахарей при леченіи больныхъ, я приведу здѣсь расказъ, слышанный мною отъ одного знакомаго.

«Я жилъ въ одномъ изъ Поморскихъ городовъ. Однажды я почувствовалъ сильную зубную боль, которою я страдалъ безпрерывно. «Въ мученіи отъ этой боли я не могъ сидѣть «въ комнатѣ и вышелъ на улицу, или, лучше, на «берегъ рѣки, протекавшей близъ моего дома. «Недалеко отъ моей квартиры, на берегу, «строилась ладья; вокругъ нея лежали бревна «и обрубки деревъ. Я сѣлъ на одинъ изъ нихъ; «боль не проходила, но все сильнѣе мучила «меня, такъ что я не замѣтилъ, какъ подошелъ «какой-то мужикъ, который пристально смотрѣлъ на меня. Я вопросительно взглянулъ на «этого мужика; онъ отвѣчалъ, что пришелъ узнать, отъ чего я такъ «маюсь» (тревожусь), «и не нужно ли пособить чего. Я сказалъ ему

«о причинѣ.—«Ладно; не што; пособить горю «можно,» — сказалъ мужикъ, который, какъ «замѣтно было по произношенію, былъ изъ «Кореляковъ.—Какъ пособить? — спросилъ я «его и съ радостью, и съ удивленіемъ.—«А вотъ «пойдемъ-ко со мной,»—отвѣчалъ онъ и тот-«часъ же зачерпнулъ воды въ небольшой бу-«ракъ. Спросивъ у меня—есть-ли гдѣ у знако-«мыхъ моихъ баня, онъ пригласилъ меня слѣ-«довать за нимъ туда. Придя въ баню, мой им-«провизованный докторъ взялъ три сухіе вѣни-«ка, разложилъ ихъ на печкѣ и потомъ зажегъ. «Пока дымились вѣники, докторъ или волшеб-«никъ—какъ угодно—читалъ шопотомъ ка-«кія-то таинственныя слова, наклонясь надъ «водою, принесенною въ буракѣ. Кончивъ свое «заклинаніе, онъ брызнулъ три горсти воды «на дымящіеся вѣники, а остальную воду «предложилъ мнѣ выпить.»

Окружая свои чародѣйства странными пріемами и таинственными шептаніями, всѣ эти фокусники въ глазахъ простаго народа кажутся существами необыкновенными. Не мудрено, что они достигаютъ полнаго къ себѣ довѣрія людей, съ которыхъ не упала еще завѣса грубыхъ заблужденій и невѣжества. Попробуйте-ка объяснить такимъ людямъ

все, что кажется имъ необыкновеннымъ,—естественными законами! Напрасный трудъ! Вамъ скажутъ они, что вы, ученые, ничему не вѣрите.

Тайная наука волшебства, по понятіямъ народнымъ, не есть принадлежность всякаго, но только избранныхъ; она передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну или другому молодому человѣку, имѣющему всѣ качества, необходимыя для такихъ знаній. Народное мнѣніе почитаетъ колдуновъ властелинами и въ то же время рабами нечистыхъ силъ, которыя требуютъ отъ колдуна безпрерывныхъ дѣлъ и мучатъ его, если онъ не можетъ найти довольно занятій для своихъ безпокойныхъ сподвижниковъ. Увѣряютъ, что вмѣстѣ съ выпаденіемъ зубовъ престарѣлый колдунъ теряетъ все прежнее свое могущество и знаніе.

Не входя въ дальнѣйшія подробности о демонологіи здѣшнихъ жителей, я ограничусь тѣмъ, что сказалъ теперь объ этомъ предметѣ, къ которому въ послѣдствіи опять обращусь въ своемъ мѣстѣ. Такъ какъ для моихъ читателей я не могу ничего болѣе сказать о Корелякахъ,—то оставимъ ихъ, чтобъ познакомиться съ Поморами.

Поморье, какъ я сказалъ, принадлежало нѣкогда туземнымъ кореннымъ жителямъ — Кареламъ, и потому оно въ послѣдствіи долго носило названіе Карельскаго берега. Новгородцы, проникнувъ сюда по рѣкамъ Двинѣ и Онегѣ, расселились по всему западному берегу Бѣлаго моря и завели тамъ родъ колоній. Этимъ положено начало деревнямъ, и теперь еще существующимъ подъ древними именами своими. Жители этихъ деревень, разумѣется, были Новгородцы, но кромѣ ихъ сюда явились и подданные другихъ княжествъ Русскихъ, бѣжавшіе, можетъ быть, отъ наказаній за свои преступленія, или просто прельстившіеся свободною жизнью вольныхъ Новгородцевъ. Теперь еще, кромѣ фамилій извѣстныхъ въ исторіи Новгорода, хотя уже утратившихъ и славу предковъ, и знаменитость рода, можно часто встрѣтить фамиліи Могилевыхъ, Ростовцовыхъ и пр., ясно указывающихъ на мѣста ихъ происхожденія. Какъ управлялись жители Поморья Новгородомъ — неизвѣстно; но должно заключить по нѣкоторымъ фактамъ, что Новгородъ отдавалъ на откупъ, или продавалъ своимъ боярамъ земли Поморья, такъ что эти бояре были здѣсь совершенно какъ нынѣшніе наши помѣщики.

Собирая подати съ жителей, владѣя Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, Новгородъ извлекалъ огромныя выгоды и потому чрезвычайно дорожилъ своимъ Заволочьемъ, скрывая и защищая его отъ взоровъ Князей Московскихъ. Въ послѣдніе годы существованія Новгорода въ судьбѣ Поморья произошла перемѣна: оно отдалось въ защиту Соловецкому монастырю, только-что возникшему: подъ кровомъ этой святой обители Поморье выдерживало безчисленныя нападенія враговъ. Но и не для одного Поморья Соловецкій монастырь служилъ оплотомъ: онъ защищалъ въ теченіе двухъ вѣковъ всю Россію отъ вторженій враговъ ея. По тому вліянію, какое оказывалъ этотъ монастырь на Поморье, необходимо взглянуть намъ на его исторію. Въ 1429 году блаженный инокъ Германъ, жившій въ часовнѣ близъ озера Выга, встрѣтился съ Преподобнымъ Савватіемъ, пришедшимъ на берега Бѣлаго моря; вмѣстѣ переплыли они море и, достигнувъ пустыннаго Соловецкаго острова, водрузили на немъ крестъ и поселились въ келліяхъ. По смерти Савватія, въ 1435 году, на островъ прибылъ съ Германомъ Преподобный Зосима, поселившійся сюда для высокихъ подвиговъ отшельнической жизни.

Слава о добродѣтеляхъ его вскорѣ привлекла сюда людей, презиравшихъ суету міра и жаждавшихъ уединенія и бесѣды съ Богомъ. По этому мало по малу построились келліи, а потомъ деревянная церковь: такъ положено было начало монастырю, называвшемуся тогда обителью Св. Спаса и Св. Николая. Усердіе къ святынѣ есть коренная добродѣтель Русскихъ: бѣдный сперва монастырь Соловецкій вскорѣ пришелъ въ цвѣтущее состояніе отъ приношеній Новгородскихъ бояръ, имѣвшихъ помѣстья въ Поморьѣ. Въ то время значительная часть Карельскаго берега принадлежала извѣстной посадницѣ Новгорода Марѳѣ Борецкой. Въ 1450 году она отдала въ вѣчное владѣніе монастырю два *лука* * земли при устьѣ рѣки Сумы. Между тѣмъ Поморцы, считая группу Соловецкихъ острововъ своею собственностью, обижали и притѣсняли иноковъ. Это побудило Зосиму просить у Новгорода защиты. Новгородъ внялъ ходатайству, и вскорѣ прислалъ монастырю граммату на вѣчное владѣніе всѣхъ острововъ Соловецкихъ. Однако жъ своеволіе Новгородскихъ боярскихъ людей не прекращалось: Препо-

* *Лукъ* — древняя мѣра, имѣющая длиннику 252 саж., а поперечнику 64 саж. Въ лукѣ двѣ *обжи*.

добный Зосима рѣшился лично просить Новгородъ о защитѣ обители. Всѣ посадники съ готовностью выслушали жалобы; только одна Мареа не хотѣла слышать справедливыхъ просьбъ Преподобнаго и даже дерзко отогнала его отъ своего дома. Но, раскаяваясь въ своемъ проступкѣ, она пригласила Зосиму на пиръ для испрошенія прощенія и подарила монастырю нѣсколько участковъ земли въ своихъ владѣніяхъ. Это было въ 1470 году, а въ слѣдующемъ совершилось паденіе вольнаго Новгорода. Помѣщики Новгородскіе были выведены изъ Двинской земли и Поморья, а имѣнія ихъ отобраны въ казну Государя Московскаго. Кромѣ перемѣны власти, нашъ Сѣверъ не испыталъ никакого измѣненія въ судьбѣ своей: ходъ дѣлъ остался въ прежнемъ порядкѣ. Цари Московскіе подтверждали права монастыря Соловецкаго на владѣнія, данныя еще во время независимости Новгорода, и сверхъ того дарили еще новыя. Такъ Іоаннъ Грозный отдалъ монастырю деревни: Шижню, Сухой-Наволокъ, Островъ, Колежму, Сороку и Суму съ соляными варницами, сѣнокосами и со всѣми угодьями. Кромѣ того далъ монастырю «несудимую граммату», по которой всѣ крестьяне земель, принадлежащихъ

обители, освобождены были отъ зависимости свѣтской власти, но подлежали суду одного только Настоятеля съ братіею, разумѣется кромѣ уголовныхъ преступленій; самъ-же Настоятель и монашествующая братія не знали надъ собою другаго судьи, кромѣ самого Царя. Θеодоръ Іоанновичъ, подтвердивъ дары отца своего, пожаловалъ монастырю остальныя части волостей Сумской, Умбской, Нюхоцкой, Унежемской, Кемской, Подъужемской, Пебозерской, Маслозерской и Муезерской,—т. е. около 78 луковъ земли, со всѣми угодьями. Михаилъ Θеодоровичъ присоединилъ къ этому волость Шую-Карельскую, Яренскій погостъ, 3/4 Керетской волости и рѣку Кумжевую, впадающую въ Унскую губу. Наконецъ Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи подарили Орлецкія угодья, по рѣкѣ Сѣв. Двинѣ, съ известковыми каменоломнями и лѣсами.—Обладая всѣмъ пространствомъ Поморья отъ Кандалакшской губы до Онежской, Соловецкій монастырь былъ центромъ дѣятельности Сѣвернаго края нашего отечества; число крестьянъ, подвластныхъ ему, простиралось до 5000. Но въ 1762 году Петръ III Θеодоровичь повелѣлъ отобрать всѣ вотчины отъ монастырей,—по этому Соловецкій монастырь лишился своихъ владѣній.

При Екатеринѣ II, снова получилъ онъ ихъ, но не на долго: Императрица, учредивъ потомъ штаты для духовнаго вѣдомства, подтвердила повелѣніе своего супруга. Тогда изъ всѣхъ обширныхъ владѣній Соловецкаго монастыря оставлено было ему нѣсколько земли въ Сумской деревнѣ и Анзерскій скитъ, близъ монастыря находящійся. Не безполезно и не для себя только владѣлъ монастырь такими богатствами; но, какъ вѣрный сынъ отечества, онъ сохранялъ ихъ для его пользы:—и по первому слову Царскому присылалъ большія суммы денегъ для казны государственной. Во время войнъ Россіи съ Швеціей и съ Польшей выслано было монастыремъ до 63 тысячъ древнихъ серебряныхъ рублей. Всего же, во все время существованія монастыря, поступило изъ него въ казну болѣе 100,000 руб. сер., не считая оброковъ съ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ, съ которыхъ получалось до 400 руб. въ годъ. Но кромѣ этихъ услугъ монастырь оказалъ гораздо важнѣйшія: онъ былъ стражемъ сѣверной Россіи отъ хищныхъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, въ особенности отъ Шведовъ, Датчанъ и Норвежцевъ, искони желавшихъ власти надъ Бѣлымъ моремъ. Въ то время, когда всюду господство-

вало еще право сильнаго, — весьма было естественно, что между сосѣдствующими народами велись безпрестанныя войны, тѣмъ болѣе въ глубинѣ сѣвера, вдали отъ взоровъ Государей. То пріобрѣтая новыя владѣнія, то защищая свои выгоды, Новгородцы въ свое время часто заводили ссоры съ Шведами и Норвежцами. Сѣвъ на ладьи, Новгородскія дружины переплывали Бѣлое море и по Ледовитому океану доходили до Вардэгуса, или же, поднимаясь вверхъ по теченію рѣкъ Сумы и Кеми, нападали на «Каинскихъ Нѣмцевъ.» Въ свою очередь «Нѣмцы» платили за набѣгъ — набѣгомъ, за опустошеніе — опустошеніемъ. Лѣтопись сохранила память объ одномъ изъ набѣговъ Норвежцевъ: въ 1419 году Норвежцы пришли «большимъ приходомъ» въ Бѣлое море. Начавъ опустошеніе съ деревни Варзуги на Терскомъ берегу, они разорили Онежскій погостъ, потомъ Ненокскій и, дойдя до устьевъ Двины, напали на монастырь Св. Николая; разграбивъ его, поплыли они вверхъ по Двинѣ, опустошали всѣ деревни, имъ встрѣчавшіяся. Такъ достигли они монастыря Архангельскаго, который подвергся одинаковой участи съ Николаевскимъ. Двинскіе жители вступили въ битву съ непріятеля-

ми, которые, потерявъ въ сраженіи два судна, спѣшили скрыться. Это одинъ изъ множества набѣговъ, о которыхъ не сохранилось извѣстій. Необходимость защищать жителей Поморскаго края заставила построить тамъ нѣсколько деревянныхъ крѣпостей или остроговъ. Такимъ образомъ появились остроги въ селеніяхъ: Колѣ, Керети, Кеми и Сумѣ. Первый и два послѣдніе въ послѣдствіи превратились въ города, донынѣ существующіе; остроговъ-же, кромѣ Кольскаго и Сумскаго, теперь нѣтъ и слѣда. Такъ какъ Соловецкому монастырю принадлежало все Поморье, то естественно, что онъ долженъ былъ оберегать его отъ набѣговъ непріятелей, и потому монастырь содержалъ на свой счетъ гарнизоны въ острогахъ цѣлаго Поморья. О каждомъ разрывѣ нашемъ съ сѣверными сосѣдями Государи Московскіе немедленно писали въ монастырь предостерегательныя грамматы. Теперь я исчислю вамъ, сколько разъ и когда именно подвергался монастырь и Поморье нападенію враговъ. Въ 1571 году на Бѣломъ морѣ, близъ Соловецкихъ островов, явились Шведскіе военные корабли, имѣвшіе намѣреніе ограбить обитель, уже славную тогда своими богатствами. Для наблюденія за этими корабля-

ми, по словамъ современной лѣтописи, посланъ былъ Іоанномъ Грознымъ нѣкто Семенъ Лупандинъ. Однако жъ Шведы ушли, не сдѣлавъ нападенія на монастырь, обнесенный деревянными стѣнами. Чрезъ 7 лѣтъ послѣ этого игуменъ Варлаамъ донесъ Царю о новомъ покушеніи Свейскихъ Нѣмцевъ (Шведовъ) и Амбурцевъ (Гамбургцевъ), на монастырь. Царь немедленно послалъ для защиты его воеводу Озерова съ 4-мя пушкарями и 10 стрѣльцами, которые привезли съ собою 100 ружей, 5 затинныхъ пищалей, 200 ядеръ и 115 пудъ *зелья* (пороху). На помощь къ присланнымъ стрѣльцамъ велѣно было набрать 95 человѣкъ Поморовъ. Но въ этомъ году ни одинъ непріятель не являлся предъ обителью. Разсудивъ, что легче грабить беззащитныхъ жителей Поморья, нежели вступать въ битву съ защищеннымъ пушками монастыремъ, Шведы опустошили Кемскую волость, достигнувъ до нея рѣкою Кемью на мелкихъ судахъ. Узнавъ объ этомъ вторженіи, воевода Озеровъ хотѣлъ отразить непріятелей, но, встрѣтившись съ ними въ Маслозерской волости, былъ разбитъ, потому что имѣлъ войско, необученное ратному дѣлу. Эта неудача заставила Царя послать въ монастырь другаго воеводу, ко-

торому велѣно было набрать изъ Поморцевъ 100 человѣкъ и научить ихъ стрѣльбѣ. Такъ какъ Шведы большею частію лѣтомъ приходили подъ Соловецкій монастырь, а въ зимнее время нападали на береговыхъ жителей, то войско монастырское должно было лѣтомъ жить въ монастырѣ, а на зиму выѣзжать въ Поморье. Приготовленія были не напрасны: въ 1580 году, зимою, Шведы появились на границахъ. Воевода Оничковъ съ небольшимъ отрядомъ укрѣпился во временномъ деревянномъ острогѣ въ Ругозерской волости, близъ границы Финляндской. 3000 Каянцевъ три дня осаждали этотъ острогъ, но были отбиты храбрымъ Оничковымъ, сдѣлавшимъ отчаянную вылазку: двое Шведскихъ начальниковъ и множество рядовыхъ были убиты, другіе взяты въ плѣнъ съ оружіемъ. Въ первый же-годъ своего царствованія, Ѳеодоръ Іоанновичъ обратилъ вниманіе на Поморье, которое такъ часто подвергалось гибельнымъ вторженіямъ Шведовъ. Онъ повелѣлъ обвести монастырь каменными стѣнами; 10 лѣтъ (отъ 1584—94) продолжалась постройка этой громадной крѣпости, складенной изъ дикихъ, неотесанныхъ камней. Но чтобъ дать и Поморскимъ жителямъ надежное убѣжище въ случаѣ непріятельскаго вторженія, то велѣно

было построить деревянную крѣпость въ селеніи Сумѣ. Вотъ описаніе ея, сохранившееся въ одномъ современномъ документѣ: «Въ во-«лости Сумѣ, на погостѣ, поставленъ острогъ «Косой, чрезъ заметъ въ борозды, и въ остро-«гѣ стоитъ 6 башень рубленныхъ; подъ 4-мя «башнями подклѣты теплые, а подъ 5-ю баш-«нею поварня. А въ острогѣ храмъ Никола «Чудотворецъ, да дворъ монастырской, а на «дворѣ пять житницъ, да за вороты двѣ жит-«ницы, да у башенныхъ воротъ изба съ клѣтью «и съ сѣньми, а живутъ въ ней острожные «сторожи. Да въ томъ же острогѣ поставлено «для осаднаго времени крестьянскихъ теп-«лыхъ подклѣтовъ, а въ верху клѣтки комна-«ты, въ два этажа построенныя, да 13 жит-«ницъ.» — Имѣя крѣпости, монастырь имѣлъ своихъ собственныхъ ратниковъ, число которыхъ сперва простиралось отъ 100 до 130 человѣкъ, а въ послѣдствіи увеличилось до 1090. Одна половина ихъ жила въ монастырѣ, а другая охраняла границы и составляла гарнизоны Кемскаго и Сумскаго остроговъ. Въ 1590 году Шведы, проплывъ рѣку Ковду, внезапно явились на берегахъ Бѣлаго моря, разграбили и выжгли селенія Ковду, Кереть, Умбу и Кемскую волость, изъ которой воз-

вратились домой по рѣкѣ Кеми. Узнавъ объ этомъ и опасаясь, чтобы монастырь не подвергся грабежу, Θедоръ Іоанновичь послалъ туда воеводъ съ войскомъ. Посланные воеводы, взявъ 1300 стрѣльцовъ, отправились изъ Поморья на границу Финляндіи съ намѣреніемъ отмстить Шведамъ, и разорили Финляндскія деревни по рѣкамъ Овлую и Сиговкѣ, взявъ еще приступомъ Лемепгинскій острогъ. По обыкновенію, этотъ успѣхъ нашихъ воеводъ вызвалъ Шведовъ на отмщеніе. 20 Сентября 1592 г. они явились въ Поморьѣ и, опустошивъ всю сѣверную часть его, подступили къ Сумской крѣпости: но гарнизонъ острога, сдѣлавъ вылазку, вступилъ въ кровопролитный бой съ осаждавшими и принудилъ ихъ разбѣжаться. Чтобъ положить конецъ этимъ безпрестаннымъ набѣгамъ, Царь нашъ рѣшился устрашить Шведовъ: онъ послалъ большое вспомогательное войско, которое, соединившись съ монастырскимъ, въ 1593 году выступило въ походъ подъ предводительствомъ двухъ братьевъ Князей Волконскихъ; вступивъ въ сѣверную Финляндію, оно опустошило ее и, взявъ городъ Каяну, возвратилось въ Москву съ огромною добычею. Послѣ этого, въ теченіе 18-ти лѣтъ, Поморье отды-

хало отъ набѣговъ Шведскихъ; но въ 1611 году, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ нашего отечества, Шведы опять вторгнулись въ сѣверные предѣлы его: одна часть ихъ подступила къ Колѣ, отъ которой однакожъ была отражена, а другая сѣвъ на суда, вошла въ Бѣлое море и пристала къ грядѣ острововъ, называемыхъ Кузовами, выжидая удобнаго случая напасть на Соловецкій монастырь. Но простоявъ тутъ цѣлое лѣто въ напрасномъ ожиданіи, Шведская эскадра удалилась. Память объ этомъ до сихъ поръ сохранилась у Поморцевъ въ преданіи. Они указываютъ на одинъ изъ Кузововъ, называемый «Нѣмецкою Варакаю,» и говорятъ, что на вершинѣ этой скалы однажды сидѣли Шведы, пришедшіе ограбить Соловецкій монастырь, и во время обѣда разговаривали о добычѣ, которая имъ вскорѣ достанется. Одинъ изъ Шведовъ во время этого разговора взглянувъ на монастырь, бѣлѣвшійся среди моря, воскликнулъ: «Не долго тебѣ красоваться!» Но въ эту минуту говорившій окаменѣлъ внезапно и вмѣстѣ съ нимъ всѣ собесѣдники его превратились въ камни. Устрашенные чудомъ, остальные Шведы спѣшили сѣсть на суда и скрыться. Расказывая это преданіе, выражающее глубокое уваженіе къ обители,

Поморы указываютъ на нѣсколько камней странной формы, кругообразно расположенныхъ на вершинѣ Нѣмецкой Вараки. Эти камни суть останки Шведовъ. Краснорѣчивое доказательство неприкосновенности святыни и урокъ всѣмъ врагамъ ея!—Въ первые три года царствованія Михаила Ѳеодоровича Поморью наравнѣ съ прочими областями отечества суждено было испытать тяжкія несчастія отъ буйства Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, проникшихъ въ дальній сѣверъ для грабежа и разбоя.

Подступивъ къ Холмогорамъ, буйная толпа бродягъ хотѣла ограбить этотъ городъ, но. отраженная отъ него, раздѣлилась на двѣ части: одна пустилась на востокъ, другая пошла внизъ по Двинѣ на сѣверъ и явилась въ Поморьѣ. Жестоко опустошивъ его, она осадила Сумскій острогъ. Но эта крѣпость выдержала осаду и гарнизонъ ея вскорѣ успѣлъ истребить грабителей. Стѣны Сумскаго острога до сихъ поръ сохраняютъ на себѣ слѣды этой осады: любопытный безъ труда можетъ вынуть изъ бревенъ острога нѣсколько ружейныхъ пуль, тамъ засѣвшихъ. Въ 1658 году неугомонные сосѣди наши снова напали на Поморье, но Двинскіе стрѣльцы успѣли разсѣять

ихъ. Цѣлью Шведовъ было—овладѣть всѣмъ сѣверомъ Россіи, уничтожить нашу торговлю, процвѣтавшую въ единственномъ тогдашнемъ портѣ нашемъ, Архангельскѣ, съ тѣмъ, чтобъ завести свою. Но всѣ попытки Шведовъ, какъ мы видѣли, остались безъ всякаго успѣха. Такой-же конецъ имѣло и послѣднее нападеніе ихъ. Въ царствованіе Петра Великаго въ 1701 году Шведы пришли на судахъ въ устье Двины, чтобы овладѣть Архангельскомъ; но, потерявъ противъ Новодвинской, еще недостроенной крѣпости, два фрегата и яхту, принуждены были на остальныхъ 5-ти корабляхъ скрыться въ море. Но чтобъ этотъ неудачный походъ не пропалъ даромъ, Шведы напали на Куйскую волость и сожгли въ ней соловаренный заводъ и 17 крестьянскихъ домовъ. Этотъ походъ былъ послѣднимъ, и съ той поры Поморье, въ теченіе цѣлаго столѣтія, не видало непріятелей; одни Англичане въ 1810 и 1811 годахъ напомнили Поморцамъ и тактику Шведовъ, и варварство древнихъ разбойниковъ.

Изъ всего сказаннаго вы можете видѣть, какова была судьба и историческая жизнь Поморовъ. Характеръ жителей Поморья образовался подъ вліяніемъ безпрестанныхъ тревогъ военныхъ, требовавшихъ осторожности и всег-

дашней готовности къ защитѣ; —кромѣ того, море произвело свое дѣйствіе на характеръ Поморовъ. Отъ этихъ двухъ причинъ въ Поморахъ развился духъ отважности и рѣшительности, — незнакомый жителю плодоносныхъ равнинъ. Но чтобъ вы могли лучше судить о здѣшнихъ Поморцахъ,—я постараюсь показать вамъ ихъ жизнь, обычаи и нравы. Прежде всего я долженъ сказать вамъ, что жизнь Помора - промышленника состоитъ каждый годъ изъ двухъ частей, совершенно не похожихъ одна на другую. Это зависитъ отъ весьма естественныхъ причинъ: такъ какъ единственнымъ средствомъ къ существованію для Помора служатъ морскіе промыслы,—то онъ цѣлое лѣто проводитъ въ тяжелыхъ, безпрерывныхъ трудахъ,—а зиму — въ отдыхѣ, весьма естественномъ и извинительномъ потому, что Помору-промышленнику нечего дѣлать зимою. Само собою разумѣется, что этотъ отдыхъ не должно понимать въ смыслѣ лѣниваго бездѣйствія: напротивъ; но въ сравненіи съ лѣтними трудами, зимнія занятія Помора могутъ казаться отдыхомъ. Однакожъ есть люди, которые, вопреки истинѣ и чувству человѣколюбія, обвиняютъ Поморовъ въ лѣности, точно какъ будто они должны быть машинами, а не людьми.

Вы увидите несправедливость этого обвиненія.

Въ концѣ Февраля и началѣ Марта во всѣхъ Поморскихъ мѣстахъ начинается дѣятельность, намекающая на скорое открытіе навигаціи. Конопатятъ, смолятъ и починиваютъ старыя лады, или торопятся окончить новыя, и ждутъ только вскрытія рѣкъ, чтобъ спустить ихъ на воду. Между тѣмъ, большая часть народа сбирается въ дальнюю дорогу, на Мурманскій берегъ. Это все промышленники, служащіе своимъ хозяевамъ за извѣстную долю промысловъ.* Хозяева, прежде нежели отпустятъ ихъ въ дорогу, даютъ имъ обильный обѣдъ, оканчивающійся какъ всякій праздникъ Русскаго мужичка. Тутъ раздается веселый хохотъ, и удалая пѣсня, не смотря на Великій Постъ, въ дни котораго обыкновенно уходятъ промышленники. Въ другое время во всякой постъ, вы не услышите праздной пѣсни въ цѣломъ Поморьѣ: такъ свято почитается

* Эти промышленники имѣютъ особыя названія: *покрученники,* наемщики изъ участка; *вешняки,* получающіе треть промысла отъ хозяина, которому идетъ двѣ трети. Наконецъ *лѣтняки* уже приходятъ на ладьяхъ; это сами хозяева. Кормщики вешняковъ кромѣ своей доли получаютъ еще съ каждаго рубля по полтинѣ и награды отъ 10 до 100 руб. за лѣто.

здѣсь время поста и молитвы. Но этотъ разгулъ прощальнаго или «отвальнаго» обѣда—исключеніе изъ общаго правила. Въ назначенный день толпы промышленниковъ наконецъ выходятъ изъ родныхъ деревень въ сопровожденіи своихъ родственниковъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ за деревнею начинается прощаніе. Мать обнимаетъ своего сына, жена прощается съ мужемъ и съ плачемъ цѣлуетъ малютку-сына, съ ранней поры принужденнаго раздѣлять труды съ бѣднымъ отцемъ своимъ... Распростившись, промышленники уходятъ; долго еще смотрятъ въ слѣдъ имъ ихъ родные, пока они не скроются изъ виду. Возвращаясь домой съ «проводинъ»— каждый родственникъ или родственница ушедшаго промышленника беретъ съ мѣста разставанія какую-нибудь щепку или вѣтвь древесную и приноситъ ее домой, какъ залогъ благополучнаго возвращенія ушедшихъ. Огромное пространство отъ Поморья до Мурманскаго берега, промышленники должны проходить пѣшкомъ; они идутъ всегда по берегамъ моря, по самымъ пустыннымъ мѣстамъ, особенно въ Лапландіи. Нѣкоторые изъ бѣдняковъ берутъ съ собою своихъ маленькихъ сыновей; для нихъ покупаютъ они собаку и, запрягши въ кережку, садятъ въ нее малютку,

а сами бѣгутъ подлѣ, погоняя собаку. Наконецъ, совершивъ такое путешествіе, промышленники достигаютъ до становищъ Мурманскихъ и немедленно принимаются за промыслы, которые вамъ уже извѣстны.

Между тѣмъ оставшіеся въ Поморьѣ жители, дождавшись весны, или, правильнѣе, вскрытія рѣкъ, начинаютъ свои дѣятельныя занятія. Въ это время по Бѣлому морю носятся огромные пласты льда, который зимою обрамливалъ все прибрежье моря, а теперь, отторгнутый отъ него вѣтрами, носится по волѣ волнъ и вѣтровъ, пока не выйдетъ въ океанъ. На этихъ льдинахъ, называемыхъ торосами, любятъ иногда полежать и понѣжиться на солнечномъ свѣтѣ морскія животныя: бѣлуги, нерпы, сѣрки (тюлени), морскіе зайцы. Пользуясь этимъ, Поморы выѣзжаютъ на промыселъ этихъ звѣрей. Этотъ промыселъ, по времени года называемый весновальнымъ, а по предмету — сальнымъ, есть самый опасный и не рѣдко гибельный для весновальщиковъ. Вотъ какъ онъ производится. Промышленники составляютъ родъ небольшихъ компаній или отрядовъ; размѣщаются на 4-хъ карбасахъ, человѣка по 3 въ каждомъ, и вмѣстѣ отправляются въ море. Такой отрядъ называется *ром-*

шею. Причина — почему промышленники образуютъ ромши, а не пускаются въ одиночку — очень понятна: среди моря, во льдахъ, вдали отъ береговъ, было-бы безразсудно пускаться на промыселъ двумъ или тремъ человѣкамъ. Цѣлыя недѣли проводятъ весновальщики въ морѣ, переѣзжая отъ одной «ледины» къ другой и подсматривая нѣтъ-ли на нихъ *юра̀* (стада) животныхъ. Замѣтя юро́, тотчасъ пристаютъ къ льдинамъ, вытаскиваютъ на нихъ свой карбасъ и подкрадываются къ добычѣ. Если промыселъ такъ удаченъ, что весновальщики успѣютъ совершенно нагрузить кожами и саломъ свои карбаса, то пристаютъ къ какому нибудь первому островку и складываютъ на немъ свой грузъ, прикрывши его камнями и положивъ туда бирку, или палочку съ клеймомъ своей деревни, чтобы послѣ не ошибиться въ своей собственности, а сами снова отправляются на промыселъ. Эта бирка есть самый надежный сторожъ промысла, оставленнаго на пустомъ островѣ. Если-бы другой ромшѣ, неудачно промышлявшей, случилось пристать къ этому острову, то не думайте, чтобъ она рѣшилась присвоить себѣ чужую добычу: такое похищеніе считается здѣсь (какъ и должно) самымъ тяжкимъ преступленіемъ, влекущимъ

за собою неминуемую кару небесную. Свято уважаютъ Поморы трудъ и неприкосновенность къ чужой собственности. Въ послѣдствіи я еще обращусь къ этому предмету и скажу вамъ о немъ подробнѣе. — Весновальные промыслы, какъ я ужъ замѣтилъ, — суть самое опасное дѣло. Не проходитъ ни одной весны, чтобъ кто-нибудь изъ промышленниковъ не сдѣлался жертвою ненасытнаго моря. Но тутъ-то, на этихъ промыслахъ, укрѣпляется въ Поморахъ высокое чувство любви къ ближнему. Сколько примѣровъ ея представляютъ намъ эти промыслы! Спасти въ случаѣ опасности жизнь товарища — знакомаго или нѣтъ, все равно, — есть законъ, исполняемый каждымъ Поморомъ безъ мысли о наградѣ; даже имена людей, спасшихъ многихъ другихъ, остаются въ неизвѣстности. Да и зачѣмъ слава земная для тѣхъ, которыхъ добрыя дѣла видѣлъ Богъ? Къ тому-же между Поморами спасеніе жизни погибающему есть круговая порука; бываютъ примѣры, что спасенный отъ вѣрной гибели, чрезъ минуту послѣ того подаетъ руку помощи тому, кому обязанъ своимъ спасеніемъ. Однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двое промышленниковъ, промышлявшихъ на торосѣ, были внезапно отнесены въ море на неболь-

номъ кускѣ тороса, оторвавшагося отъ массы. Вѣтеръ и теченіе быстро уносило несчастныхъ, которые уже предвидѣли вѣрную гибель. Вдругъ увидѣли они предъ собою мысъ, мимо котораго и вблизи долженствовала пронестись льдина, служившая имъ ненадежнымъ плотомъ. Любовь къ жизни заговорила въ промышленникахъ; съ ними была одна только веревка, которую они рѣшились употребить въ дѣло. Выждавъ минуту, одинъ изъ нихъ, опоясавъ около себя одинъ конецъ веревки, бросается въ воду, достигаетъ берега и прикрѣпляетъ веревку къ первому камню, но обезсилѣвъ и совершенно замерзнувъ отъ стужи, онъ замертво падаетъ на берегъ. Между тѣмъ товарищъ его, держась за веревку, счастливо подплылъ на льдинѣ къ берегу;—но видя, что тотъ, кому онъ обязанъ своею жизнью, лежитъ безъ чувствъ, долженъ былъ, въ свою очередь, употребить всѣ силы, чтобы отогрѣть его.—Еслибъ вамъ, читатели, предложили рѣшить: кто кому спасъ жизнь изъ этихъ двухъ промышлениковъ, — то кому изъ нихъ вы присудили-бы награду?

Оставимъ весновальщиковъ оканчивать ихъ промыслы и посмотримъ теперь, что дѣлается на берегу. Когда рѣки очистились ото льда, то

тотчасъ начинаютъ спускать лальи. Спускъ вновь построенной ладьи есть праздникъ для цѣлой деревни. Хозяинъ приглашаетъ гостей на ладью спуститься: гости собираются на палубѣ; приходитъ священникъ и служитъ молебенъ. Тогда два плотника подрубаютъ разомъ два бревна, упирающіяся въ корму ладьи — и она, скользя по двумъ бревнамъ, подложеннымъ подъ низъ ея, спускается съ берега въ рѣку при громкихъ крикахъ народа. Послѣ благополучнаго спуска для гостей бываетъ на ладьѣ обѣдъ. Неблагополучный спускъ ладьи суевѣріе считаетъ знакомъ несчастія, которое вскорѣ постигнетъ ея хозяина: либо ладья разобьется въ морѣ, либо умретъ самъ владѣлецъ ея. Но неудача при спускѣ зависитъ всегда отъ какой-то странной неразсчитанности дѣйствій, такъ свойственной Русскому человѣку, и отъ совершеннаго отсутствія всего, что мы видимъ на порядочныхъ докахъ. Построить ладью, или построить маленькій карбасъ—для Поморскихъ мастеровъ все равно; одно различіе только въ количествѣ времени и матеріаловъ. Ладьи строятся здѣсь не на постоянныхъ эллингахъ, а гдѣ попало: часто передъ самыми окнами дома, гдѣ живетъ хозяинъ. Судно построено; остается только спустить его. Для этого подкатываютъ

подъ него параллельно килю два бревна, по склону «угора», * потомъ подрубаютъ подпоры—и ура! Ладья должна сама, какъ ей угодно, скатываться въ воду. Иногда судно только что сойдетъ съ берега, какъ вдругъ ударится о подводный камень, которыхъ такъ много въ Поморскихъ рѣкахъ. Отъ такого толчка или повредится она сама, или упадутъ и жестоко (бывало что и смертельно) ушибутся люди, находящіеся въ ней. Подобно этому совершается спускъ ладей съ зимнихъ стоянокъ. Зимою суда обыкновенно замерзаютъ въ рѣкѣ, но чтобъ весною при выходѣ льда ихъ не унесло и не изломало, то ихъ поднимаютъ на городки, или костры короткихъ бревенъ, опирающихся на дно рѣки, такъ что ладья стоитъ на этихъ городкахъ выше поверхности льда. Для лучшаго равновѣсія ея, протягиваютъ канатъ, котораго одинъ конецъ привязанъ къ вершинѣ гротъ-мачты, а другой закрѣпленъ на берегу. Для спуска ладьи подкатываютъ подъ киль ея, перпендикулярно, бревна и тянутъ судно, заставляя его сдѣлать прыжокъ съ городковъ въ воду. Совершивъ такой скачокъ, ладья какъ будто въ ужасѣ долго качается съ боку на бокъ и размахиваетъ своими мачтами. Разумѣется, такіе спуски

* *Угоръ* — берегъ, набережная.

не бываютъ торжественны, и на ладьѣ, такимъ образомъ спускаемой, нѣтъ никого, кромѣ ребятъ народа, въ высшей степени неустрашимаго, которыя громкимъ смѣхомъ изъявляютъ свое удовольствіе, когда ладья, совершая свой прыжокъ, зачерпываетъ воду своимъ бортомъ.

Изготовившись совсѣмъ, Поморы, не теряя времени, выходятъ въ море. Тѣ, которые въ прошлую осень привезли изъ *города* (т. е. Архангельска) хлѣба, нагрузивъ имъ ладьи, идутъ прямо на Мурманскій берегъ или въ *Норвегу* (Норвегію), а другіе спѣшатъ въ Архангельскъ за хлѣбомъ. Такимъ образомъ въ концѣ мая Поморье совершенно пустѣетъ. Во всемъ Поморьѣ остаются только однѣ женщины, дряхлые старики и дѣти. Но женщины не остаются праздными: послѣ *отпуска* своихъ лошадей и коровъ въ поля** онѣ занимаются коекакими огородническими работами, потомъ ловятъ семгу въ рѣкахъ и на берегахъ моря и наконецъ уходятъ на *страду*, т. е. на сѣнокосы. Для ловли семги употребляютъ различные способы; напр. въ рѣкахъ дѣлаютъ изъ *хвоя*

* Отпускъ скота въ поле совершается въ Поморьѣ однимъ пастухомъ, приходящимъ сюда изъ Олонецкой губерніи. Пастухъ, выгнавъ скотъ въ поле, собираетъ его въ одно мѣсто, раскладываетъ огонь и, вырывая клочекъ шерсти изъ каждой коровы и лошади, проводитъ ихъ чрезъ

(хвойныхъ деревьевъ или прутьевъ) родъ забора отъ одного берега къ другому поперегъ рѣки; въ срединѣ забора оставляютъ небольшой проходъ, въ который вкладываютъ мережи. Семга, не находя прохода въ заборѣ, необходимо должна попасть въ мережу. Семга, какъ извѣстно, всегда плыветъ противъ теченія; по этому изъ рѣкъ она никогда не возвращается въ море, но всегда идетъ впередъ; если ей встрѣтится порогъ или водопадъ, то она въ нѣсколько пріемовъ перепрыгиваетъ чрезъ него по воздуху. Если случайно она минуетъ всѣ преграды, разставленныя ей промышленниками, и дойдетъ до верховья рѣки, то съ нею дѣлается удивительная перемѣна; тогда она теряетъ прежнее свое названіе, а получаетъ имя лоха; носъ ея загибается къ низу крючкомъ, тѣло ея блѣднѣетъ, а кожа покрывается большими пятнами. На морскихъ берегахъ ловля семги производится посредствомъ сѣтей; верхній конецъ ихъ привязывается къ шестамъ, вбитымъ въ морѣ по перпендикулярной къ берегу линіи, а нижній съ привязанными камнями погружается на дно. Въ концѣ

огонь, нашептывая заклинанія. Всѣ хозяева обязуются пастуху не продавать своего скота до зимы, иначе онъ не отвѣчаетъ за безопасность его. Сдѣлавъ отпуски, этотъ чудесный пастухъ уходитъ домой.

Іюля, или еще ранѣе, начинается «страда» — и все народонаселеніе Поморья уходитъ въ поля, оставляя свои дома совершенно пустыми: случается, что въ цѣлой деревнѣ въ эту пору съ трудомъ можно отыскать какихъ нибудь двухъ–трехъ стариковъ или старухъ. Незнакомому съ здѣшнимъ бытомъ трудно сперва понять причину такого запустѣнія; невольно подумаетъ онъ потомъ, какъ можно оставлять безъ охраненія все свое имущество, потому что сѣв эти старики и дѣти не въ состояніи защищаться отъ хищника или вора. Будь это въ другомъ мѣстѣ, конечно, дѣло не обошлось бы безъ грабежей и разбоевъ; но здѣсь, въ Поморьѣ, благодаря Бога, хозяева, возвращаясь домой, всегда находятъ свое имущество въ сохранности. Былъ однакожъ необыкновенный случай грабежа, ужаснувшаго все Поморье. Я раскажу вамъ его, чтобъ вы могли по нему судить о совершенной беззащитности Поморья въ лѣтнее время. У одного изъ здѣшнихъ судохозяевъ былъ въ работникахъ крестьянинъ Антоновъ. Онъ служилъ у него кормщикомъ при ловлѣ рыбы на Мурманскомъ берегу. Извѣстно, что при этихъ промыслахъ весь успѣхъ ихъ совершенно зависитъ отъ искуства, ловкости и расторопности кормщика: Антоновъ–же былъ

въ этомъ случаѣ настоящій геній; ни одинъ изъ другихъ кормщиковъ не умѣлъ привозить на берегъ такихъ огромныхъ улововъ. Естественно, что хозяинъ дорожилъ такимъ кормщикомъ. Между тѣмъ другіе судохозяева для пользы своей желали заманить къ себѣ Антонова и другъ передъ другомъ надбавляли ему плату. Такъ какъ хозяинъ его не дѣлалъ того-же, то Антоновъ перешелъ въ услуженіе къ другому хозяину, болѣе дающему. Лишившись искуснаго кормщика, а вмѣстѣ и удачныхъ улововъ, прежній хозяинъ Антонова рѣшился отмстить ему. При первомъ рекрутскомъ наборѣ Антоновъ, стараніями его, взятъ былъ въ солдаты; но, уходя въ Ахрангельскъ, онъ обѣщалъ жестоко отмстить ему и сдержалъ свое обѣщаніе. Не прошло и года, какъ Антоновъ, въ сопровожденіи Кореляка, подплылъ на карбасѣ къ деревнѣ, въ которой жилъ его прежній хозяинъ. Войдя въ домъ, они схватили его въ расплохъ и связали. «Деньги! Гдѣ твои деньги?» вскричалъ Антоновъ, показывая ножъ. Отъ скупости-ли, или въ надеждѣ выиграть время, несчастный указывалъ Антонову совсѣмъ не тѣ тайники, въ которыхъ хранилъ деньги. Въ бѣшенствѣ Антоновъ выдумалъ адское средство заставить сказать правду. Онъ притащилъ

кучу сухихъ вѣниковъ, бросилъ на нихъ связаннаго хозяина, и мало-по-малу сталъ поджигать ихъ. Ужаснувшись мучительной смерти, несчастный указалъ наконецъ мѣсто, гдѣ хранились его деньги. Совершивъ злодѣяніе, котораго никто не могъ остановить, ибо вся деревня, по обыкновенію, тогда была пуста, Антоновъ спѣшилъ уйти съ товарищемъ своимъ, такъ же какъ и онъ бѣжавшимъ изъ службы. Они направились въ дикіе и пустынные лѣса Кареліи, въ которой Антоновъ разстался съ товарищемъ, и пошелъ далѣе, пробираясь въ Норвегію. Онъ достигъ Гаммерфеста и вступилъ въ кормщики къ купцу О. Нѣсколько лѣтъ служилъ онъ у него и своимъ искуствомъ приносилъ ему огромныя выгоды; но встрѣченный гдѣ-то на промыслахъ Русскими промышленниками, знавшими его, Антоновъ былъ потомъ переданъ нашему Правительству и наказанъ за свои преступленія.

Теперь воспользуемся временемъ, пока Поморы совершаютъ свои вояжи, чтобы взглянуть на ихъ мореходство. Оно ограничивается болѣе Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, отъ сѣверныхъ гаваней Норвегіи до береговъ Новой-Земли. Немногіе изъ Поморовъ ходятъ въ Петербургъ и на Шпицбер-

генъ (по здѣшнему Грумантъ). Поморы не считаютъ однако жъ отдаленныя плаванія — важными подвигами, не смотря на несовершенство своихъ судовъ и на незнаніе основныхъ правилъ науки кораблевожденія. Но врожденная привычка къ морю, смѣтливость, удивительная память мѣстностей: вотъ качества, съ которыми Поморы переплываютъ самыя опасныя мѣста. Если Поморъ хоть разъ видѣлъ какое-либо опасное мѣсто, или береговой пунктъ, — то онъ уже не ошибется въ немъ никогда. Такъ какъ бо́льшею частію устройство Поморскихъ судовъ заставляетъ здѣшнихъ моряковъ держаться ближе къ берегу *(бережнье)*, то кормщики въ такихъ плаваніяхъ смотрятъ только на берега; но если случится плыть *голоменью*, т. е. открытымъ моремъ, тогда единственнымъ руководителемъ ихъ служитъ компасъ. Если случатся тогда перемѣнные вѣтры, то сбившись съ прежняго курса, идутъ на угадъ, думая очень справедливо, что куда-нибудь да придутъ. У нѣкоторыхъ кормщиковъ есть памятныя книжки, въ которыхъ, или ими самими, или ихъ отцами, записаны нѣкоторыя замѣтки о меляхъ, коргахъ и о времени «перевалов,» т. е. поворотовъ курса. Конструкція судовъ много

мѣшаетъ улучшенію мореходства: здѣшнія лады, неуклюжія и неудобныя для плаванія въ открытомъ морѣ, предурно оснащенныя, хотя и легкія на ходу при бейдевиндѣ, — не могутъ бороться съ бурями и противными вѣтрами. Въ такихъ случаяхъ Поморы тотчасъ заходятъ въ первую бухту или становище, и выходятъ изъ нея при наступленіи *повѣтери* (попутнаго вѣтра). Не имѣя барометровъ, здѣшніе моряки знаютъ, однако жъ, нѣсколько примѣтъ, по которымъ замѣчаютъ о перемѣнахъ погоды и вѣтровъ. Я исчислю нѣкоторые. Если весною на которой либо сторонѣ горизонта поднимется темная облачность или «стѣна»—то съ той стороны должно на другое утро ждать вѣтра. Осенью-же при закатѣ солнца, если гдѣ станетъ свѣтло или разорвутся облака,—то вѣтеръ поднимется съ той стороны. Такимъ образомъ составилось общее правило: «вѣтеръ дуетъ весною изъ *тёмени,* а осенью изъ *ясени.*» Игра морскихъ животныхъ и крики чаекъ и гагаръ предвѣщаютъ бурю, которая налетитъ съ той стороны, куда плывутъ играющія животныя. Суевѣрные замѣчаютъ также, по примѣтамъ, объ удачѣ или неудачѣ морскихъ промысловъ. Такъ напр. южный вѣтеръ, ду-

ющій 6-го января во время освященія воды, звѣздное небо въ ночи на Пасху и изобиліе рябины—предвѣщаютъ богатые морскіе промыслы.*— Не смотря на то, что здѣшнія суда суть промышленничьи, на нихъ все-таки есть порядокъ и своя дисциплина. Кормщикъ имѣетъ полную власть надъ экипажемъ, и не бывало примѣровъ, чтобъ сей послѣдній выходилъ изъ повиновенія. Точно какъ и на вся-

* Вотъ еще нѣсколько народныхъ примѣтъ: если 1-й день В. Поста хорошъ, то весна будетъ прекрасная. По 2-му дню судятъ о состояніи лѣта, а по 3-му—осени.—Если 1-го марта вѣтеръ, то лѣто скоро наступитъ; но если 25-го марта дуетъ сѣверный вѣтеръ,—то весна протянется еще надолго. Безвѣтріе во время святокъ и много *гудеги* (инею) на вѣтвяхъ деревъ предвѣщаютъ добрый годъ.—Если ребята, разыгравшись на улицѣ, станутъ подражать звуку колоколовъ, — то это предвѣщаетъ бури на морѣ и опасность для ихъ отцевъ. Если дѣти долго не могутъ заснуть ночью, — это предвѣщаетъ неожиданный пріѣздъ *вѣтреныхъ* гостей, т. е. съ моря. Выходя въ море, всегда стараются избрать ту минуту, когда въ селѣ не бываетъ колокольнаго звона. На промыслы отправляются во всѣ дни недѣли, кромѣ того, въ который будетъ въ тотъ годъ праздникъ Благовѣщенія. Во вновь выстроенный домъ если кто входитъ въ первый разъ, тотъ долженъ войти непремѣнно хотя со щепкою или палкою въ рукахъ и бросить ее, но отнюдь не съ пустыми руками. Столъ, накрытый скатертью и блюдами, — если еще остается незанятымъ, долженъ имѣть одинъ уголъ непокрытый скатертью, которая всегда откидывается на верхъ.

комъ благоустроенномъ кораблѣ наблюдается вахта, хотя не болѣе какъ изъ двухъ человѣкъ, управляющихъ рулемъ. При благополучномъ и ровномъ плаваніи, кормщикъ по ночамъ спокойно спитъ въ каютѣ; его будятъ только въ случаѣ перехода вѣтра на другіе румбы, или въ случаѣ внезапнаго шквала. Вообще, плаваніе въ тихую погоду не представляетъ никакихъ особенностей: тихое море, по выраженію Поморовъ, есть добрая, нѣжная мать, но въ бурю они называютъ его мачихой. На морѣ, какъ и дома, моряки здѣшніе встаютъ въ 4 и въ 5 часовъ, а ложатся спать часу въ 10-мъ. Тотчасъ послѣ утренней молитвы они завтракаютъ, потомъ около 9 часовъ утра «зуй» или кохъ, раскладываетъ въ поварнѣ огонь и варитъ на немъ кашу, или тресковую уху. Послѣ обычнаго возгласа садятся обѣдать. Часу въ 4-мъ «паужинаютъ» и наконецъ въ 9-мъ часу вечера окончательно ужинаютъ. Это распредѣленіе не отмѣняется даже и во время продолжительныхъ стоянокъ въ ожиданіи повѣтери. Неосторожность эта непростительна, ибо часто случалось, что взятыхъ запасовъ не доставало на всю дорогу, и многіе, можетъ быть, погибли отъ недостатка хлѣба, когда суда ихъ разбивало и выбрасывало на берегъ.

Къ сентябрю мѣсяцу всѣ Поморскія суда съ грузами рыбы и рухляди то съ Мурманскаго берега, то изъ «Норвеги» спѣшатъ прибыть въ Архангельскъ, гдѣ въ то время начинается ярмарка. Распродавши свой товаръ, Поморы отправляются домой, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ждутъ родные. Этотъ вояжъ, послѣдній въ году, хотя и не великъ, но за то очень опасенъ. Тогда уже осень страшно волнуетъ море своими жестокими вѣтрами; снѣговыя тучи превращаютъ короткіе дни въ совершенныя ночи, а эти ночи, ужасныя ночи, которыхъ мглы не прорѣжетъ ни свѣтъ луны, ни одинъ лучь звѣздочки! Въ это время наиболѣе бываютъ крушенія.

Въ деревняхъ, какъ я уже сказалъ, начинаютъ ждать «вѣтренныхъ» (т. е. пришедшихъ съ вѣтромъ) гостей. Чуть-лишь подуетъ «морянка» (вѣтеръ съ моря), какъ матери посылаютъ дѣтей своихъ на колокольню смотрѣть, не покажется-ли въ морѣ парусъ. Замѣтивъ его, ребята цѣлымъ хоромъ возвѣщаютъ о томъ, крича со своей обсерваторіи на всю деревню: «Матушка, лодейка чапъ-чапъ-чапъ чебанитъ!» Этотъ протяжный крикъ маленькихъ герольдовъ продолжается до тѣхъ поръ, пока ладья не пристанетъ къ устью рѣки и не

броситъ якоря. — Хозяинъ, или кормщикъ пришедшей лодьи, помолясь Богу, тотчасъ съѣзжаетъ съ нея на берегъ и спѣшитъ домой, но, по суевѣрному обычаю, не прямо по улицѣ, а крадется за заборами такъ, чтобъ войти въ домъ незамѣченнымъ никѣмъ изъ проходящихъ. Картину свиданія его съ домашними предоставляю вообразить вамъ самимъ. Первымъ дѣломъ всякаго Помора, вошедшаго домой изъ дальней дороги, есть баня; вторымъ—обѣдъ. Хотя бы онъ пришелъ среди ночи, но обычай не измѣняется. Родственницы другихъ Поморовъ, еще не возвратившихся, узнавъ о прибытія судна, тотчасъ приступаютъ къ пріѣхавшимъ съ распросами о здоровьѣ своихъ родныхъ. Хорошо, если ни съ кѣмъ изъ жителей той деревни не случилось несчастія, но если напротивъ, — тогда раскащикъ прибѣгаетъ къ обману, чтобъ не поразить внезапно несчастною вѣстью. Въ этомъ случаѣ Поморы представляютъ примѣръ человѣколюбивой осторожности. Жена или мать Помора, умершаго въ морѣ, не вдругъ узнаетъ о своемъ несчастіи; хотя уже по толпамъ бабъ, собирающихся на улицѣ и печально о чемъ-то толкующихъ, она понимаетъ, что съ кѣмъ-то случилось несчастіе. Приготовленная такимъ

образомъ, она наконецъ узнаетъ истину. Такъ какъ умершіе въ морѣ лишаются по необходимости церковнаго обряда погребенія, то родственники покойнаго совершаютъ по немъ панихиду. Созвавъ вечеромъ всѣхъ своихъ родныхъ, они, на другое утро, идутъ къ обѣднѣ съ громкомъ плачемъ; впереди толпы идетъ мальчикъ, неся икону. Придя въ церковь икону ставятъ на налоѣ и окружаютъ ее зажженными свѣчами. По окончаніи литургіи и панихиды возвращаются домой. *

Остатокъ осени и начало зимы проходитъ въ отдохновеніи. Но потомъ опять начинаются труды, хотя спокойные, но столь же тяжкіе, какъ и морскіе. Они состоятъ въ охотѣ за птицами и лѣсными звѣрями, въ вываркѣ соли и въ ловлѣ сельдей. Охотниковъ между Поморами вообще очень мало, и потому промыселъ этотъ мало развитъ, хотя нѣтъ, кажется, ни одного Помора, который не умѣлъ бы владѣть винтовкою. Для ловли птицъ дѣлаютъ иногда особыя западни, устроивая ямы и слегка покрывая ихъ хворостомъ, или прилаживая надъ ними крышку, такъ что она закры-

* При обыкновенномъ погребеніи покойниковъ, присутствующіе въ церкви не держатъ свѣчъ въ рукахъ, но прикрѣпляютъ ихъ къ краямъ гроба.

вается отъ прикосновенія неосторожной птицы, неминуемо попадающей въ яму. Бьютъ изъ винтовокъ дикихъ оленей и ходятъ на медвѣдя; но на послѣдняго нападаютъ съ большою осторожностію; охотники, выходя изъ деревни, наблюдаютъ, чтобъ объ этомъ не знала ни одна женщина. Въ противномъ случаѣ, если хоть одна баба узнаетъ, что охотники пошли на медвѣдя, то ужъ нельзя ждать успѣха, а лучше не ходить. Если охотники пойдутъ на медвѣдя, когда онъ еще не забрался въ берлогу, то вблизи ея кладутъ на вѣтви деревьевъ жерди и устроиваютъ помостъ, расположившись на которомъ, выжидаютъ медвѣдя, чтобъ пустить въ него пулю. Но когда медвѣдь уже расположится на зимовку въ берлогѣ, тогда охотники, вооружившись толстымъ шестомъ, бросаютъ въ отверстіе берлоги пукъ хвороста, чтобы раздражить медвѣдя, что̀, разумѣется, имъ вскорѣ удается. Разсерженный медвѣдь выползаетъ, и едва-лишь высунетъ свою морду изъ отверстія, какъ охотники быстро суютъ конецъ шеста въ берлогу, выше головы медвѣдя, и, наклоняя другой конецъ шеста къ землѣ, стараются такъ притиснуть медвѣдя, чтобъ онъ не подвинулся ни впередъ ни назадъ; въ то же время товарищи

охотниковъ стрѣляютъ въ голову животнаго.

Выварка соли занимаетъ много рабочихъ рукъ въ Поморьѣ. Это занятіе такъ же старо, какъ рыбные промыслы. Въ прежнее время соловарни составляли одинъ изъ главныхъ доходовъ монастырей, къ которымъ онѣ были приписаны. Въ послѣдствіи онѣ были отобраны въ казну. Нынѣ казна отдаетъ частнымъ лицамъ эти варницы съ тѣмъ, чтобы они платили пошлины за каждый пудъ соли по 11-ти коп. сер. Всѣхъ соловаренныхъ заводовъ на берегахъ Бѣлаго моря считается до 35-ти, въ томъ числѣ въ городѣ Ненoксѣ двѣнадцать соляныхъ колодцевъ. Соль, добываемая прямо изъ моря, называется «морянкою», а вывариваемая изъ колодцевъ—«ключевкою». Послѣдняя нѣсколько лучше, или крѣпче первой. Вотъ самый способъ выварки соли. Въ большомъ сараѣ, построенномъ на берегу моря, устанавливаютъ на четырехъ столбахъ огромный желѣзный ящикъ «чѐренъ» такъ, что онъ виситъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ земли на желѣзныхъ полосахъ, прикрѣпленныхъ къ столбамъ. Къ самому почти чѐрену прокапываютъ отъ берега канаву, такъ что морская вода подходитъ къ самому ящику. Наполнив-

ши чèренъ водою, «разсоломъ», подкладываютъ подъ него огонь. Разсолъ мало по малу нагрѣвается, кипитъ и превращается въ пары. Во время кипѣнія всплываютъ на верхъ грязь и посторонпія вещества, которыя снимаютъ лопатками. Когда замѣтятъ, что уже вся вода испарилась, то уменьшаютъ огонь и потомъ оставшуюся въ чèренѣ массу выгребаютъ изъ него и сушатъ на воздухѣ. — Въ водѣ Бѣлаго моря, по химическимъ изслѣдованіямъ, содержатся слѣдующія составныя части: соленокислая сода и магнезія, сѣрнокислая магнезія и известь, и углекислая известь и магнезія. На здѣшнихъ варницахъ каждый день вываривается до 70 пудъ соли, и на каждый пудъ ея употребляется 1 сажень дровъ. Въ теченіе цѣлаго года во всѣхъ соловарняхъ получается до 114,000 пудъ и болѣе, а продается до 100,000 п. на сумму 34,000 руб. сер. Работники Поморы цѣлую зиму проводятъ въ этихъ сараяхъ, наполненныхъ дымомъ и смрадомъ. Но пріѣзжій путешественникъ, захваченный на дорогѣ метелью, продрогшій отъ холода, радъ и ѣтому пріюту.

Сельдяной промыселъ занимаетъ первое мѣсто послѣ трескоблаго. Сельди ловятся въ огромномъ количествѣ на Бѣломъ морѣ и на

Мурманскомъ берегу. Сельди, какъ извѣстно, ходятъ огромными массами и иногда столь густыми, что въ средину стаи можно воткнуть палку, которая будетъ держаться какъ въ землѣ. Киты, аккулы, тюлени и прочія животныя суть злые враги сельдей: спасаясь отъ ихъ преслѣдованія, сельди спѣшатъ укрыться въ заливахъ моря и въ рѣкахъ. Пользуясь этимъ, промышленники закидываютъ невода и ловятъ сельдей милліонами. Особенно сельдяная ловля велика въ Поморскихъ деревняхъ Кандалакшѣ, Поньгомѣ, Сорокѣ и въ другихъ мѣстахъ Онежскаго залива. Самое благопріятное время для этого промысла считается Августъ и Сентябрь, потому что сельди тогда бываютъ жирнѣе. Сельди складываются по очищеніи въ небольшіе боченки и пересыпаются солью: каждая бочка сельдей стоитъ около 30 коп. сер. иногда дороже и дешевле, смотря по обстоятельствамъ. Зимою выловленныя сельди лежатъ въ Поморскихъ деревняхъ цѣлыми грудами на улицахъ. Ихъ продаютъ не счетомъ, а мѣрою. Сотни возовъ, каждый день нагрузившись этой рыбою, уѣзжаютъ въ сосѣднія губерніи. Торговля сельдями идетъ шумно и дѣятельно. Не смотря однакожъ на легкость сельдянаго промысла,

часто промышленники платятся за него своею жизнію, потому что прибрежные торосы внезапно отрываются отъ берега и уносятся въ море вмѣстѣ съ промышленниками.

Обозрѣвши одну сторону жизни Поморовъ, взглянемъ и на другую. Какъ люди трудолюбивые, они имѣютъ полное право на часы свободы и веселья. Зима, — любимица Русскаго человѣка, особенно жителя Сѣвера, — даетъ Поморцамъ возможность и досугъ провести ее весело. Разумѣется, Поморы, какъ люди православные, не веселятся въ посты. Только святки и заговѣнье проводятъ они сообразно съ своими понятіями и обычаями. На второй или третій день Рождества начинаются посидѣлки или *вечерины*. На нихъ собираются толпы дѣвушекъ и мужчинъ, заранѣе созванныхъ хозяевами. Каждая дѣвушка является на вечерину со своей собственной свѣчею и непремѣнно съ какимъ-нибудь рукодѣльемъ, съ пряжею или шитьемъ. О святкахъ на вечерины являются *хухольники*. Это какія-то пугала, въ выворочениой на изнанку шубѣ или въ другихъ одѣяніяхъ, надѣтыхъ самымъ страннымъ образомъ. Но хухольники никогда не надѣваютъ маски (по здѣшнему *личины*); * считая

* Маски неупотребительны и въ другихъ мѣстахъ губер-

это грѣхомъ, они закрываютъ лицо или своимъ нарядомъ, или платкомъ. При появленіи хухольника, вечерина оживляется. Измѣнивъ голосъ, онъ сыплетъ остроты, прибаутки. Иногда начинается танецъ *шинъ*, * очень похожій на Французскій кадриль; мѣсто музыки, разумѣется, занимаютъ пѣсни, сообразно съ фигурами этого живаго танца. Веселые святки проходятъ; но вечерины продолжаются по-прежнему до Великаго поста. Каждый день, исключая капуновъ предъ праздниками, у кого-нибудь непремѣнно есть вечеринка. Мужчины прежде нежели войдутъ въ комнату, постучатъ сперва въ окно съ троекратнымъ возгласомъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Безъ этого возгласа они не имѣютъ права войти въ домъ. Вечерина продолжается

ніи, кромѣ окрестностей Архангельска,—такъ, что за 50 верстъ отъ него уже не встрѣтите маски на деревенскихъ святкахъ. Въ южныхъ частяхъ губерніи хухольникъ называется *шуликуномъ*. Однакожъ вездѣ маскерадныя переодѣванія считаются грѣхомъ, требующимъ очищенія. По этому въ день Богоявленія всѣ шуликуны и хухольники считаютъ необходимымъ выкупаться въ проруби, не смотря на жестокость мороза.

* Кромѣ *шина* употребительны, какъ здѣсь, такъ и въ прочихъ мѣстахъ губерніи, хороводныя игры: *круги, тройки* и *застѣнокъ*. Эти танцы чрезвычайно тихи и монотонны.

непремѣнно за полночь, и Поморъ, * проболтавши почти всю ночь, приходитъ домой *очень рано* — когда его домашніе уже проснулись. Но ему не до сна, потому что должно тотчасъ ѣхать куда-нибудь въ лѣсъ за дровами, или привести воды и проч. «Неужели онъ не спитъ?» спросите вы. Не безпокойтесь; этотъ вопросъ онъ рѣшаетъ очень просто. Запрягши лошадь, онъ препокойно ложится въ сани и, направивъ привычнаго коня по извѣстной дорогѣ, спитъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ къ мѣсту. Сдѣлавъ, что нужно,—онъ отправляется домой такъ же, какъ ѣхалъ впередъ. Вознаградивъ такимъ образомъ прошлую ночь, онъ опять идетъ на привлекательную вечеринку.— Въ это-же праздничное время бываютъ свадьбы. Если невѣста—дѣвушка бѣдная и родители ея не имѣютъ средствъ снабдить ее всѣмъ нужнымъ, то она, въ сопровожденіи подругъ своихъ, ходитъ изъ дома въ домъ къ богатымъ людямъ, которые надѣляютъ ее чѣмъ могутъ. Прекрасный примѣръ великодушія и сострađанія къ бѣдности! Богатыя невѣсты, не нуждаясь въ пособіи, ходятъ однакожъ къ своимъ родственникамъ и знакомымъ «поплакать,»—

* Само собою разумѣется, что это молодой человѣкъ, да и то не всякій.

почему это и называется *плаканьемъ*. Во все это время невѣста ходитъ въ парадномъ платьѣ; голова покрыта повязкою изъ широкихъ хазовъ, унизанныхъ бисеромъ; прочая одежда состоитъ изъ сарафана, обшитаго хазами, и широкихъ бѣлыхъ рукавовъ, подвязанныхъ лентами. * Я не буду описывать вамъ всѣхъ подробностей здѣшнихъ свадебъ, потому что на это понадобилось бы много страницъ; замѣчу только, что обряды свадебные весьма различаются одни отъ другихъ даже въ самыхъ близкихъ деревняхъ Поморья, хотя главное остается вездѣ. Таковы, напр., безчисленные обѣды и ужины, которые заставляютъ удивляться вмѣстимости Русскаго желудка, и безъ которыхъ свадьба не въ свадьбу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поморья свадьба составляетъ торжество для всѣхъ жителей селенія. Когда свадебная процессія не по необходимости, а по обычаю пѣшкомъ возвращается изъ церкви, то

* Кстати объ одеждѣ. Одежда женщинъ состоитъ изъ сарафана. Сверху надѣвается короткая шубка иногда бархатная, но безъ рукавовъ. На головѣ замужнія женщины носятъ повойники, и покрываются платками. Это общій нарядъ всѣхъ женщинъ губерніи, но только въ каждой части ея надѣваютъ его особеннымъ образомъ, и по этому происходитъ нѣкоторое различіе. Любимый цвѣтъ въ Поморьѣ—красный, потомъ слѣдуетъ синій и желтый.

окна всѣхъ домовъ иллюминуются; даже бѣднякъ считаетъ долгомъ поставить на свои окна какой-нибудь огонекъ. Въ послѣдній день предъ Великимъ постомъ умолкаетъ шумъ веселья и праздности. Въ этотъ день приготовляются къ посту, просятъ другъ у друга прощенія въ грѣхахъ и затѣмъ же ѣздятъ на могилы умершихъ родственниковъ.

Великій постъ—преддверіе весны и начало промысловъ: мы уже знаемъ о нихъ; а теперь поговоримъ о постройкѣ мореходныхъ судовъ, которая большею частію совершается въ это время. Раньше я уже сказалъ, что при строеніи судовъ здѣсь руководствуются привычкою, не заботясь объ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ. Послѣ закладки тотчасъ ставятъ *корги* (штевни) и *наборъ* (шпангоутъ), а чрезъ двѣ-три недѣли оканчиваютъ уже ладью. Для судовъ меньшей величины требуется, разумѣется, меньше времени. Чтобъ познакомить васъ ближе съ Бѣломорскими судами, я исчислю ихъ названія. По величинѣ первое мѣсто занимаютъ *ладьи*. Это палубныя суда, длиною отъ 40 до 80 футъ, а шириною отъ 6-ти до 9-ти. Грузу вмѣщается отъ 5 до 12 и болѣе тысячь пудъ. Обшивка только большихъ ладей кладется въ гладь, а на всѣхъ другихъ су-

дахъ—въ наборъ. Пазы или щели между обшивными досками законопачиваютъ мхомъ и заливаютъ смолою. Носовая часть ладей гораздо ниже кормовой, что придаетъ неуклюжій видъ, точно такъ же, какъ и самая фигура штевня и *скулъ* судна. Корма прямая на одной линіи съ ахтер-штевнемъ, и потому руль не проводится внутрь, какъ на корабляхъ, а виситъ на крюкахъ сзади кормы. Вообще здѣшнія ладьи имѣютъ (кромѣ кормы) большое сходство съ Голландскими куфами старинной постройки. Внутренность ладьи состоитъ изъ трехъ частей: поварни или камбуза, въ который съ палубы ведетъ поваренный люкъ. Здѣсь живутъ работники судна, здѣсь-же устроена кирпичная печь для приготовленія пищи. Эта тѣсная, крошечная каюта находится въ носовой части судна. За поварнею начинается трюмъ, своимъ страшнымъ запахомъ напоминающій о грузѣ, который въ него кладется. Въ трюмъ ведутъ два люка: большой и кормовой, находящійся за гротъ-мачтою. Наконецъ, въ самой кормѣ ладьи устроивается каюта, жилище хозяина или кормщика. Эта комнатка освѣщается четырьмя окнами съ кормы и однимъ сверху. Устройство внутренности каюты взято съ примѣра иностранцевъ. Иногда у богатыхъ хо-

зяевъ—каюты прекрасно выкрашены и блестятъ позолотою. Люкъ, ведущій въ эту каюту, называется *прйказинье*. На большихъ ладьяхъ бываетъ три мачты и бугшпритъ. Мачты состоятъ изъ цѣльныхъ деревъ (однодеревки). Оснастка ихъ по этому чрезвычайно проста. Двѣ-три веревки замѣняютъ ванты. Паруса опускаются на самую палубу и съ ней-же ихъ поднимаютъ; по этому для здѣшнихъ моряковъ нѣтъ надобности лазить на верхъ. Всѣхъ парусовъ три. Два изъ нихъ, фокъ и гротъ, поднимаются на реяхъ и состоятъ изъ частей, которыя называются *бинетами*. Третій парусъ на бизань-мачтѣ поднимается на гафелѣ. Здѣсь, кстати, я могъ бы привести словарь техническихъ словъ, относящихся до мореплаванія и судостроенія Поморовъ, — но боюсь, что читатели мои незнакомы съ морскою терминологіею.* Кромѣ ладей въ Поморье употребляются еще слѣдующія суда: 1) *шняки* — большія лодки безъ палубы, длиною около 30 футъ, а шириною въ 8 футъ, сшиваются вицею изъ широкихъ досокъ. Носъ и корма острые, вздернутые. На шнякѣ бываетъ только одна мачта.

* Годы судовъ у Поморовъ выражаются *водами*. Если, напр., судно на *пятой водѣ*,—то это значитъ, что судно существуетъ 5-й годъ.

Совершенно подобны шнякамъ — тройники Лопарскіе, только меньше ихъ. 2) *Раньшинье*— легкія палубныя суда съ двумя мачтами. Имя свое получили онѣ отъ того, что на нихъ *раньше* всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи. 3) Разнокалиберные *карбаса*, * употребляемые во всей губерніи для плаванія по рѣкамъ и на морѣ, вмѣсто шлюпокъ. Карбаса, по различному употребленію, имѣютъ множество видоизмѣненій, какъ въ конструкціи, такъ и въ величинѣ. Только опытный взглядъ можетъ узнать, который карбасъ принадлежитъ извѣстной мѣстности. На Двинѣ, напр. на протяженіи какихъ нибудь 100 верстъ отъ устья, вы встрѣтите три вида карбасовъ, отличныхъ по конструкціи, которые также не походятъ и на Поморскіе. **

Получивъ нѣкоторое понятіе о внѣшней

* Финское слово *карвасъ* значитъ лодка.

** Въ настоящее время въ Поморьѣ появляются уже прекрасные гальоты, построенные по образцу Англійскихъ. Но еще долго не искоренится привычка къ ладьямъ. Мнѣ случилось спросить одного Помора, построившаго новую ладью, почему онъ выстроилъ не гальотъ?—«Я было и хотѣлъ,—отвѣчалъ онъ,—да жена стала отговаривать: каково будетъ новое судно; можетъ оно *несчастливо*». — Не мудрено, если предразсудки, подобные этимъ, мѣшаютъ добрымъ начинаніямъ.

жизни Поморовъ, читатели, вѣроятно, пожелаютъ взглянуть на домашній бытъ ихъ и на жизнь внутреннюю. Разсматривая какой угодно народъ съ этой точки зрѣнія, мы ни у кого не видимъ совершенства; однакожъ дѣлаемъ выводы, основываясь на сравненіи. Если сравнимъ Поморовъ съ другими массами народа здѣшней губерніи, то перевѣсъ будетъ на ихъ сторонѣ. У нихъ больше, нежели у прочихъ жителей губерніи, развитъ духъ промышленности и торговли, а съ нимъ вмѣстѣ развились предпріимчивость и самодѣятельность. Въ какой-же именно степени существуетъ такое развитіе, — это уже другой вопросъ. Довольно и того, что Поморъ имѣетъ много преимуществъ предъ жителемъ южныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи. Число людей богатыхъ между Поморами гораздо больше, нежели тамъ, и хотя всѣ жители Архангельской губерніи вообще не «ударятъ лицемъ въ грязь» въ слѣдствіе свободнаго развитія своей исторической жизни, но Поморы и въ этомъ берутъ верхъ. Кругъ знаній и понятій Помора по-своему обширенъ: образъ жизни, путешествія и торговыя сношенія—все увеличиваетъ умственный запасъ его. Найдете-ли вы между земледѣльцами Русскими человѣка «бывала-

го?» А между Поморами есть сотни людей, видавшихъ и Англію, и Францію, не говоря уже объ изученной ими *Норвегъ.* Положимъ, что отъ такихъ вояжеровъ нельзя ожидать глубокаго познанія посѣщенныхъ странъ, потому что всѣ свѣдѣнія, какія они знаютъ, состоятъ въ родѣ слѣдующихъ: «въ Марселѣ тепло, а въ Лондонѣ житье худое: сапоги-де нарато дороги,»—но все же этотъ человѣкъ видѣлъ много хорошаго и полезнаго. А это много значитъ для всякаго ума. Видавъ многое, постигнувъ пользу того или другаго, Поморъ не удивляется, какъ дикарь или домосѣдъ, у котораго «только и свѣту, что въ окошкѣ». Въ слѣдствіе расширенія круга понятій, въ Поморахъ видно усердіе къ ученью, что трудно найти тамъ, гдѣ господствуетъ неподвижность ума. Поморы съ радостью отдаютъ дѣтей въ училища, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ ученье считается дьявольскою выдумкой. Не смотря на такія качества ума Поморовъ, мы видимъ, что на самомъ дѣлѣ онъ подверженъ сильному вліянію предразсудковъ, привычекъ и суевѣрія. А подъ гнетомъ этихъ властелиновъ трудно развиваться уму и стремиться къ пользѣ и усовершенствованіямъ.

Богатый человѣкъ между Поморами имѣетъ какое-то деспотическое вліяніе на бѣдныхъ своихъ собратій. Наживая себѣ капиталы, онъ смотритъ на нихъ, какъ на орудія своего богатства. Попавши разъ въ долгъ своему хозяину, бѣднякъ уже почти никогда не выходитъ изъ долга, и только съ каждымъ годомъ увеличиваетъ его. Такой человѣкъ, естественно, уже не можетъ дѣйствовать для своей прямой пользы. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ сдѣлать бѣднякъ, не имѣющій въ карманѣ лишняго гроша, хоть въ головѣ есть у него умъ, а въ рукахъ умѣнье? Обязанный нуждою быть вѣчнымъ рабомъ своего хозяина, связанный этою нуждою, бѣднякъ радъ, радъ, если добылъ тяжкими трудами хлѣба для прокормленія своего семейства. Кругъ его дѣйствій уже никогда не выйдетъ изъ предѣловъ, положенныхъ заранѣе. Въ слѣдствіе этого здѣсь произошелъ какой-то застой во всемъ, касающемся до улучшенія быта домашняго и промышленности. Въ Поморьѣ есть много даровъ природы, которые не обращаютъ на себя ничьего вниманія, но которые могли-бы служить прекрасными средствами къ увеличенію общественнаго богатства. Улучшеніе рыбной ловли, морскаго искуства, заведеніе фабрикъ, за-

водовъ и пр., — вотъ что̀ могло бы дать этому важному краю здѣшней губерніи самую полезную дѣятельность. Для доказательства этого равнодушія къ дарамъ природы и какъ слѣдствіе нелюбви къ нововведеніямъ, приведу одинъ фактъ. Въ цѣломъ Поморьѣ не умѣетъ никто дѣлать глиняной посуды, которую, по этому́, привозятъ изъ Архангельска. На вопросъ о причинѣ этого, вы услышите, что это *не заведено*, не бывало прежде. Матеріала для этихъ издѣлій вездѣ много, искуство самое тоже не хитро; не трудно было бы отдать какого-нибудь мальчика въ ученье къ гончару; — но не заведено, такъ не заведено. Бѣдный человѣкъ и отдалъ бы своего сына въ ученье, но онъ ему нуженъ какъ помощникъ, — а богатый.... богатый станетъ-ли заботиться о пользахъ бѣдняка? Главная причина такой слѣпой приверженности къ заведенному порядку есть — старообрядчество, неразлучное съ тысячью предразсудковъ, оковывающее умы Поморовъ. Подъ вліяніемъ этого зла умъ не дѣйствуетъ, и человѣкъ дѣлается лишнимъ бременемъ для общества, котораго онъ чуждается, не участвуя въ его интересахъ, не сочувствуя имъ. Расколъ появился въ Поморьѣ почти тогда же, какъ и въ

Москвѣ. Въ 1656 г. присланы были въ Соловецкій монастырь исправленныя священныя книги. Тогда-же начался расколъ и, увеличиваясь мало по малу, превратился въ мятежъ. Напрасно Царь Алексѣй Михайловичь посылалъ увѣщательныя грамматы, обѣщая милость преступникамъ противъ Церкви и Государя. Мятежники, запершись въ стѣнахъ монастыря, упорствовали. Царь долженъ былъ поступить рѣшительно. Онъ послалъ войско, которое послѣ семи-лѣтней осады въ 1677 году овладѣло монастыремъ и очистило его отъ раскольниковъ. Во время осады мятежники бѣжали съ острова въ Поморье и сѣяли тамъ сѣмена раскола. Главнѣйшія изъ сектъ, теперь существующихъ здѣсь, суть: Аввакумовская, Филипповская и Аристовская. Какъ велико распространеніе этого фанатическаго заблужденія, можно видѣть изъ того, что нѣтъ между Поморами ни одного семейства, которое бы не имѣло хоть одного человѣка, приверженнаго старообрядству. Можете заключить, какъ разъединяетъ это зло членовъ семейства, когда мать-раскольница чуждается своего сына-міряпина. Можетъ-ли въ семейной жизни быть спокойствіе и счастіе, когда родные ненавидятъ другъ друга какъ иновѣрцевъ?

Но если, не принимая въ расчетъ этихъ заблужденій, взглянемъ на душевныя качества Поморовъ, то увидимъ вообще утѣшительныя явленія. Гостепріимство, честность, набожность — вотъ добродѣтели, которыхъ дай Богъ всѣмъ людямъ, и которыя вы всегда встрѣтите между Поморами. Называя себя *Русакомъ*, Поморъ вполнѣ сохранилъ національную добродѣтель нашихъ предковъ. Для гостя онъ развертывается, угощаетъ его чѣмъ можетъ, по поговоркѣ: «что есть въ печи, все на столъ мечи». Чай есть одно изъ главныхъ угощеній Помора, не смотря ни на какой часъ. Если случится проѣзжій и попроситъ ночлега, Поморъ не откажетъ ему и, напоивъ, накормивъ гостя, проводитъ его изъ дому съ просьбою «жаловать на-предки,» но никогда не возьметъ за это денегъ. Въ этомъ случаѣ не таковы по-Двинскіе жители (*Подвинщина*), которые гостепріимны только за деньги. — Часто подвергаясь опасностямъ на морѣ, весьма естественно, что Поморъ ждетъ и надѣется спасенія только отъ Бога, ибо Онъ одинъ всемогущъ. Справедливо говоритъ пословица: «кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.» Часто спасенные отъ вѣрной гибели, Поморы въ знакъ благодарности къ Богу ста-

вятъ кресты на берегу какой-нибудь бухты, служившей имъ убѣжищемъ. Часто даютъ разные обѣты, если во время несчастія на пути встрѣтится гибель. Благодарственные молебны Соловецкимъ угодникамъ и Николаю Чудотворцу * весьма обыкновенны въ то время, какъ Поморы приходятъ домой осенью. Выше я упоминалъ, какъ строго Поморы содержатъ посты. Наконецъ, честность между Поморами есть вѣнецъ добродѣтелей. Она стоитъ въ главѣ всѣхъ качествъ и заключаетъ въ себѣ еще понятіе доброты. Заслужить названіе *честнаго,* для Помора значитъ то же, что заслужить любовь и уваженіе всѣхъ. Въ слѣдствіе этой добродѣтели въ Поморахъ развиты и другія отъ нея зависящія: справедливость, неприкосновенность къ чужой собственности, а слѣдовательно уваженіе труда и плодовъ его. Это мы видѣли раньше при описаніи весновальныхъ промысловъ. Теперь я приведу нѣсколько здѣшнихъ народныхъ преданій, доказывающихъ понятія Поморовъ о важности труда и высокомъ его значеніи. Но напередъ скажу

* Николай Чудотворецъ весьма почитается въ Поморьѣ. Тамъ придаютъ ему имя Милостиваго. Нѣтъ почти селенія, гдѣ бы не было церкви или часовни во имя этого чудотворца. Есть поговорка: *«Отъ Холмогоръ до Колы тридцать-три Николы.*

вамъ: не ожидайте въ этихъ преданіяхъ ни богатства вымысла, ни занимательности внѣшняго содержанія: что̀ блестящаго можетъ придумать скромное воображеніе сѣвернаго жителя? Гдѣ найдетъ оно матеріаловъ въ этой унылой, непышной природѣ? Но въ преданіяхъ важно не одно только богатство вымысла, — важенъ смыслъ внутренній, или та мысль, которая господствуетъ въ народѣ и которая вылилась въ преданія. Еще скажу вамъ, что вы найдете въ этихъ преданіяхъ однообразіе. Это однообразіе зависитъ отъ того, что каждое преданіе имѣетъ одну мысль, слѣдовательно и выраженіе ея должно было необходимо быть одно другому подобнымъ, въ слѣдствіе той же скудости воображенія. Чтобъ вы могли нѣсколько судить о языкѣ здѣшнихъ жителей, я приведу, въ одномъ изъ преданій, нѣсколько простонародныхъ выраженій.

Въ Кольской *губы* (ѣ), верстахъ эдакъ въ 30-ти отъ Колы, есть махонькой островокъ *Аникіевъ*. Межъ имъ да матерой *салма*, [1] не порато [2] велика. Ту̀тотки топерь становище есть для людей, по прозванью Корабельна губа. Давнымъ-давно жилъ да былъ богатырь Аника. У эвтого Аники было судёнко, а на

[1]) *Финское слово*, означающее *проливъ*. [2]) Не очень.

суднѣ-то Аника разъѣзжалъ по морю-окіяну. Кто его [3] знатъ—чего-ради ѣздилъ онъ тамотки: поди-ужъ не за добрымъ дѣломъ. По зимамъ Аника куды-то отлучался, а по лѣтамъ пріѣзжалъ на эвтотъ островъ. А быватъ, [4] онъ тутотка и жилъ. Оно бы и нешто, кабы Аника не обижалъ добрыхъ людей; — а то нѣтъ: какъ падетъ [5] весна и промыслы начтутся, такъ Аника ужъ тутъ какъ-тутъ на острови ходитъ по ёмъ, да промышленниковъ дожидатъ. Вишь у его заведено было, чтобы всяко промышлено судно, коли пойдетъ съ моря съ грузомъ домовъ, [6] али куды въ становище, то приворачивало бы къ острову и отдавало бы Аники-богатырю часть промысла, — такъ «здорово живи» ни зà што, ни прó што. Позорились [7] православны,—да чего тутъ со злодѣемъ станешь дѣлать-то? Не отдай-ко добромъ, дакъ силой возьметъ, а коли чтó—дакъ и живого не оставитъ. Долго-таки велся эвтотъ обычай и не было на Анику ни суда, ни расправы.

Разъ какъ-то, въ обычну пору, промышленники поѣзжали въ тройники (ѣ) на промыселъ. Въ суетахъ да хлопотахъ они и не замѣтили, какъ подошелъ къ нимъ молодой паренекъ.

[3]) *Его* —выговаривается какъ *ё-go* (Лат. оконч.). [4]) Можетъ быть. [5]) Начнется. [6]) Домой. [7]) Были несчастны.

Ну подошелъ да и поклонился почтенно-таки кормщику и товарищамъ его; поклонился да за тѣмъ и говоритъ: «возьмите, товарищи, меня въ (съ) собой на промыселъ; я,—говоритъ,— хошь наживочникомъ у васъ буду.» Кормщикъ поглядѣлъ на парня, — видитъ — парень незнакомый; за тѣмъ и говоритъ, что у ихъ на тройшики есть и наживочекъ и весельщикъ и удильщикъ есть, что лишняго человѣка не пошто брать, *людно*, [8] вишь, будё. — Но парень не отставалъ и копался (умолялъ) кормщику.— «Ну, ужъ коли тебѣ охвота,—говоритъ кормщикъ, — садись давай, да благословесь и поѣдемъ.» Вотъ и уѣхалъ тройшикъ. Богъ далъ такой промыселъ, какого давно ужъ не бывало. Нагрузили полнехонькій тройшикъ рыбой и поѣхали взадъ (назадъ). Ѣдутъ, — а мало и Аникіевъ островъ. По обычаю нужно было пристать къ нему для выдѣла доли богатырю Аникѣ. Приставъ къ острову, промышленники выгрузили рыбу на берегъ и стали дѣлать ее, т. е. отрѣзывать головы, потрошить и пр. Это занятіе поручили они взятому парню. Дѣло кипѣло у него въ рукахъ на удивленіе всѣмъ товарищамъ. *Обрядившись* [9] съ рыбой,

[8]) Много (говорится нетолько о народѣ). [9]) Кончивши, что было нужно.

парень снялъ свои *вачеги* [10] и попросилъ весельщика выполоскать ихъ въ водѣ. Тотъ вскорѣ возвратился и отдалъ вачеги; но парень, взглянувъ на нихъ, сказалъ весельщику, что тотъ *порядкомъ* [11] не выжалъ изъ нихъ воды, и тотчасъ, сказавъ это, онъ скрутилъ въ рукахъ вачеги такъ, что они лопнули. Товарищи его ахнули отъ изумленія при видѣ такой ужасной силы и подумали про *собя*, что это уже *недарово*, что наживочикъ-то ихній не простой человѣкъ есть. Въ эту минуту явился на берегъ богатырь Аника.—«Эй вы,—*заоралъ* [12] онъ,—подавайте-ка сюда, что тамъ у васъ!...»—Эко парень, вишь чего захотѣлъ! — вскричалъ молодой товарищъ промышленниковъ, обращаясь къ Аникѣ, — не на такихъ напалъ; уходи-ка добромъ, а не то.... «А что? ха, ха, ха!—*загоготалъ* Аника; — шутникъ ты экой. Однако, я вижу, ты не знаешь меня. Уходи-ка самъ, а не то, я такъ тебя *торку*, [13] что и костей не соберешь. Но молодой человѣкъ, какъ будто не слыша угрозъ Аники, подходилъ къ нему. —«Эге, братъ,—закричалъ богатырь,—да ты, я вижу, *свережій:* [14] ужъ не бороться-ли задумалъ со мной.»—Въ эту минуту молодой парень

[10]) Рукавицы изъ толстаго сукна. [11]) Хорошенько. [12]) Закричалъ. [13]) Хвачу, брошу. [14]) Бойкій.

напалъ на богатыря. Схватившись рука съ рукой, сплетясь ногами, два противника начали странную борьбу, катясь какъ колесо, съ ногъ вставая на голову и опять на ноги. Они скрылись изъ глазъ изумленныхъ промышленниковъ, ожидавшихъ развязки. Вскорѣ пришелъ къ нимъ загадочный молодой человѣкъ: на лицѣ его выражалось спокойствіе и важность. — «Благодарите Бога! — сказалъ онъ, обратясь къ промышленникамъ, — теперь злодѣй вашъ уже не существуетъ; отнынѣ никто не посмѣетъ присвоить себѣ промысловъ вашихъ. Богъ съ вами! Простите.» Сказавши это, молодой человѣкъ исчезъ. На островѣ показываютъ теперь кучу камней — это могила страшнаго богатыря.

Въ бассейнѣ Бѣлаго моря, къ югу отъ острововъ Соловецкихъ, находится небольшой каменный островъ *Кăмгуевъ,* далѣе къ югу-же при устьѣ Двинской губы, близъ Лѣтняго берега есть большой островъ *Жогжинъ*. Не вдалекѣ отъ этого острова, на берегу, есть мысокъ, называемый *Кончаковымъ-наволокомъ*. Эти три пункта въ преданіяхъ Поморскихъ жителей играютъ ту-же роль, какъ и островъ Анкіевъ.

Нѣкогда жили здѣсь три брата: старшаго

изъ нихъ звали Ка̀лгою, средняго Жогжѐю, а младшаго Кончакомъ. По именамъ перваго и втораго видно, гдѣ они жили, а младшій поселился близъ острова Жогжина, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ селеніе Дураково. Эти братаны были злые колдуны и богатыри, подобно Аникѣ, бравшіе дань съ промышленниковъ. Они не имѣли судовъ и постоянно жили на своихъ островахъ; Калга и Жогжа имѣли одинъ топоръ, который, въ случаѣ надобности, перебрасывали другъ къ другу чрезъ море, на разстояніи 80-ти верстъ. То же дѣлали они и съ единственнымъ котломъ, въ которомъ варили себѣ пищу. Изъ всѣхъ братьевъ Калга былъ наиболѣе страшенъ для Поморовъ. Однажды изъ Поморской деревни отправлялась ромша на вешній, сальный промыселъ. Пока промышленники приготовлялись къ отъѣзду, вдругъ, откуда ни возьмись, подошелъ къ нимъ неизвѣстный старичекъ, съ палочкой въ рукахъ.—Богъ въ помочь!—сказалъ онъ промышленникамъ. «Спасибо!» — На промыселъ видно ѣдете: добрые люди: такъ не возьмете-ли меня съ вами? — «Куда тебѣ, Русской человѣкъ, съ нами ѣздить! Сиди-ка лучше дома, дѣдушка; на морѣ, да на промыслѣ тебѣ не спокойно будетъ, да и намъ

помѣха!» Но старичекъ усильно просилъ взять его, обѣщая помогать по силамъ, и хоть готовить кушанье, если не въ состоянiи будетъ помогать промышленникамъ. Они уважили просьбу старичка и взяли его. Ромша вскорѣ отправилась. Неизвѣстно, долго-ли была ромша на промыслѣ, извѣстно только, что промыселъ былъ необыкновенно счастливъ. На возвратномъ пути ромша, по заведенному обычаю, должна была пристать къ жилищу Калги, чтобы выдѣлить ему часть своего промысла. Увидя ромшу, Калга уже ожидалъ на берегу ея прибытiя. Пока промышленники, приставъ къ берегу, собирались дѣлить свой грузъ, старичекъ вышелъ на берегъ, опираясь на свой батожокъ. Увидя Калгу, старичекъ тихонько подошелъ къ нему и быстро ударилъ его своимъ посохомъ. Калга упалъ за̀-мертво, не успѣвъ и вскрикнуть. Изумленные Поморы со страхомъ взглянули на старичка, а онъ какъ-будто и ничего. Подойдя къ нимъ поближе, онъ сказалъ: «Теперь поѣзжайте домой; видите, что Калги уже нѣтъ; скажите всѣмъ, что Богъ наказалъ его, какъ разбойника за то, что онъ обижалъ васъ. Промыслы ваши даются вамъ Богомъ за труды ваши. Прощайте, добрые люди!» — И невѣдомый

старецъ исчезъ. Пораженные священнымъ ужасомъ промышленники спѣшили уѣхать домой; но сперва зарыли въ землю трупъ Калги. Въ слѣдующій годъ другіе промышленники, случайно приставъ къ этому острову, увидѣли, что трупъ Калги вышелъ изъ глубины могилы и очутился на поверхности земли. Тогда, вбивъ колъ въ тѣло колдуна, промышленники снова опустили его въ могилу, изъ которой онъ болѣе уже не выказывался.

Участь Жогжи была совершенно подобна участи брата его Калги. Только смерть Кончака нѣсколько отличается отъ гибели прочихъ братьевъ. Кончакъ былъ силачь, не боявшійся дѣйствія никакой силы, но только тогда, когда онъ былъ сухъ; при выходѣ-же изъ бани, онъ лишался своей силы и былъ слабѣе ребенка. Однажды онъ похитилъ жену священника, пріѣхавшаго въ деревню Дураково на ладьѣ. Похищенная успѣла вывѣдать для своего спасенія роковую тайну Кончака, и онъ былъ раненъ, но еще хотѣлъ въ бѣгствѣ искать спасенія. Онъ бѣжалъ по морскому берегу верстъ 8 или 9; но истощенный, умеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ Кончаковъ наволокъ. Близъ него есть холмъ *Могильца*, покрывающій собою трупъ Кончака.

Въ Кандалакшской губѣ есть группа каменистыхъ острововъ, называемыхъ *Робъяками.* На одномъ изъ этихъ Робьяковъ жилъ нѣкогда страшный змѣй, наводившій ужасъ на береговыхъ жителей. Но подобно всѣмъ злодѣямъ, притѣснявшимъ Поморовъ, онъ тоже погибъ отъ руки человѣка, неизвѣстно откуда пришедшаго и куда исчезнувшаго. До сихъ поръ на островкѣ томъ туземцы показываютъ большой четвероугольный камень съ отверстіемъ въ срединѣ, подъ которымъ начинается глубокая пещера, служившая жилищемъ страшнаго чудовища.

Вотъ преданія, доказывающія, какъ высоко ставятъ Поморы трудъ, и какъ свято чтутъ они неприкосновенность его плодовъ и принадлежность ихъ только трудящимся. Эти преданія, какъ я уже сказалъ, очень однообразны, до того, что ихъ можно различать только по мѣстамъ дѣйствія; но это опредѣлительно указываетъ на пространство, гдѣ господствуетъ основная идея преданій, т, е. на все Поморье отъ Кольской губы до Двинской. Неизвѣстные, никому незнакомые люди, являвшіеся среди промышленниковъ подъ видомъ простыхъ работниковъ, такъ чудесно избавлявшіе жителей отъ ига страшныхъ кол-

дуновъ и потомъ исчезавшіе предъ изумленными промышленниками,—почитаются за посланниковъ отъ самого Бога; а это придаетъ здѣшнимъ преданіямъ религіозный характеръ.

Кромѣ этихъ, есть еще въ Поморьѣ много преданій чисто-священныхъ; но я не буду исчислять ихъ. Скажу въ заключеніе, что народъ всей Архангельской губерніи имѣетъ общее преданіе только о Чуди, которая обитала здѣсь. Но кромѣ одного только выраженія, что «тутъ прежде жила Чудь,» — вы не узнаете ничего. Нѣкоторые изъ приморскихъ жителей имѣютъ болѣе обширныя свѣдѣнія. Чудь, по ихъ мнѣнію, былъ народъ *красно-кожій;* что этотъ народъ, по приходѣ Русскихъ, скрылся на Новую Землю, гдѣ живетъ и до сихъ поръ, скрываясь поспѣшно, когда увидитъ человѣка крещенаго. Странно слышать такое мнѣніе отъ людей, которые сами бывали не разъ на Новой Землѣ.

—

Покорнѣйше прошу моихъ читателей мысленно перенестись на востокъ отъ Бѣлаго моря и взглянуть на обширную полосу земли, простирающуюся отъ морскихъ береговъ до Уральскихъ горъ и отъ границъ Вологодской губерніи до Ледовитаго океана. Общее имя

этой земли — *Мезенская тундра.* * О, какая это печальная страна! Озера, болота, мхи, и опять болота и мхи, между которыми потихоньку струятся рѣки и рѣчки, — вотъ что представляетъ нашимъ взорамъ эта пустыня, которая въ самомъ грустномъ однообразіи тянется на тысячу слишкомъ верстъ въ длину и на 500 въ ширину. Съ перваго взгляда на нее, кажется, будто нѣкогда океанъ разгуливалъ на мѣстѣ этой тундры; но въ послѣдствіи поднялъ дно свое и отхлынулъ дальше. Вся эта тундра большею частію представляетъ ровную плоскость, изрѣдка прерываемую горными кряжами. Берега Канина полуострова обрамлены горами Шемаховскими и Канинскимъ-камнемъ; далѣе къ восточному берегу Чесской губы идетъ съ юга отъ границъ Вологодской губерніи—Чаицынъ-камень, ** параллельно которому тянутся возвышенности, неимѣющія имени; наконецъ, за Печорою, въ перпендикулярномъ къ ней направленіи, идетъ

* Слово *тундра* происходитъ отъ Финскаго *тунтури* — гора. Такъ называются въ Лапландіи горы, покрытыя оленьимъ мохомъ. Вся площадь, занимаемая Мезенскою тундрою, равна 396,748 кв. саж.; слѣдовательно одинъ Мезенскій уѣздъ занимаетъ болѣе половины всей Архангельской губерніи.

** Отъ *чаица*, — т. е. чайка.

послѣдній хребетъ тундры — Большеземельскій. За нимъ уже высятся гранитныя скалы Уральскаго-камня, служащаго восточною рамою пустыни. Съ этихъ возвышеній сбѣгаетъ множество рѣчекъ, вливающихся то въ Печору, то умирающихъ въ хладныхъ объятіяхъ моря и океана. Всѣхъ рѣкъ можно насчитать здѣсь до 200; самыя значительныя изъ нихъ суть: 1) Печора, судоходная, большая рѣка, начинающаяся въ Вологодской губерніи и протекающая около 2000 верстъ. Принимая въ себя до 50-ти рѣчекъ, между прочимъ Усу, Ижму и Цыльму,—она впадаетъ въ океанъ, образовавъ въ обширномъ устьѣ своемъ до 100 острововъ. Около устья Печоры разбросано до 18 деревушекъ, между которыми замѣчателенъ Пустозерскій острогъ. 2) Кара; 3) Мезень, вытекающая изъ Яренскаго уѣзда Вологодской губерніи, впадаетъ въ Бѣлое море двумя рукавами, въ 30-ти верстахъ ниже города Мезени. Эта рѣка замѣчательна своими приливами. Вода съ удивительною быстротою стремится вверхъ по рѣкѣ: кажется, будто море хочетъ ворваться въ землю и гонитъ рѣчныя волны. Тогда всѣ суда, стоявшія на взморьѣ, пользуются приливомъ и, не смотря на противный вѣтеръ, быстро несутся по стре-

мительнымъ волнамъ. Во время-же отлива, Мезень очень мелка.—Но обратимся къ самой тундрѣ. Всѣ сѣверныя страны воображенію нашему всегда какъ-то представляются царствомъ холода и зимы; и это естественно—потому что здѣшнее лѣто такъ коротко, такъ безжизненно, что по-неволѣ забывается, какъ минутный сонъ, и чѣмъ дальше живемъ мы отъ сѣвера, тѣмъ страшнѣе онъ намъ представляется. Вообразите-же себѣ, какова Мезенская тундра, когда и жителямъ того-же пояса, къ которому и она принадлежитъ, эта страна кажется ужасною пустынею. Представьте себѣ безпредѣльную снѣговую степь и сѣрое, мутное небо, сливающееся съ нею за предѣлами вашего зрѣнія, — и вы получите зимній видъ тундры. Не ищите здѣсь жизни: ея нѣтъ въ этой пустынѣ. И какой жизни захотѣли бы вы тамъ, гдѣ трескучій холодъ и разгульно-бушующій вѣтеръ уничтожили все, что намекаетъ о ней? Пробѣгая огромныя пустынныя пространства, буйный вѣтеръ съ радости, что не видитъ себѣ преградъ, дико играетъ со снѣгомъ и, схвативъ его въ свои объятія, несетъ дальше и вдругъ съ силою броситъ его на землю. Но, набѣжавъ на скалы горъ, одѣтыя туманомъ, онъ заревѣтъ и за-

воетъ въ ущельяхъ, какъ будто со злости, что не можетъ сдвинуть съ мѣста и унести съ собою этихъ каменныхъ горъ. Во время такихъ прогулокъ вѣтра (а онѣ часты), страшна бываетъ тундра. Горе путнику, если его захватитъ метель на дорогѣ: продрогшій, окоченѣвшій отъ холода, онъ, къ довершенію всего, не можетъ видѣть ничего дальше своего носа,— все вокругъ его покрыто какимъ-то страннымъ покровомъ — даже олени, на которыхъ онъ ѣдетъ. О дорогѣ нечего и говорить: въ тундрѣ не существуетъ ихъ — поѣзжайте куда вамъ угодно, или куда будетъ угодно вашему кучеру - Самоѣду. Когда-же вѣтру вздумается остаться дома и отдохнуть, тогда въ уголку горизонта покажется солнце: вдругъ пустыня заблеститъ своею ослѣпительною бѣлизною и снѣгъ загоритъ миріадами алмазныхъ искръ; но солнцу ужасно скучно смотрѣть на тундру, и оно поскорѣе уходитъ. Въ тундрѣ темно и тихо. Вдругъ на сѣверной сторонѣ горизонта появляется какой-то бѣловатый свѣтъ... ярче, ярче — и вдругъ пускаетъ онъ цѣлый снопъ лучей, за нимъ еще, еще — и вотъ чуть не на полгоризонта вспыхнуло небо чудными огнями. Они образовали надъ землею какой-то дивный вѣнецъ; лучи его перебѣгаютъ, вытя-

гиваются, темнѣютъ, но только для того, чтобъ вспыхнуть еще свѣтозарнѣе; то какъ-будто они сражаются между собою, подобно воинамъ, то играютъ, какъ рѣзвыя дѣти.... съ непонятнымъ любопытствомъ смотришь на эту игру свѣта, ждешь, чѣмъ она кончится, и очарованный этимъ явленіемъ, увлекшись воображеніемъ, думаешь, что слышишь шумъ; но напрасно напрягаешь слухъ—пустыня безмолвна, и загадочное явленіе не высказываетъ своей тайны. Но сгонимъ снѣгъ, отмахнемъ холодъ, и взглянемъ, какова Мезенская тундра въ лѣтнюю пору. Что это? Смотрите, смотрите на нее: какая чудесная смѣсь красокъ! Вотъ зеленая, тутъ красная, тамъ какая-то бѣловатая; какой превосходный коверъ! Да, превосходный; только ткань его очень груба. Всѣ эти краски — мхи. Зелень — это простая трава; а то, что намъ казалось бѣловатымъ— это олеиій мохъ. Разсмотримъ еще поближе. На югѣ тундры густая полоса лѣса; мы видимъ тутъ лиственницу, березу, кедръ и вѣчную ель; замѣчайте, какъ весь этотъ лѣсъ къ сѣверу становится мельче и рѣже, а вотъ за 67° онъ ужъ и кончился. Тутъ-то раскинулась тундра въ ужасающихъ ея размѣрахъ. Еще кой-гдѣ около горъ мы видимъ лѣсочки, со-

стоящіе изъ маленькихъ елокъ; но вы можете быть увѣрены, что эти бѣдняжки никогда не выростутъ выше: судьба случайно закинула ихъ сюда, да потомъ и забыла о нихъ позаботиться. Природа—это добрая мать: одѣвъ холодную тундру мхами, она захотѣла еще болѣе принарядить ее и разсыпала по мхамъ множество ягодъ: морошку, бруснику, чернику, голубель. Что еще болѣе сказать вамъ о тундрѣ? Если вы не побоитесь, то заглянемъ въ лѣса ея, въ рѣки, и даже пороемся въ самой землѣ. Вотъ напр. несется стадо легкихъ, граціозныхъ животныхъ, украшенныхъ вѣтвистыми рогами; нечего называть ихъ по имени: вамъ оно давно извѣстно. Но отъ чего же оно несется такъ быстро? О, это вѣрно, виноватъ извѣстный разбойникъ—волкъ. Это негодное животное, кажется, для того и существуетъ, чтобъ безъ жалости истреблять оленій родъ. Но можно имѣть въ этомъ случаѣ нѣкоторое утѣшеніе: вѣдь попадется-же онъ самъ рано или поздно подъ меткую пулю. Но въ лѣсу слышенъ какой-то трескъ сучьевъ и хвороста; дальше, дальше отъ этого лѣса!— Тамъ медвѣдь, не понимающій, что̀ значитъ человѣческая любознательность. Мы лучше посмотримъ на единоплеменника его, который

на ближней лужайкѣ спокойно углубился въ размышленія: это очень кроткое созданіе, нетрогающее даже и оленей, называется травяникомъ. Кромѣ этихъ животныхъ въ лѣсахъ водятся еще бѣлки, горностаи, россомахи и куницы. Эти звѣрки имѣютъ несчастіе носить на себѣ хорошенькія шкуры, и потому частенько попадаютъ или въ ловушки, или умираютъ отъ пули охотниковъ. Въ чистой же тундрѣ мы замѣтимъ лисицъ и песцовъ. Эти животныя подвергаются также особенному гоненію: охотники, отыскавъ нору, вынимаютъ оттуда щенятъ и такимъ образомъ жестоко и быстро уничтожаютъ породу этихъ дорогихъ звѣрей.—Озера и рѣки Мезенской тундры обилуютъ огромнымъ количествомъ рыбы, а море и Ледовитый океанъ не отстаютъ отъ нихъ своими сокровищами. Бѣлый медвѣдь и чудовищный моржъ дополняютъ списокъ морскихъ звѣрей, обильно водящихся въ океанѣ около береговъ тундры и сосѣдственной съ нею Новой Земли. Упоминать-ли еще о воздушныхъ обитателяхъ и гостяхъ тундры — лебедяхъ, гусяхъ, уткахъ, тетеревахъ, куропаткахъ и рябчикахъ? Въ древнія времена Мезенская тундра (тогда Печорская земля) славилась богатствомъ рудъ. Въ 1491 году, при рѣкѣ Цыл-

мѣ и притокѣ ея Космѣ, найдена была серебряная руда Нѣмецкими «рудознатцами» Иваномъ и Викторомъ и Грекомъ Мануиломъ Ларіевымъ; тутъ даже основанъ былъ заводъ, но какъ всѣ подобныя начинанія, онъ былъ оставленъ безъ дѣйствія. Особенную минералогическую достопримѣчательность тундры составляютъ мамонтовыя и слоновыя кости. Ихъ присутствіе въ пустыняхъ глубокаго сѣвера ясно говоритъ наблюдателю о великомъ переворотѣ, который нѣкогда совершился на земномъ шарѣ. Кости этихъ громадныхъ животныхъ лежатъ въ землѣ, но не глубоко, и большею частію въ болотистой почвѣ, около рѣчныхъ береговъ. Онѣ какъ будто воткнуты въ землю иногда вертикально, иногда косвенно; число ихъ увеличивается въ мѣстахъ близъ Уральскаго хребта. Незнакомому съ видомъ этихъ костей, очень легко ошибиться и принять ихъ за куски дерева,—такъ похожи онѣ на него чернымъ цвѣтомъ наружной ихъ оболочки.

Люди—самыя терпѣливыя, ко всему привыкающія существа: забросьте ихъ въ какой угодно уголокъ земнаго шара, — они сперва потоскуютъ, поплачутъ о прежней родинѣ, потомъ привыкнутъ къ новому мѣсту—и чрезъ

нѣсколько десятковъ лѣтъ они назовутъ его тѣмъ-же именемъ, при воспоминаніи о которомъ они незадолго до того плакали.

Эта способность привыкать даетъ людямъ возможность распространяться по земному шару, жить во всѣхъ его климатахъ, разумѣется, только тамъ, гдѣ можно надѣяться не умереть голодною смертью. Живое доказательство этого—жители Мезенской тундры,—Самоѣды. Этотъ—одинъ изъ интереснѣйшихъ народовъ Европейскихъ — когда-то живалъ въ Азіи около Алтая, потомъ явился въ пустынную тундру и подружился, сроднился съ нею такъ, что называетъ ее своею родною землею.

Трудно, даже просто невозможно сказать опредѣлительно, за сколько лѣтъ до настоящаго времени явились Самоѣды въ Мезенской тундрѣ: это событіе принадлежитъ вѣкамъ давно минувшимъ. Но *зачѣмъ* пришли сюда Самоѣды—это вопросъ, не такъ затруднительный. Вѣроятно, что они явились сюда по необходимости, потому что тундра страна не слишкомъ очаровательная. Если-же Самоѣды зашли сюда поневолѣ, слѣдовательно имъ было нельзя жить въ прежней родинѣ; вѣроятно ихъ тѣснилъ другой народъ, съ которымъ нельзя было спорить. Какъ бы то ни было, но Са-

моѣды поселились въ Мезенскихъ тундрахъ. Долго-ли жили они независимо, какъ они управлялись и кѣмъ, — мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что Новгородцы приказали Самоѣдамъ платить дань; но позволили имъ свободно кочевать по тундрѣ. Появленіе Русскихъ въ тундрахъ есть чрезвычайно важное событіе въ исторіи Самоѣдовъ, имѣвшее самыя несчастныя послѣдствія. Сперва Русскіе являлись къ Самоѣдамъ для сбора дани (ясака) и для мѣновой торговли; но въ послѣдствіи, въ 15-мъ вѣкѣ, стали селиться въ тундрѣ, когда основанъ былъ Пустозерскій острогъ. Тундра была богата, у Самоѣдовъ лежали запасы самыхъ дорогихъ мѣховъ; оленей было множество. Этого было довольно, чтобъ обратить вниманіе жаднаго корыстолюбія. Мало-по-малу тундра населялась выходцами Новгородскими и Московскими, которые, не имѣя никакихъ правъ, селились въ тундрѣ, заводили себѣ стада оленей и жестоко притѣсняли Самоѣдовъ хитростью и силою. Кромѣ Русскихъ, Зыряне также утѣсняли Самоѣдовъ. Въ 16-мъ столѣтіи явилось Зырянское селеніе на рѣкѣ Печорѣ при устьѣ притока Ижмы. Дѣйствуя такими-же безсовѣстными средствами, Зыряне порабощали Самоѣдовъ, завладѣ-

вали оленьими стадами, единственнымъ богатствомъ ихъ. Самоѣды жаловались; сами Цари защищали права ихъ и посылали грамматы. Но зло истребить было трудно въ этой глухой, отдаленной пустынѣ. Къ тому-же хитрые промышленники познакомили полудикихъ Самоѣдовъ съ горячими напитками. Попробовавъ разъ, Самоѣды уже не могли отказаться никогда, и, слыша теперь восторгъ Самоѣда, когда онъ говоритъ о водкѣ, невольно подумаешь, что отвратительный порокъ пьянства получилъ у него степень добродѣтели.—Государи всегда подтверждали права Самоѣдовъ на тундру и предоставили этому народу свободу въ обычаяхъ и вѣрѣ. Елисавета Петровна впервые опредѣлила правила для сбора ясака. Наконецъ въ 1822 и 1835 году Правительство издало человѣколюбивый Уставъ для управленія Самоѣдами. Вотъ и вся политическая жизнь Самоѣдовъ, жизнь бѣдная, страдальческая,—какъ жизнь бѣдняка-малютки. Но грѣшно было-бы пренебрегать за это Самоѣдами; нужно отъ души сожалѣть о нихъ, какъ сожалѣемъ мы о людяхъ невинно страждущихъ.

Теперь я постараюсь показать вамъ Самоѣдовъ въ ихъ домашней жизни.

Вся тундра, мѣсто кочевья Самоѣдовъ, раз-

дѣляется на три неравныя части. Къ востоку отъ р. Печоры до Каменнаго Пояса и р. Кары лежитъ *Большеземельская* тундра (по-Самоѣдски Аэрка-э, т. е. большая земля); къ западу отъ Печоры и на сѣверъ отъ р. Цылмы и Неши тянется *Тиманская* тундра (по-Сам. Юодей-э, т. е. средина земли); за нею отъ р. Неши и Мезени до морскихъ береговъ идетъ *Канинская* тундра (по-Сам. Салье), названная по имени полуострова, которымъ оканчивается. Кромѣ этого общаго раздѣленія существуютъ еще частныя: такъ, напр., Самоѣды, живущіе около Пустозерска, называются Пустозерскими; у р. Кары—Карскими, Югорскими и т. д. Весь Самоѣдскій народъ, кочующій въ Мезенской тундрѣ, составляетъ одно семейство; * но при всемъ томъ есть нѣкоторое различіе между Большеземельскими и Канинско-Тиманскими. У первыхъ сохранилось больше Самоѣдской натуры, тогда какъ послѣдніе, отъ частаго сношенія съ Русскими, много утратили первобытныхъ Самоѣдскихъ нравовъ, обычаевъ и даже измѣнили языкъ, что, впрочемъ, очень часто случается у народовъ, не знающихъ письменности. Кстати замѣчу здѣсь объ языкѣ Самоѣдскомъ. Ужъ нечего и говорить, что онъ

* Въ этнографическомъ смыслѣ.

бѣденъ; да къ тому еще такъ негармониченъ, что по доброй волѣ рѣдко кто захочетъ выучиться ему. Въ немъ преобладаетъ такое множество гортанныхъ и носовыхъ звуковъ, выговоръ съ такими ужасными придыханіями, что еслибъ кто изъ насъ попробовалъ произнести нѣсколько такихъ словъ, то пришелъ-бы въ совершенное отчаяніе отъ этой трудной попытки. Трудно даже найти буквы для точнаго изъясненія звуковъ Самоѣдской рѣчи. Впрочемъ, въ настоящее время всѣ почти Самоѣды, кромѣ малой части Большеземельскихъ, хорошо говорятъ Русскимъ языкомъ, изъ котораго они взяли въ свою рѣчь нѣсколько словъ, исковеркавъ ихъ какъ слѣдуетъ на Самоѣдскій манеръ.—Въ слѣдствіе управленія внутренняго, издревле существовавшаго у Самоѣдовъ, у нихъ ведется до сихъ поръ раздѣленіе на роды, между которыми существуетъ родъ аристократическій и плебейскій. Вы, можетъ быть не вѣрите, что между Самоѣдами есть аристократы? Увѣряю васъ, что Самоѣдскій аристократъ ничѣмъ не уступитъ всякому другому: и осанка его важна, и одежда лучше нежели у прочихъ; если ему случится быть въ гостяхъ и пить чай, то разливъ въ блюдечко чаю, онъ отдаетъ чашку въ руки своему слугѣ,

который смиренно ожидаетъ, пока господинъ его выкушаетъ блюдечко. Такіе аристократы по большей части облечены властью старшинъ. Всѣхъ родовъ Самоѣдскихъ — шесть: 1) Тыссіи, 2) Уаннойта, 3) Логей, 4) Хатанзей, 5) Валей и 6) Выучей. Каждый изъ этихъ родовъ подраздѣляется еще на множество отпрысковъ, заимствующихъ названія свои отъ мѣстностей, или отъ главныхъ предметовъ своихъ промысловъ. Вообще-же Самоѣды сами себя называютъ очень просто: *ненецъ*, т. е. человѣкъ, иногда *хасово*, т. е. мужчина.

Прежде нежели мы заглянемъ въ жилища Самоѣдовъ, неугодно ли будетъ вамъ познакомиться съ физіономіею ихъ самихъ. Вообразите себѣ человѣка небольшаго роста, съ головою, покрытою черными, лоснящимися волосами, съ очень рѣдкою бородкой и еще рѣдчайшими усами; съ широкимъ, почти плоскимъ лицемъ, съ выдавшимися скулами, съ широкимъ приплюснутымъ носомъ и очень узкими глазами; прибавьте къ этому еще слѣды оспы и красновато-желтоватый цвѣтъ лица—и вы будете имѣть понятіе о наружности *ненеця*. Наружность женщинъ Самоѣдскихъ почти подобна. Теперь заглянемъ въ жилье Самоѣда. Но предварительно прошу васъ не

оскорбляться видомъ бѣдности той картины, которую вы увидите. Нужно помнить, что Самоѣды народъ кочевой, полудикій, незнакомый нисколько съ удобствами жизни осѣдлой.

Вотъ рѣчка; недалеко отъ нея лѣсъ; на полянѣ, покрытой мхомъ, стоитъ конусообразное жилище Самоѣда. Основаніе его кругъ, сажени $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ, высота его немного болѣе. Вершина конуса состоитъ изъ концевъ кольевъ, связанныхъ между собою. Весь конусъ покрытъ олеными шкурами, которыя оканчиваются за поларшина до вершины, такъ что оставляютъ между кольями свободное отверстіе, которое выпускаетъ дымъ, лѣниво струящійся. Около этого страннаго зданія стоятъ сани, то вверхъ полозьями, то прислоненныя къ боку конуса. Это домъ Самоѣда, или *чумъ*, какъ называютъ Русскіе, или *мя*, какъ называетъ Самоѣдъ. Подойдемъ къ этому *мя*, откроемъ кусокъ оленьей шкуры и въ отверстіе, аршина въ $1\frac{1}{2}$ высоты и такой-же ширины, войдемъ или правильнѣе—влѣземъ, скорчившись какъ можно искуснѣе. Но, совершивъ этотъ подвигъ, мы должны отвергнуть всякое покушеніе встать и выпрямиться, подъ страхомъ удариться головою о наклонныя стѣны чума. И такъ усядемся въ уголъ

на розостланныя шкуры и будемъ разсматривать внутренность этого необыкновеннаго жилища. Въ центрѣ круга вырыта яма; надъ нею, на перекладинахъ, лежитъ что-то похожее на желѣзный листъ, заваленный горящими щепами и хворостомъ. Огонь нагрѣваетъ висящіе надъ нимъ два котла, утвержденные на крюкахъ съ деревянными рукоятями, которые посредствомъ диръ, на нихъ наверченныхъ, поднимаются и опускаются, опираясь на особенную перекладину, утвержденную на двухъ шестахъ, воткнутыхъ по сторонамъ ямы и соединяющихся на вершинѣ чума, — такъ что весь этотъ кухонный приборъ имѣетъ большое сходство съ буквою A. Стѣны чума, какъ мы замѣтили, состоятъ изъ оленьихъ шкуръ, сложенныхъ въ два ряда: одинъ рядъ шерстію въ чумъ, другой наружу. Они надѣваются на 32 шеста, составляющихъ ребра чума. Отъ отверстія, исправляющаго должность двери, до противоположной стѣны лежатъ двѣ доски; но это не полъ. Такая вещь считается въ чумѣ лишнею, и полъ въ чумѣ большею частію *натуральный*, покрытый иногда древесными прутьями и закрытый мѣховыми одѣялами. Противъ входа, на противуположной сторонѣ чума, лежатъ бѣдныя хозяйственныя

принадлежности Самоѣда: кой-какіе боченки, кадушки, ящики, заключающіе въ себѣ одежду и съѣстные припасы. Эта сторона чума у Самоѣдовъ пользуется особеннымъ почетомъ и называется *синикуй*. У крещенныхъ Самоѣдовъ въ синикуѣ ставится икона, которая, по большей части, запирается въ кадушку, для предосторожности отъ собакъ, которыя составляютъ необходимую принадлежность каждаго чума. Въ зимній вечеръ интересно на минутку посмотрѣть на внутренность чума; картина оригинальная. Семья Самоѣда собралась вокругъ огня; скрестивши ноги, мужчины флегматически смотрятъ на перебѣгающій огонекъ; на физіономіяхъ ихъ не отражается никакого движенія отъ мысли, они какъ-будто бездушны, — но въ позѣ этихъ людей выражается дума, но дума непонятная для чуждаго наблюдателя. Женщины между тѣмъ хлопочутъ около котловъ, въ которыхъ варится или рыба, или кусокъ оленьяго мяса. Ребятишки возятся съ собаченками, или визжатъ вмѣстѣ съ ними. На верху чума, надъ головами Самоѣдскаго семейства, носится дымъ и просачивается въ отверстіе. Сравнивая съ чумомъ хижину даже послѣдняго бѣдняка-крестьянина, нельзя съ перваго раза удержаться

отъ сожалѣнія къ Самоѣдамъ. Въ температурѣ воздуха и въ температурѣ чума нѣтъ никакого различія, кромѣ развѣ того, что дождь и снѣгъ не такъ заносятъ и заливаютъ Самоѣда въ чумѣ, какъ на открытомъ воздухѣ; для насъ, разумѣется, подобное жилище кажется страшнымъ, еслибъ случилось провести въ немъ хоть одни сутки. Но Самоѣдъ истинный сынъ сѣвера, питаетъ глубокое уваженіе къ чуму, и не находитъ въ немъ ни малѣйшаго неудобства. Бывало много примѣровъ, что Самоѣдъ, изъ состраданія приглашенный въ какой-нибудь Русской деревнѣ ночевать въ теплой комнатѣ, среди ночи поднимался и бѣжалъ спать на морозѣ, зарывшись въ снѣгу. Слѣдовательно чумъ любезенъ Самоѣду уже и потому, что въ немъ не жарко,—а главное, что по устройству своему онъ совершенно соотвѣтствуетъ кочевому образу жизни, какую ведутъ Самоѣды. Въ этомъ отношеніи невозможно придумать жилища, болѣе удобнаго, нежели чумъ. Настанетъ-ли Самоѣду пора перекочевать на другое мѣсто,—въ минуту укладываетъ онъ домашній скарбъ на сани, сдергиваетъ покрышку чума (нюки), снимаетъ жерди,—и чрезъ полчаса остается лишь вытоптанный кругъ, какъ воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ стоялъ шалашъ.

Еще скорѣе раскидывается чумъ на мѣстѣ новой стоянки. Я увѣренъ, что никто не выдумаетъ жилища, которое было бы для Самоѣдовъ лучше, легче, дешевле и удобнѣе ихъ чума: изъ этого я заключаю, что изобрѣтательность есть одно изъ умственныхъ качествъ этого народа, котораго мы считаемъ дикимъ, не жалѣя прилагательныхъ: грубый, варварскій и пр.

Самоѣды очень часто мѣняютъ мѣста своего кочевья; сообразуясь съ временемъ года, они уходятъ то къ морскимъ берегамъ для промысловъ, то удаляются въ глубину тундры. Впрочемъ, Самоѣдъ никогда не можетъ сдѣлать свое кочеванье правильнымъ, или періодическимъ; онъ даже не можетъ назначить, сколько времени долженъ пробыть въ томъ мѣстѣ, куда пришелъ. Въ этомъ случаѣ онъ совершенно зависитъ отъ воли своихъ оленей. Когда стадо, выѣдя мохъ, станетъ уходить отъ кочевья, отыскивая болѣе обильной пищи, Самоѣдъ долженъ немедленно переселяться, иначе оленей ничѣмъ не удержишь. Въ такихъ случаяхъ Самоѣдъ собираетъ разбредшихся оленей въ одну массу. Для этого Самоѣдъ пускаетъ вѣрныхъ друзей своихъ, собакъ, и особыми криками приказываетъ заго-

нять оленей. Собачонки эти съ лаемъ и тявканьемъ бѣгутъ къ оленямъ и такъ настойчиво лаютъ на нихъ, что какъ ни будь занятъ олень клочкомъ мха, онъ долженъ оставить его и покорно итти за товарищами, которые длинною вереницею подходятъ къ чуму и описываютъ кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ Самоѣдъ, выбирая оленей назначенныхъ въ упряжку. Выбравъ, онъ метко бросаетъ длинную веревку съ петлею, которая, разстилаясь въ воздухѣ, мало-по-малу съуживается и падаетъ на рога выбраннаго оленя. Между тѣмъ хлопотливая Самоѣдка уже сняла чумъ и вмѣстѣ съ остальною поклажею уложила его на сани. Остается запречь оленей и ѣхать со стадомъ. Въ каждыя сани, смотря по тяжести поклажи, запрягаютъ по 3, 4 и даже по 6 оленей. Олени запрягаются всегда въ рядъ, и чтобъ не разбѣгались, соединяются ремнями отъ широкихъ поясовъ, охватывающихъ ихъ станъ въ передней части туловища. Эти-же пояса прихватываютъ ремень, надѣтый на шею и проведенный къ санямъ между задними ногами оленя. Сани Самоѣдскія весьма красивы, даже изящны, хотя чрезвычайно просты. Высота ихъ немного болѣе аршина, а длина около сажени и больше. Полозья ихъ имѣютъ

отлогій выгибъ; на нихъ въ задней части утверждены косвенно по четыре копыла, поддерживающія сидѣнье, оканчивающееся небольшою спинкою. Это сидѣнье довольно коротко и такъ узко, что два человѣка могутъ умѣститься только въ такомъ случаѣ, когда ноги одного будутъ сосѣдствовать съ головою другаго. Для большей устойчивости, полозья далеко отстоятъ одинъ отъ другаго, а сидѣнье узко. Этотъ экипажъ до такой степени легокъ, что даже ребенокъ легко можетъ двигать его по снѣгу. За то онъ служитъ Самоѣду и зимою, и лѣтомъ. Не удивляйтесь, читатели, что Самоѣды лѣтомъ ѣздятъ въ саняхъ и не отнесите этого къ ихъ дикости. Вамъ извѣстно свойство поверхности тундры. По мхамъ и болотамъ невозможно ѣздить на колесахъ, если имѣть желаніе ѣхать; даже еслибъ можно было, то тяжесть такого экипажа измучила-бы оленей, между тѣмъ какъ сани скользятъ по мхамъ и болотамъ, если и не такъ легко, какъ по снѣгу, то по крайней мѣрѣ не тонутъ и не вязнутъ. Самоѣдъ управляетъ оленями посредствомъ одной возжи, которую перебрасываетъ то на одинъ, то на другой бокъ оленя для перемѣны направленія. Возжа привязана къ крайнему оленю, котораго движенія слу-

жать закономъ для прочихъ его товарищей. Для побужденія лѣнивцевъ, Самоѣдъ держитъ длинный шестъ (харей), которымъ бьетъ по холкамъ тѣхъ оленей, которые неисправно бѣгутъ; кромѣ этой строгой мѣры, Самоѣдъ придаетъ бодрости своимъ оленямъ безпрестанными криками «гай, гай!», которымъ подражать не въ состояніи ни одно Европейское горло. Чтобъ остановить оленей, Самоѣдъ понемногу начинаетъ собирать вожжу, такъ что олени обращаются головами къ санямъ. Въ тундрахъ нѣтъ дорогъ — слѣдовательно Самоѣду вездѣ дорога, куда бы онъ ни направился, чрезъ болота, рѣки, горы. Лѣтомъ Самоѣдъ, встрѣтя на пути рѣку, пересѣкающую ему дорогу, очень спокойно пускаетъ оленей въ воду и, ставши на сани, онъ съ удивительною ловкостію ѣдетъ на оленяхъ и по рѣкѣ, какъ сказочный богатырь, которому все ни по-чемъ. Зимою, когда тундра покрыта бѣлымъ саваномъ, придающимъ ей самое грустное однообразіе, — зимою нужно удивляться искуству Самоѣда въ узнаніи мѣстности. Еслибъ кто-нибудь другой, кромѣ Самоѣда, проѣхавши тундру даже нѣсколько разъ, вздумалъ бы вояжировать по ней одинъ,—тотъ непремѣнно погибъ бы, не зная пути. Съ Самоѣдами, по

доброй волѣ, никогда не случится подобнаго несчастія, и они спокойно разъѣзжаютъ по безпредѣльной пустынѣ, какъ мы по городскимъ улицамъ. Впрочемъ, это естественно: живя въ пустынѣ, человѣкъ вѣчно смотритъ на природу, бесѣдуетъ съ нею, спрашиваетъ совѣта только у нея одной: она нашептываетъ ему свои тайны, дружится съ нимъ, бережетъ его, какъ мать своего малютку. Отсюда происходитъ то знаніе мѣстности, предвѣдѣніе бурь и тишины и та удивительная смѣтливость, которую мы видимъ въ самыхъ дикихъ народахъ.

Прибывъ на избранное мѣсто, раскинувъ чумъ и распустивъ оленей, Самоѣдъ отдыхаетъ, если видитъ, что у него есть чѣмъ утолить свой голодъ, или же отправляется на охоту, вооружившись винтовкою. Мы не будемъ слѣдить за охотничьими его подвигами: пусть себѣ бродитъ по лѣсу или осматриваетъ свои западни и ловушки,—мы посмотримъ, чѣмъ занята жена Самоѣда, остающаяся въ чумѣ. Должно сказать, что Самоѣды, къ стыду своему, почитаютъ женщинъ существами низкими, презрѣнными и обращаются съ ними, какъ съ рабынями: это Азіятская замашка, которая можетъ быть скоро выведется, потому что теперь у Самоѣдовъ есть жены,

которыя осмѣливаются просить мужей, чтобы они, отправляясь куда-нибудь, не пропивали бы заработанныхъ денегъ. Самоѣдка — самая трудолюбивая, работящая женщина. Цѣлый день она занята работою, когда мужъ ея, нерасположенный къ занятіямъ, сибаритничаетъ въ чумѣ. Она обязана готовить пищу и шить одежду. А въ какой степени успѣшны ея занятія, мы сейчасъ увидимъ. Надобно замѣтить, что Самоѣдскій желудокъ особенно уважаетъ *количество* и почти вовсе не обращаетъ вниманія на *качество*. Сообразно съ этими наклонностями изготовляется пища. Главными блюдами Самоѣдскаго *стола* должно считать: оленье мясо и рыбу. Въ числѣ свойствъ Самоѣдскаго желудка я забылъ сказать объ его необыкновенной силѣ. По этому мясо и рыба, въ натуральномъ видѣ своемъ, чрезвычайно ему нравятся. Разумѣется, иногда, ради количества, Самоѣдка варитъ и жаритъ мясо и рыбу; но часто случается, что кусокъ сыраго мяса гораздо болѣе занимателенъ для Самоѣда. Верхъ блаженства, — когда случится ему полакомиться сырымъ мясомъ только-что убитаго оленя и обмакивать куски его въ теплую кровь. Я избавлю читателей отъ изображенія такого дикаго пира, когда лица и руки собе-

сѣдниковъ обагрены оленьею кровью. Любовь, или лучше, страсть къ этому блюду можетъ равняться только со страстью къ водкѣ. «Такъ тебя и тянетъ»—выразился однажды Самоѣдъ, расказывая мнѣ о вкусѣ лакомаго блюда. Должно замѣтить однакожь, что подобныя удовольствія многимъ Самоѣдамъ не часто встрѣчаются, развѣ на свадебной пирушкѣ у пріятеля. У кого 50 оленей, тотъ не можетъ бить ихъ; иначе изъ жалкаго бѣдняка дѣлается совершеннымъ нищимъ. Такъ какъ на качество пищи Самоѣды смотрятъ какъ настоящіе философы, то Самоѣдъ не раздумываетъ, что дѣлать съ оленемъ, котораго ночью задралъ волкъ; шкуру онъ сниметъ, а мясо съѣстъ: не бросать же его въ тундрѣ! Хлѣба Самоѣды употребляютъ очень мало, сколько по непривычкѣ къ нему, столько и по дороговизнѣ. На каждаго Самоѣда, круглымъ числомъ, приходится хлѣба около 7-ми или 8-ми пудъ. Большею частію, особенно зимою, хлѣбъ, замѣшанный на водѣ, печется или лучше жарится надъ огнемъ на манеръ Лапландской рески. Ягоды, во множествѣ растущія въ тундрѣ, служатъ дессертомъ, правду сказать, немножко деликатнымъ въ сравненіи съ предшествовавшими блюдами.

Утоливъ аппетитъ своей семьи, Самоѣдка располагается шить. Произведенія ея иглы чрезвычайно оригинальны и постоянно однообразны. Моды, свирѣпствуя во всѣхъ уголкахъ земнаго шара, страшатся здѣшняго холода, къ счастію Самоѣдовъ. Покрой платья ихъ однообразенъ и вѣчно постояненъ. Мужская одежда состоитъ изъ мѣшка, доходящаго до колѣнъ, сшитаго изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ, съ рукавами, на концахъ которыхъ болтаются рукавицы. Голова просовывается въ воротъ съ выпушкою изъ той-же шкуры, такъ же какъ и подолъ; это называется *малицею* (мальце). Обувь состоитъ изъ оленей-же шкуры, шерстью вверхъ, сшитой изъ оленьихъ лапъ, такъ что полоски бѣлой шерсти перемежаются черными. Эта обувь называется *пимы*. Лѣтомъ Самоѣдъ носитъ обувь, подобную пимамъ, но шерстью внутрь. Малицу обыкновенно украшаетъ кожаный поясъ, часто усаженный мѣдными пуговицами или бляхами. Въ сильный холодъ и въ дорогѣ, Самоѣдъ сверхъ своей малицы надѣваетъ еще другую, совершенно такую-же, только шерстью вверхъ. Эта верхняя одежда называется *совикъ*. Нельзя не замѣтить сходства Самоѣда съ чумомъ: и тотъ, и другой

одѣты совершенно одинаково. Закутанный въ двойную одежду, Самоѣдъ рѣшительно презираетъ всякую стужу и вѣтеръ. Если Самоѣдъ въ одной малицѣ, то на головѣ у него круглая шапка (сàвуа) съ небольшими ушами; если же надѣваетъ совикъ, то прикрываетъ голову подобною же шапкою, которая пришита къ вороту совика. Но Самоѣдъ, воображая землю чумомъ, только побольше нежели его собственный, часто сдвигаетъ съ головы несносную покрышку и ходитъ съ непокрытою головою на открытомъ воздухѣ, къ ужасу людей сострадательныхъ. Я весьма сожалѣю, что не могу читателямъ представить стихотворнаго описанія мàлицы, воспѣтой однимъ изъ поэтовъ и гдѣ-то напечатаннаго. Это было-бы кстати: но я забылъ стихи; помню только, что поэтъ называетъ мàлицу *Самоѣдскою душой*,—должно полагать, потому, что какъ мàлица, такъ и душа Самоѣда открыта взорамъ каждаго. Что касается до меня, то я не вижу въ мàлицѣ никакой поэтической стороны; но признавая несомнѣнную ея пользу, скажу, что она ужасно безобразитъ Самоѣда, придавая ему видъ ужаснаго толстяка. Женская одежда представляетъ такую пеструю смѣсь разноцвѣтныхъ лоскутковъ сукна съ разноцвѣт-

ною шерстью, что приводитъ въ тупикъ всякаго описателя. Это тоже малица, только нѣсколько отличная отъ нея покроемъ и — главное — украшеніями. Всѣ они состоятъ изъ полосокъ различной шерсти, даже и рукава. Отъ пояса, украшенія получаютъ другой видъ. Весь подолъ раздѣляется на три яруса параллельными буффами или выпушкою изъ собачьей, лисьей, даже бобровой шкуры. Пространства между буффами заняты лоскуточками разноцвѣтнаго сукна. Самый низъ подола также богато опушенъ. Лоскутки сукна также украшаютъ и пышную шапку Самоѣдки. Въ дополненіе этого пестраго костюма, нужно взглянуть еще на серьги, кольца, ожерелья и погремушки, которыя считаются Самоѣдками какъ необходимыя принадлежности туалета. Къ концамъ двухъ толстыхъ, черныхъ какъ смоль, косъ, выпущенныхъ поверхъ малицы, Самоѣдская щеголиха привязываетъ множество мѣдныхъ колечекъ и пластинокъ. Во время шествія такой щеголихи, переваливающейся съ боку на бокъ, всѣ эти украшенія издаютъ шумные звуки. Можетъ быть, читательницамъ моимъ Самоѣдка кажется очень забавна съ этими претензіями на щегольство. Можетъ быть, она дѣйствительно смѣшна, —

скажу я въ свою очередь, — а можетъ быть и нѣтъ; съ какой точки будемъ смотрѣть. Дѣло въ томъ, что человѣку полудикому можно и должно простить страсть къ побрякушкамъ и блестящимъ колечкамъ: эта страсть понятна, такъ же какъ понятна любовь ребенка къ игрушкамъ. Но простительна-ли подобная страсть въ человѣкѣ образованномъ, когда онъ изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы въ ушахъ его блестѣло золото, на шеѣ брилліянты, на рукахъ дорогія кольца? Подумайте-ка объ этомъ, любезныя читательницы.

Самоѣды имѣютъ несчастіе стоять не слишкомъ высоко въ мнѣніи Русскихъ. Еще не очень многіе знаютъ, что̀ это за народъ; еще ходятъ между простолюдинами нелѣпыя сказки и бывальщины, которыя доказываютъ, что Самоѣды суть воплощенные дьяволы, а если не дьяволы, такъ слуги ихъ. Суевѣріе слѣпо и жадно: оно во всемъ находитъ себѣ пищу. Другіе же, если и чужды предразсудковъ, то не меньше несправедливы, потому что презираютъ Самоѣдовъ, какъ отверженцовъ, за то, что жизнь ихъ и обычаи не похожи на жизнь и обычаи наши. Послѣдній крестьянинъ, если встрѣтитъ на дорогѣ Самоѣда и если олени испугаютъ его лошадь, то почтетъ пер-

вымъ долгомъ своимъ догнать бѣдняка и поколотить его. Но, Боже мой! виноватъ-ли Самоѣдъ, что природа создала его Самоѣдомъ; что въ чумѣ его нѣтъ того, что̀ въ нашихъ домахъ; что онъ поневолѣ неразборчивъ въ пищѣ, что поневолѣ же неопрятенъ? Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть безпристрастно хоть напр. преступленіе Самоѣдовъ противъ опрятности, то увидимъ, что для нихъ она невозможна. Начать съ того, что Самоѣды почти всѣ не носятъ рубашекъ: по образу жизни это рѣшительно имъ ненужно, такъ какъ и всякое другое бѣлье; гдѣ бы, когда и какъ стали Самоѣдки мыть свое бѣлье? Къ тому же для большей части Самоѣдскихъ кармановъ, очень пустыхъ, покупка и заведеніе бѣлья невозможно. Бани, купанья и тому подобныя омовенія — также не существуютъ для Самоѣдовъ. Крещеные Самоѣды, проснувшись съ зарею, выходятъ изъ чума и, взявши горсть снѣга, трутъ имъ лице, совершая нѣчто въ родѣ умыванія, — но должно признаться, что этимъ только и ограничиваются всѣ заботы ихъ о личной чистотѣ.

Самоѣдамъ никакъ нельзя отказать въ смѣтливости и природномъ умѣ; но все это жестоко подавлено бѣдствіями, страстями и нуж-

дою. Угнетенный людьми, Самоѣдъ видитъ въ жизни только длинную цѣпь страданій: отъ этого онъ безпеченъ, кажется фаталистомъ и необыкновенно отваженъ. Душа Самоѣда носитъ въ себѣ начала добра, посѣянныя во всѣхъ душахъ людскихъ рукою Создателя, и какъ всѣ полудикіе и дикіе народы имѣютъ врожденныя понятія о добрѣ и злѣ, такъ и Самоѣды. Имъ, однакожъ, напрасно приписываютъ дурныя свойства — подозрительность, хитрость, обманъ въ томъ смыслѣ, какъ будто это врожденные пороки. Правда, Самоѣдъ способенъ на обманъ и на лукавство; но эти пороки, какъ всѣ пороки, суть прививные, случайные, зависящіе отъ обстоятельствъ. Человѣкъ слабый въ борьбѣ съ сильнымъ прибѣгаетъ по неволѣ къ хитрости; разъ обманутый — становится подозрительнымъ. Не мудрено, что бѣдные Самоѣды, утѣсняемые Русскими и Зырянами, стали подозрительны и готовы на обманъ. Но кто же виноватъ? Ужъ, конечно, не Самоѣды. Между тѣмъ сердце Самоѣда, охладѣвшее повидимому ко всему, подобно окружающей его природѣ, доступно многимъ прекраснымъ чувствамъ. Что касается до круга понятій Самоѣда, то онъ малъ и тѣсенъ. Понятія отвлеченныя недоступны для этого

ума, спящаго тяжелымъ сномъ незнанія. Для примѣра я раскажу читателямъ нѣсколько подробностей о вѣрованіяхъ и миѳологіи Самоѣдовъ, еще непріявшихъ Христіанства./

Самоѣды полагаютъ, что загробная жизнь подобна здѣшней, съ нѣкоторыми однакожъ измѣненіями. Въ слѣдствіе такого понятія, они кладутъ въ могилу вмѣстѣ съ покойникомъ одежды его, чашки, ложки, ружье, топоръ, сани и прочія принадлежности, но напередъ надломавъ ихъ. Самоѣды вѣрятъ однакожъ, что покойникъ всегда видитъ дѣла живыхъ, и потому страшатся умершихъ. Кстати раскажу вамъ обрядъ Самоѣдскихъ похоронъ. Умершій лежитъ въ чумѣ дня два, одѣтый и укутанный олеными шкурами. Когда соберутся родственники, то выносятъ тѣло, но не въ обыкновенную дверь, а въ отверстіе, разорванное въ стѣнѣ, противъ которой лежитъ умершій. Тѣло кладутъ на сани, запряженныя любимыми оленями покойника, и отправляются на мѣсто могилы, обыкновенно въ лѣсъ, гдѣ лежатъ предки покойника или родовичи. Иногда тѣло опускаютъ въ землю, а иногда оставляютъ на верху ея, въ деревянной оградѣ. При громкихъ крикахъ убива-

ютъ оленя и съѣдаютъ его тутъ-же. Этимъ кончается церемонія. Возвращаясь въ чумы, Самоѣды окуриваются оленьимъ саломъ для очищенія. Чумъ, въ которомъ былъ покойникъ, непремѣнно переносится на другое мѣсто. Считая своихъ умершихъ духами, Самоѣды вѣрятъ еще въ духовъ подземныхъ, живущихъ въ нѣдрахъ земли.

Лѣтъ за 30 до настоящаго времени всѣ Самоѣды были язычники. Язычество до сихъ поръ еще гнѣздится въ Большеземельской тундрѣ, какъ самой глухой и отдаленной; но должно надѣяться, что къ счастію Самоѣдовъ оно вскорѣ исчезнетъ. Вѣра язычниковъ-Самоѣдовъ одинакова съ вѣрою всѣхъ Сибирскихъ народцевъ и принадлежитъ къ шаманской. По понятіямъ Самоѣдовъ, вселенною управляетъ высшее существо Нумъ (Богъ), иначе называемый Йилеомбартʼ(Ь) (небо), недоступное для взоровъ грѣшныхъ людей, обитающее въ небесныхъ высотахъ. Землю и весь родъ человѣческій Самоѣды считаютъ до того нечистыми, что Нумъ никогда не смотритъ на нихъ и не слушаетъ ихъ. По этому-то у Самоѣдовъ нѣтъ ни молитвъ, ни мѣстъ общаго богослуженія, какъ это бываетъ у другихъ язычниковъ. Кромѣ Нума, Самоѣдская миѳо-

логія признаетъ большое количество добрыхъ и въ то же время злыхъ духовъ, подвластныхъ Нуму. Эти второстепенныя божества уже доступны для знакомства съ людьми, — но не со всѣми, а только съ достойными избранниками. Это должны быть люди здоровые, крѣпкіе, чувствующіе въ себѣ вдохновеніе свыше. Только они одни могутъ быть посредниками между людьми и духами; такимъ образомъ, смиренное желаніе какого-нибудь ненеця должно пройти слѣдующія дистанціи, чтобъ достигнуть до ушей Нума: сперва къ посреднику, потомъ къ духу и наконецъ къ Нуму. Духи, подчиненные Нуму, называются *тадебціо*, а по ихъ имени названы посредники между ими и людьми — *тàдибэ* или *тàдибу*. Въ мнѣніи Самоѣдовъ, тàдибе значитъ ни больше, ни меньше, какъ колдунъ, но нисколько не святой и не жрецъ. Онъ способенъ, какъ и тàдебціо, на дѣла добрыя и злыя. Какимъ образомъ простой Самоѣдъ становится тàдибэ, — это тайна. Самоѣды вообще объ этихъ вещахъ говорятъ неохотно, изъ страха или незнанія — рѣшить трудно. Даже крещенные, и тѣ упорно молчатъ и отдѣлываются отъ любопытныхъ вопросовъ. Тàдибэ можно съ перваго взгляда отличить отъ простаго

Самоѣда по оригинальному костюму. Одежда тàдибэ состоитъ изъ *ровдужной* (замшевой) рубашки, покрытой на швахъ и на плечахъ лоскутками краснаго сукна (въ каждомъ мѣстѣ по 7-ми); на груди привѣшенъ желѣзный обломокъ. Необходимую принадлежность тàдибэ составляетъ маленькій бубенъ или барабанъ. Это деревянный, шириною въ 2–3 вершка кругъ, обтянутый съ одной стороны оленьею кожею и увѣшанный по бокамъ разными мѣдными побрякушками. Такой барабанъ называется *пензеръ*. Тàдибэ долженъ непремѣнно самъ приготовить таинственный бубенъ; своими руками выдѣлываетъ онъ кожу самымъ тщательнымъ образомъ. Нѣтъ надобности говорить, что всѣ эти тàдибэ просто шарлатаны, расчетливо дѣйствующіе на воображеніе суевѣрныхъ Самоѣдовъ. Сочетавши дребезжащіе звуки пензера, мѣди и желѣза съ видомъ одежды, тàдибэ производятъ необыкновенный эффектъ и таинственностью своею устрашаютъ непосвященныхъ. Иногда тàдибэ становится лекаремъ; а постоянно онъ волшебникъ, узнающій неизвѣстное. Заболѣетъ-ли кто, или случится покража, или же хотятъ знать объ успѣхѣ своихъ промысловъ, — всегда обращаются къ тàдибэ. Явившись по при-

глашенію въ чумъ, тàдибэ облекается въ волшебный костюмъ, раскланивается, и изо всей силы бьетъ въ пензеръ деревянною колотушкою. Вслѣдъ за этими странными звуками начинается дикая, нестройная пѣсня, повелѣвающая духамъ тадебціо явиться на зовъ. Тадебціо вскорѣ является. Вотъ пѣсня, которую для любопытства читателей я привожу изъ одного письма г. Кастрена, Финляндскаго ученаго, путешествовавшаго въ Мезенской тундрѣ. Дѣло идетъ объ отъисканіи пропавшаго оленя.

Тадибэ *(поетъ)*.

Придите, придите,
Духи сильные!
Если вы не придете,
То я къ вамъ приду.

Пробудитесь, пробудитесь,
Духи сильные!
Я къ вамъ пришелъ:
Ото сна пробудитесь!

Тутъ настаетъ минута молчанія, потому что является тадебціо, и тàдибэ прислушивается къ воображаемому отвѣту:

Скажи, по какимъ
Дѣламъ ты хлопочешь?
Зачѣмъ пришелъ ты
Нашъ покой возмущать?

Тадибэ (*поетъ*).

Недавно ко мнѣ
Пришелъ ненецъ;
Этотъ человѣкъ меня
Неотступно тревожитъ:
Олень его пропалъ.
Вотъ почему я
Теперь къ вамъ пришелъ.»

Импровизируя свои отвѣты, тàдибэ часто отдѣлывается отъ своихъ кліентовъ разными увертками: то тадебціо не хотятъ правды сказать, то другой тàдибэ, его противникъ, помѣшалъ ему, и такъ далѣе. Эти фигляры довольствуются за свои пиѳическія изреченія кое-какими незначительными подарками. Самоѣды питаютъ къ нимъ боязливое уваженіе, и сами тàдибэ, кажется, увѣрены въ дѣйствительности разговоровъ своихъ съ духами; впрочемъ эту увѣренность понять не трудно: сила нашего воображенія дѣлаетъ чудеса.

Самоѣды покланяются идоламъ; однакожь, кажется, они не олицетворяютъ ими самого Ну-

ма; слѣдовательно идолы стоятъ у нихъ на степени второстепенныхъ божествъ и раздѣляются на два разряда: осѣдлыхъ и кочующихъ. Происхожденіе первыхъ было вотъ какое. На островѣ Вайгачѣ жили-были два бога: одинъ былъ утесъ, а другой—камень. У нихъ было четыре сына, которые, когда подросли, то пошли въ тундру: только одинъ остался на Вайгачѣ (или на святомъ островѣ, какъ зовутъ его Самоѣды)—это *Ню-хеге*. Трое остались въ тундрѣ, именно: недалеко отъ Мезени на с. *Кузьминъ-перельсокъ*, у Урала—*Минисей*, и въ Обской губѣ—полуостровъ *Ялмалъ*. Въ честь этихъ боговъ ставили идоловъ. На Вайгачѣ стоялъ Уасско,—(старикъ), окруженный 440 другими истуканами. * Такъ явились въ тундрѣ идолы осѣдлые. Но такъ какъ Самоѣды особенно уважали Вайгачскій утесъ, имѣвшій человѣческія формы, то они подѣлали себѣ маленькихъ, подобныхъ ему, истуканчиковъ и стали возить ихъ съ собою. Такъ произошли идолы кочующіе, называемые *хеге*. Самоѣды ужасно балуютъ своихъ хеге: одѣваютъ ихъ въ маленькія суконныя малицы, очень тепло укутываютъ, возятъ на особыхъ саняхъ и на-

* Всѣ эти идолы и много другихъ сожжены были миссіонерами.

конецъ мажутъ ихъ рты оленьею кровью и саломъ. Такое уваженіе, вѣроятно, до слезъ трогаетъ божковъ. Самоѣды полагаютъ, что Старикъ, вѣроятно, набросалъ въ тундру достаточное количество хеге; то отъискиваютъ ихъ и, найдя камень, или другое-что, приближающееся къ фигурѣ хеговъ, весьма благоразумно *пробуютъ* свою находку: привязавъ его, напр., къ сѣтямъ и вытащивъ ихъ съ уловомъ, — немедленно изъявляютъ божку свое удовольствіе, — въ противномъ случаѣ бросаютъ безъ жалости, какъ не выдержавшаго положеннаго экзамена. Есть еще у Самоѣдовъ поколѣніе божковъ,—но самыхъ горемычныхъ, самыхъ несчастныхъ въ свѣтѣ. Этихъ божковъ Самоѣды изготовляютъ собственноручно изъ дерева, отесавъ чурбанъ въ видѣ человѣка. Этихъ несчастныхъ ставятъ на часы около норъ, или приказываютъ караулить ночью оленей. Бѣдный божокъ на морозѣ, одинъ, —не мудрено, что заснетъ отъ скуки и прозѣваетъ, какъ волкъ задавитъ нѣсколькихъ оленей. Утромъ является Самоѣдъ: видитъ неудачу въ промыслѣ и опустошеніе въ стадѣ. «Разбойникъ!» кричитъ онъ въ гнѣвѣ, обращаясь къ онѣмѣвшему отъ испуга идолу: — «вчера еще я такъ усердно намазалъ тебя кровью, а ты,

болванъ, и не чувствуешь! Послѣ этого, прошу вѣрить въ благодарность!» И раздраженный Самоѣдъ на-скоро собираетъ пукъ розогъ и, отсчитывая сильные удары своему идолу, учитъ его быть прилежнымъ къ дѣлу и постигать чувство благодарности. Вотъ какова языческая религія Самоѣдовъ. Но къ чести ихъ я долженъ упомянуть, что Самоѣды никогда не преклоняли головы своей предъ идолами, не возносили къ нимъ молитвъ. Все свое почитаніе они ограничивали жертвоприношеніями оленей, которыхъ тутъ-же и съѣдали; кромѣ того бросали ружья, ножи и пр.

Я уже замѣтилъ, что теперь язычество искоренилось въ большей части тундры, такъ что въ числѣ 4,904 человѣкъ всѣхъ Самоѣдовъ — язычниковъ осталось теперь 861. Во всей тундрѣ устроено три храма: 1) на р. Несп въ Канинской т.; 2) на р. Пешѣ, въ Тиманской и 3) на р. Колвѣ, въ Большеземельской. Но для большаго удобства и успѣха распространенія и утвержденія Спасителева ученія было бы очень полезно устроить подвижныя церкви по образцу походныхъ церквей. Подвигъ обращенія Самоѣдовъ въ Христіанство начатъ въ 1824 году особою миссіею, подъ предсѣдательствомъ Архимандрита Веніамина.

И такъ въ Самоѣдской тундрѣ позже, нежели въ другихъ мѣстахъ Архангельской губерніи, раздалось Слово Божіе; однакожъ правительство заботилось о распространеніи Христіанской вѣры между Самоѣдами гораздо раньше: въ 1740 году Императрица Анна Іоанновна издала указъ, о выборѣ въ Архангельской епархіи пятнадцати священниковъ, которые должны были проповѣдывать Евангеліе Самоѣдамъ и Лопарямъ. Не знаю, исполнено ли было это повелѣніе, и какой результатъ получила миссія; но до 1824 года, кажется, не было новыхъ попытокъ къ обращенію Самоѣдовъ; въ этомъ году нѣкоторые Самоѣды Канинской тундры сами желали получить крещеніе. Этотъ случай заставилъ подумать о средствахъ для общаго обращенія Самоѣдовъ. Составленъ былъ по этому поводу планъ для дѣйствій миссіи, и Высочайше утвержденъ. Миссія начала обращеніе при устьяхъ Печоры, въ Пустозерскомъ приходѣ; сюда большею частію, для торговли и по дѣламъ, съѣзжались старшины Самоѣдскіе, имѣвшіе большое вліяніе на остальныхъ Самоѣдовъ. Съ этихъ-то старшинъ миссія начала обращеніе; потомъ отправлены были въ глубину тундръ для проповѣди Евангелія два священ-

ника: для прочнаго успѣха имъ предписано было дѣйствовать кротко, миролюбиво, знакомиться съ образомъ мыслей Самоѣдовъ, пріобрѣтать къ себѣ ихъ любовь, уваженіе и довѣріе,—однимъ словомъ, поступать такъ, какъ поступали нѣкогда первые Апостолы. Въ пять лѣтъ миссіонеры пріобщили къ Христіанской паствѣ до 3,000 Самоѣдовъ. Нельзя не удивляться этому быстрому успѣху миссіи, если взять въ расчетъ кочевую жизнь Самоѣдовъ, непроходимость ихъ тундръ и небольшое число членовъ миссіи. Наибольшее число Самоѣдовъ, принявшихъ Христіанство, принадлежало Тиманской и Канинской тундрамъ; а Большеземельскіе Самоѣды показали себя самыми упорными язычниками. Это произошло отъ того, что первые были удручены бѣдностью, несчастіями, и поэтому легче принимали новую религію, находя въ ней опору къ перенесенію своего безотраднаго положенія; къ тому-же они знали Русскій языкъ, что очень облегчало миссіонеровъ. Между тѣмъ Большеземельскіе Самоѣды были довольно богаты, жили въ тундрѣ обширной, не знали по-Русски и потому упорно держались язычества.

Впрочемъ, всѣ почти крещеные Самоѣды

только и могутъ называться *крещеными*, но еще слишкомъ далеки отъ того, чтобъ носить имя дѣйствительныхъ членовъ нашей Церкви. И это естественно; Самоѣдовъ за это презирать не должно. Если вы хотите, напр., чтобъ изъ сѣмяни вышло хорошее растеніе и принесло-бы цвѣты и плоды, то мало того, чтобъ бросить это сѣмя въ землю: надобно хорошенько разсмотрѣть землю, выбросить изъ нея разный дрязгъ, подвергнуть ее дѣйствію солнечной теплоты, полить ее и потомъ уже садить сѣмяна; только въ этомъ случаѣ вы имѣете право ждать хорошаго всхода; безъ этого растеніе будетъ дурно. Подобное обстоятельство случилось съ Самоѣдами: сѣмя Христіанства было брошено въ нихъ вдругъ, безъ предварительнаго приготовленія къ принятію его,—на что требовалось не пять лѣтъ, а тридцать по крайней мѣрѣ. Поэтому-то въ настоящее время отъ Самоѣдовъ нельзя еще требовать основательнаго знанія Христіанской религіи: со временемъ можно надѣяться, что и изъ этого полудикаго народа выйдетъ благочестивый Христіанскій народъ, тѣмъ болѣе, что священники трехъ церквей тундры заботливо продолжаютъ водвореніе Христіанства. Для доказательства словъ моихъ о крещеныхъ

Самоѣдахъ приведу нѣсколько фактовъ. Въ одной деревнѣ Канинской тундры находится церковь; тутъ-же былъ и кабакъ. Въ первое время, когда построили церковь, Самоѣды являлись во множествѣ и усердно посѣщали ее; но вдругъ кабакъ перевели въ другую деревню — и Самоѣды забыли дорогу въ церковь: вотъ какова ихъ набожность! Попросите иного крещенаго Самоѣда спѣть какую-нибудь пѣсню (*) «Нѣтъ,» скажетъ онъ вамъ, «не могу пѣсни пѣть.» — Какъ не можешь! развѣ не знаешь?—«Какъ не знать! знаю; пѣть не могу».—Да ты, пожалуй, не пой; а только слова скажи.—«Нельзя,» упрямо отвѣчаетъ Самоѣдъ, «нельзя мнѣ пѣть: отецъ не велѣлъ; *я вѣдь крещеный.*» И послѣ этого аргумента вы ничего не добьетесь отъ набожнаго Самоѣда. Но дайте этому скромницѣ полтинникъ, и вы увидите его чрезъ полчаса совершенно пьянымъ и готовымъ подраться и пошумѣть со всякимъ встрѣчнымъ.

Теперь взглянемъ по-пристальнѣе на граж-

(*) Кстати, нѣсколько словъ о пѣсняхъ Самоѣдовъ. Въ нихъ обыкновенно описываются обстоятельства изъ домашней, семейной жизни; онѣ носятъ характеръ печальный и грустный. Но ихъ поютъ самымъ ужаснымъ образомъ; для непривычнаго слушателя хоръ Самоѣдскихъ пѣвцовъ покажется настоящимъ хоромъ кошекъ.

данскій или общественный бытъ Самоѣдовъ и на управленіе ими.

Я уже говорилъ раньше о плачевномъ состояніи Самоѣдовъ, которое произошло отъ того, что Русскіе и Зыряне, разселившись въ тундрахъ, притѣсняли Самоѣдовъ. Они позавидовали благосостоянію полудикихъ обитателей глухой земли; подумали: «Зачѣмъ ничтожные Самоѣды владѣютъ оленями, зачѣмъ у нихъ есть и дорогіе мѣха и въ изобиліи рыба? Вѣдь Самоѣды дикари; они хуже, глупѣе насъ; вѣдь они, просто, уроды,—такъ зачѣмъ имъ и владѣть добромъ? Вотъ *намъ* — такъ другое дѣло.» Въ слѣдствіе такого человѣколюбиваго размышленія, Зыряне и Русскіе вступили въ близкія сношенія съ Самоѣдами: вамъ уже извѣстно, чѣмъ дѣйствовали эти безчеловѣчные , корыстолюбивые люди; но сверхъ того, часто подъ покровомъ таинственной, глухой тундры, совершались ужасныя преступленія, остававшіяся неизвѣстными, и убійцы, не боясь наказанія, дерзко расхаживали по тундрамъ, ища новыхъ жертвъ своему ненасытному корыстолюбію. Подъ бременемъ несчастія страдальцы-Самоѣды утратили способность думать объ уничтоженіи зла и не смѣли, или лучше, не умѣли сдѣлать ни-

какой къ тому попытки; въ водкѣ искали они себѣ утѣшенія, закусывали падалью, потому что страшная бѣдность стала удѣломъ несчастныхъ. Пойдетъ-ли Самоѣдъ ловить звѣрей и рыбу на морскихъ берегахъ,—оттуда гонять его притѣснители; явится-ли онъ со своимъ стадомъ на кочевье, — тамъ ужъ вытоптанъ и выѣденъ весь олеиій мохъ огромными стадами оленей, принадлежащихъ Зырянамъ, которые не знаютъ правилъ кочеванья и не наблюдаютъ экономіи въ кормовомъ мохѣ (извѣстно, что новый мохъ на мѣстѣ вытоптаннаго выростаетъ не раньше какъ чрезъ тридцать лѣтъ). Однимъ словомъ, куда ни бросится, куда ни обернется бѣднякъ-Самоѣдъ, вездѣ, отовсюду гонятъ его нахальные владѣльцы тундры. Годъ-отъ-году у него недочетъ въ стадѣ; а семья проситъ хлѣба: гдѣ достанетъ его Самоѣдъ безъ оленей? Остается одно только средство, но самое жалкое: раззоренный бѣднякъ приходитъ къ какому-нибудь Зырянину, который живетъ бариномъ и такъ богато, какъ не живутъ очень многіе изъ настоящихъ баръ. «Дай мнѣ хлѣба,» говоритъ ему Самоѣдъ, «а за то я буду твоимъ работникомъ.» Зырянинъ и въ этомъ случаѣ остается вѣрнымъ своей корыстолю-

бивой натурѣ: не смотря на бѣдственное положеніе Самоѣда, онъ найметъ его за ничтожнѣйшую плату, изъ которой вычитаетъ чуть не все за оленей, задранныхъ волкомъ; кормитъ несчастнаго работника своего падалью, однимъ словомъ, поступаетъ безсовѣстно, какъ Жидъ. Такимъ образомъ большое число обнищавшихъ Самоѣдовъ сдѣлалась кабальными работниками богатыхъ Зырянъ и Русскихъ: печальное явленіе, такъ часто встрѣчающееся во всѣхъ углахъ Архангельской губерніи и доказывающее, что здѣсь промышленность народная совершенно еще не развита. Несчастію Самоѣдскаго племени много еще способствовали особые бѣдственные случаи: лѣтомъ 1831, 1833 и 1847 годовъ свирѣпствовала въ тундрахъ *Сибирская язва* (*) которая въ эти годы истребила до 50 тысячъ оленей. Въ прежнее время Самоѣдъ слылъ богачемъ только тогда, когда у него было отъ 5-ти до 10-ти тысячъ оленей; а теперь богатымъ зовутъ того, у кого число

(*) Сибирская язва — ужасная, заразительная болѣзнь: она происходитъ отъ лѣтнихъ засухъ; на заболѣвшемъ животномъ появляются раны, производящія потомъ воспаленіе. Иногда Сибирская язва пристаетъ и къ людямъ. Эта зараза убиваетъ быстро, почти мгновенно.

оленей доходитъ до *одной* тысячи: судите-же, что называется теперь у Самоѣдовъ бѣдностью? У Зырянъ-же понятія объ этомъ противоположны; ибо у нихъ тотъ называется бѣднякомъ, кто, по числу оленей, слылъ-бы у Самоѣдовъ аристократомъ, достойнымъ уваженія и зависти.

Въ самомъ-дѣлѣ, что̀ Самоѣдъ съ какими-нибудь 15-ю или 20-ю оленями? Если оцѣнить это имущество, то выйдетъ 40 или 50 р. сер.; но Самоѣдъ уже не можетъ не только убить хоть одного изъ нихъ, но даже продать, потому что эти олени нужны ему какъ воздухъ; онъ бережетъ ихъ пуще глаза: онъ запрягаетъ всѣхъ въ сани съ его поклажею, и хорошо еще, если ихъ достанетъ для кочеванья. Не желая разстаться съ любимымъ образомъ жизни или не найдя мѣста работника, Самоѣдъ этотъ кое-какъ перебивается со дня на день, а зимою отправляется въ Архангельскъ. Поселившись гдѣ-нибудь на мхахъ, окружающихъ городъ, онъ ежедневно пріѣзжаетъ туда: охотниковъ покататься на оленяхъ возитъ онъ за дешевую цѣну (копѣйки по 2 сер. за версту) къ величайшему неудовольствію городскихъ извощиковъ. Пока Самоѣдъ извощичаетъ, жена его съ толпою

дѣтей ходитъ по улицамъ, прося милостыни. Не знаю, увозитъ-ли Самоѣдъ съ собою часть денегъ, вырученныхъ въ городѣ; по вѣрнѣе, что онъ уѣзжаетъ также на-легкѣ, какъ пріѣхалъ,—много, если онъ купитъ нѣсколько пудовъ муки. Впрочемъ, такихъ Самоѣдовъ-спекуляторовъ является въ городъ очень не много, и только изъ Тиманской и Канинской тундръ. Нынче и эту ничтожнѣйшую вѣтвь промышленности отнимаютъ у Самоѣдовъ Мезенскіе, Русскіе крестьяне, для которыхъ малицы и ѣзда на оленяхъ—вещи природныя, столько же какъ для коренныхъ Самоѣдовъ. Эти же крестьяне пріѣзжаютъ на оленяхъ въ Петербургъ и Москву, гдѣ, для большаго эффекта, выдаютъ себя за истинныхъ сыновъ тундры.

Однакожъ бѣдствія Самоѣдовъ сдѣлались наконецъ извѣстны правительству. Чтобъ прекратить зло и остановить его развитіе, надобно было ясно и положительно опредѣлить права̀ Самоѣдовъ и установить порядокъ въ управленіи внутреннемъ; это все было сдѣлано уставомъ 1835 года. Для любопытныхъ читателей раскажу содержаніе главныхъ статей этого устава. Въ государственномъ отношеніи Самоѣды причисляются къ крестьян-

скому сословію, но по причинѣ кочеваго образа жизни имѣютъ особыя права и управленіе. Они освобождены отъ рекрутскихъ наборовъ, и могутъ, если захотятъ, оставить кочевую жизнь и селиться въ деревняхъ и городахъ, разумѣется, приписавшись къ какому-либо обществу. Самоѣды обложены податью, или *ясакомъ;* этотъ ясакъ они могутъ вносить въ казну либо деньгами, либо звѣриными шкурами, которымъ на каждый годъ заранѣе опредѣляется начальствомъ цѣна. Образъ внутренняго управленія устроенъ на Азіятскій манеръ, сообразно съ древними обычаями Самоѣдовъ: каждая тундра управляется старостою и его помощникомъ, которыхъ выбираютъ на 3 года. Само собою разумѣется, чтобъ попасть въ Самоѣдскіе старосты, надобно быть природнымъ Самоѣдомъ, аристократомъ и человѣкомъ почтеннымъ; надобно, чтобъ староста пользовался довѣріемъ и уваженіемъ своихъ соплеменниковъ, потому что староста представляетъ собою отца, обязаннаго заботиться о благосостояніи своего огромнаго семейства и наказывать виновныхъ за мелкіе проступки. Сборъ ясака возложенъ на старостъ. За службу свою они не получаютъ жалованья; но если они съумѣ-

ютъ исправно собрать ясакъ, то правительство выдаетъ имъ, въ видѣ награды, по 2% со всей собранной суммы. Старосты подчинены надзору Земской Полиціи. Такъ какъ между Самоѣдами частенько случаются споры и ссоры, то для разбора ихъ и скорѣйшаго окончанія установлена Словесная Расправа, въ которой предсѣдательствуетъ староста. Чтобъ показать читателямъ, какого рода споры бываютъ между Самоѣдами и какими правилами руководствуется староста при разборѣ ихъ, — выписываю здѣсь эти правила, составленныя въ 1837 году:

I. О воровствѣ и кражѣ.

«1. Если кто изъ Самоѣдовъ, вытаскивая самовольно изъ существующихъ въ тундрахъ непринадлежащихъ ему лисьихъ и песцовыхъ норъ щенятъ, изломаетъ норы и оттого сіи животныя, оставляя норы, отбѣгаютъ въ другія дальнія мѣста, причиняя чрезъ то настоящимъ владѣльцамъ тѣхъ норъ потомственный убытокъ; то владѣлецъ сихъ норъ о виновномъ въ такомъ поступкѣ объявляетъ своему старостѣ, который заставляетъ винов-

наго, чтобъ онъ удовлетворилъ обиженнаго по взаимному между ними согласію.

«2. Ежели кто изъ Самоѣдовъ за отпущенное въ долгъ вино, или за другіе какіе-либо долги, самовольно захватитъ одного или нѣсколько оленей, или другое какое имущество, или что изъ промысла; то староста самовольно-отнятое возвращаетъ обиженному.

«3. Ежели у настоящаго владѣльца другой займетъ лисьи или песцовыя норы, либо заборъ въ рѣкѣ или озерѣ, а прежняго владѣльца къ тому не допуститъ; то староста, въ случаѣ жалобы, принуждаетъ виновнаго весь причиненный имъ убытокъ вознаградить обиженному.

«4. Ежели Самоѣдъ, встрѣтясь на дорогѣ съ другимъ, который ему долженъ, выпряжетъ изъ саней оленей и уведетъ, а должника оставитъ на пустомъ мѣстѣ, то сей послѣдній, дошедъ до старосты, объявляетъ о семъ хозяину; а староста призываетъ виновнаго и отбираетъ отъ него то, что имъ отнято, заставляя притомъ возвратить обиженному вмѣсто одного двухъ оленей.

«5. Если кто изъ поставленной въ тундрѣ чужой ловушки тайно вынетъ песца или другаго звѣря, и хозяинъ ловушки, узнавъ о ви-

новномъ, объявитъ старостѣ; то сей послѣднiй, по обличенiи виновнаго, принуждаетъ его удовлетворить обиженнаго вдвое.

«6. Если Самоѣдъ что украдетъ и въ томъ сознается или будетъ изобличенъ; то староста приказываетъ виновному удовлетворить обиженнаго вдвое.

«7. Поелику каждый Самоѣдъ имѣетъ обычай употреблять для себя собственное клеймо, въ видѣ именнаго или другаго знака, которымъ клеймитъ своихъ оленей, а къ договорамъ и другимъ бумагамъ прикладываетъ оное вмѣсто рукоприкладства; то тайно-приклеймившiй чужаго оленя, т. е. изъ чужаго клейма сдѣлавшiй на оленѣ свое, присуждается старостою отдать обиженному вдвое, т. е. вмѣсто одного — двухъ, вмѣсто 10-ти — 20 оленей.

«8. Ежели сойдутся олени разныхъ хозяевъ одно стадо съ другимъ, и хозяинъ, или заступающiй его мѣсто, перегонитъ изъ чужаго стада въ свое одного или нѣсколькихъ оленей; то староста принуждаетъ виновнаго возвратить обиженному вдвое.

II. Объ обидахъ.

«9. Если кто изъ Самоѣдовъ изобидитъ одинъ другаго словами; то въ сей обидѣ Самоѣды не просятъ удовлетворенія, и одинъ съ другимъ взаимно, по согласію, примиряются.

«10. Ежели кто изъ Самоѣдовъ причинитъ другому побои руками или какимъ орудіемъ; то староста, по жалобѣ обиженнаго, присуждаетъ виновнаго заплатить первому одного или нѣсколькихъ, не болѣе однакожъ трехъ, оленей, судя по состоянію виновнаго, либо удовлетворить обиженнаго на такую-же сумму, сообразно цѣнности оленей, другимъ имуществомъ.

«11. Ежели двое Самоѣдовъ промышляли вмѣстѣ, а одинъ другому не отдалъ половины промысла; то, по жалобѣ обиженнаго, староста присуждаетъ, чтобы удержавшій немедленно отдалъ первому все то, что имъ неправильно задержано.

«12. Если кто съ товарищемъ отправится промышлять на море и товарищъ изломаетъ у пригласившаго его лодку и повредитъ что-

либо другое, чрезъ что остановитъ промыселъ, то обиженный, по возвращеніи своемъ, объявляетъ о томъ старостѣ; а сей приказываетъ виновному заплатить обиженному убытокъ противъ того, на сколько другіе промышляли.

«13. Если кто раньше прибудетъ на общее промышленное мѣсто и опромышляетъ звѣрей на ономъ, а остальныхъ разгонитъ, другіе же чрезъ это лишатся промысла; то староста, по жалобѣ ихъ, приказываетъ добытый первымъ промыселъ раздѣлить на всѣхъ тѣхъ, кто подвергнулся чрезъ то убытку.

«14. Когда кто изъ Самоѣдовъ окормитъ оленьи мхи своимъ большимъ стадомъ при морскихъ берегахъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ многіе бѣдные Самоѣды производятъ промыселъ морскихъ звѣрей и кормятъ своихъ оленей въ маломъ числѣ; то, по жалобѣ обиженныхъ, староста запрещаетъ окармливать таковыя притомныя мѣста.

«15. Когда Русскіе хозяева оленьихъ стадъ, или богатые Самоѣды займутъ лучшія рѣки и сдѣлаютъ въ нихъ заборы, или завладѣютъ лучшими озерами для ловли рыбы, а бѣдныхъ Самоѣдовъ, которые прежде въ тѣхъ рѣкахъ и озерахъ производили промыселъ,

къ тому не допустятъ; то, по жалобѣ сихъ послѣднихъ, староста запрещаетъ какъ Русскимъ, такъ и богатымъ Самоѣдамъ занимать тѣ рѣки и озера, предоставя оныя бѣднымъ, которые изстари въ тѣхъ рѣкахъ и озерахъ промышляли.

III. О распряхъ семейственныхъ.

«16. Ежели сынъ отца не слушаетъ, а дѣлаетъ по своему нраву, и отецъ объявитъ о семъ старостѣ, при общественномъ собраніи, и станетъ просить того своего сына наказать; то по сей просьбѣ, виновный сынъ, согласно желанію родителя своего, наказывается розгами.

«17. Ежели братья, живя вмѣстѣ, будутъ ссориться и одинъ изъ нихъ объявитъ о томъ старостѣ, съ тѣмъ, чтобы ихъ раздѣлить; то староста принуждаетъ обоихъ тѣхъ братьевъ при общественномъ собраніи, безобидно раздѣлиться.

IV. О возвращеніи чужихъ вещей.

«18. Ежели кто изъ Самоѣдовъ возьметъ у

другаго, безъ согласія сего послѣдняго, топоръ, или ножъ, или долото, либо другое какое орудіе, употребляемое при дѣланіи саней и другихъ домашнихъ вещей, и изломаетъ; то, по жалобѣ хозяина сихъ вещей, староста приказываетъ виновному отдать хозяину сихъ вещей, на мѣсто поврежденныхъ, свои или вновь купленныя цѣлыя вещи.

«19. Ежели кто, потерявши оленя или оленью кожу, либо другую какую вещь, увидитъ оную послѣ у другаго и насильно возьметъ у него какъ свою собственность, то по дошедшей о томъ жалобѣ, староста оставляетъ оную во владѣніи того, кому она дѣйствительно принадлежитъ; а если тотъ, у кого вещь сія будетъ отобрана, нашелъ ее и о томъ сказалъ, тогда какъ она найдена кѣмъ-либо изъ принадлежащихъ къ семейству своему Самоѣдовъ, — въ такомъ случаѣ хозяинъ таковыхъ вещей обязанъ возвратить нашедшему ихъ третью часть того, чего онѣ стоятъ.

«20. Если кто издеретъ чумовые нюки, изломаетъ шесты и другія чумовыя вещи; то по жалобѣ обиженнаго, староста приказываетъ виновному немедленно заплатить или деньгами, или оленями, либо другими вещами вдвое противъ того, что положенное стоило.

V. Объ исполненіи Самоѣдами приказовъ старосты.

«21. Когда староста имѣетъ надобность потребовать отъ Самоѣдовъ оленей, то вырѣзываетъ на дощечкѣ клейма тѣхъ Самоѣдовъ, отъ коихъ олени требуются, означая противъ каждаго клейма рубежками число оленей и, по вырѣзаніи на той-же дощечкѣ своего клейма, посылаетъ оную для исполненія со своимъ десятскимъ, каковые приказы Самоѣдами безпрекословно исполняются.

«22. Ежели староста потребуетъ кого-либо изъ Самоѣдовъ для спроса, или другой надобности, а онъ не послушается и добровольно не пріѣдетъ; то староста посылаетъ за нимъ десятскаго и велитъ привезть его къ себѣ, и заплатить, что слѣдуетъ за подводу, на которой посланъ былъ десятскій.

VI. О свидѣтеляхъ, цѣлованіи образа и ротѣ.

«23. Самоѣдскіе старосты разбираютъ жа-

лобы Самоѣдовъ по разнымъ случаямъ, посредствомъ свидѣтелей.

«24. При семъ разборѣ старосты не приводятъ свидѣтелей крещенныхъ къ цѣлованію образа, а некрещенныхъ къ ротѣ; но вѣрятъ имъ, просто, по совѣсти.

«25. Если обвиняемый Самоѣдъ по недостатку уликъ запирается въ винѣ своей, то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его, буде онъ изъ воспріявшихъ Христіанскую вѣру, поцѣловать находящуюся въ чумѣ св. икону, съ тѣмъ, чтобъ перекрестился предъ нею и произнесъ, что онъ цѣлуетъ сію св. икону въ томъ, что возносимаго на него онъ не зналъ.

«26. Но если обвиняемый не принадлежитъ къ Христіанскому закону, и также запирается въ винѣ своей; то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его принять слѣдующую *роту:* обвиненный вырѣзываетъ идола зимою изъ снѣга, а лѣтомъ изъ земли, и разрубаетъ его пополамъ сверху до низу, съ произношеніемъ сихъ словъ: «пусть я самъ такъ буду разрѣзанъ, если сказалъ неправду, и пусть мнѣ не встать завтра по утру съ мѣста, а какъ спалъ, такъ бы мнѣ и вѣчно лежать.»

Изъ этого вы видите, въ чемъ состоитъ Словесная Расправа и что значитъ Самоѣдскій староста. Но если споры возникнутъ между Русскими и Самоѣдами, тогда Словесную Расправу составляетъ Мезенскій исправникъ. Но убійства и прочія уголовныя преступленія разбираются на основаніи общихъ законовъ Имперіи. Для пресѣченія вѣчныхъ раздоровъ съ Русскими о земляхъ, уставомъ 1835 г. опредѣлено, чтобы всѣ разсѣянные по тундрѣ осѣдлые жители, сколько ихъ считается по 8-й ревизіи, отдѣлили-бы себѣ по 60-ти десятинъ; все же остальное пространство должно навсегда принадлежать Самоѣдамъ, Эта мѣра, съ перваго взгляда кажется очень полезною: Зыряне и Самоѣды не пасли бы оленей вмѣстѣ, слѣд. не было бы соперничества и насилія; мохъ сохранялся бы постоянно, ибо Зыряне не смѣли бы тогда его вытаптывать и жечь для предохраненія оленей отъ оводовъ. — Но до сихъ поръ это размежеваніе не было еще сдѣлано; къ тому же, нѣкоторыя обстоятельства заставили правительство ближе и опредѣлительнѣе разсмотрѣть дѣла Самоѣдскія. Въ слѣдствіе этого, нѣкоторыя статьи устава найдены неудовлетворительными: предположено составить новый

Самоѣдскій уставъ. Между прочимъ, предполагается учредить особый Самоѣдскій капиталъ для покрытія расходовъ по управленію тундрою и для вспоможенія бѣднымъ Самоѣдамъ,—опредѣлить особаго чиновника для ближайшаго надзора за тундрами,—и отмѣнить раздѣленіе тундръ между Самоѣдами и Зырянами. Вотъ причины, по которымъ мѣстное начальство считаетъ ненужнымъ это раздѣленіе: въ настоящее время здѣшніе Зыряне въ отношеніи къ Самоѣдамъ совершенно измѣнились: учрежденіе Сельскихъ Расправъ прекратило ихъ своеволіе, и вмѣсто недавнихъ еще разбойническихъ поступковъ они оказываютъ теперь Самоѣдамъ самое великодушное вниманіе. Вотъ фактъ: въ прошлое лѣто у Тиманскихъ Самоѣдовъ Сибирская язва истребила до 30 тысячь оленей; множество Самоѣдовъ сдѣлалось нищими: Ижемцы призрѣли бѣднѣйшихъ, и сверхъ того подарили пострадавшимъ Самоѣдамъ 400 оленей, которыхъ цѣнность равняется 1,200 руб. сер. Это показалось-бы невѣроятнымъ, — но это дѣйствительно было. По этому для укрѣпленія добраго расположенія Зырянъ къ Самоѣдамъ весьма благоразумно оставить тундру безъ раздѣленія.—Кромѣ того раздѣленію тундры

препятствуетъ еще вотъ какое обстоятельство: олени въ лѣтнее время всегда идутъ на морскіе берега, а на зиму возвращаются въ тундру; если теперь осѣдлый житель тундры получитъ 60 десятинъ земли, то для оленеводства ему этого слишкомъ мало: олени не могутъ постоянно пастись въ глубинѣ тундры, они издохнутъ; этому осѣдлому жителю нужно не 60 десятинъ, а вся полоса отъ его дома до моря. Если-же 60 десятинъ получитъ хлѣбопашецъ (*), то ему это большое пространство ни къ чему не послужитъ, потому что на тундрѣ хлѣба не выраститъ.

Правила-же 1837 года предполагаются быть оставлены въ прежней силѣ.

(*) Хлѣбопашцевъ въ тундрѣ нѣтъ, только около устьевъ Печоры занимаются земледѣліемъ 1026 человѣкъ крестьянъ.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

Бурно катятся волны Ледовитаго океана и плещутъ въ берега трехъ частей свѣта. Вѣчно-движущіяся, вѣчно-тревожныя волны не знаютъ спокойствія, не знаютъ тишины: все шумятъ онѣ, все говорятъ о чемъ-то для насъ непонятномъ. Не любитъ океанъ людей, не хочетъ носить ихъ на себѣ; подружился онъ лишь съ двумя пріятелями, — первый другъ его — вѣтеръ, а второй—ледъ; нравится океану ледъ, и носитъ онъ его на волнахъ своихъ, качаетъ его, няньчитъ его какъ кормилица ребенка, а вѣтеръ поетъ пѣсни, безконечныя пѣсни, въ которыхъ расказываетъ страшныя исторіи о смерти, о мракѣ, о гибели людей. Любитъ океанъ просторъ и свободу, чтобъ было гдѣ разгуляться съ друзьями: кажется, мало ему холоднаго пояса, и все онъ рвется на землю, все силится смыть ее, разбить и политься дальше, дальше.... Но земля одѣлась гранитомъ и не пускаетъ вѣчнаго врага своего; давно борются эти враги, долго будутъ еще бороться, и долго еще будутъ шумѣть волны, то испуская радостные клики, когда

удастся имъ оторвать кусокъ земли, то зовя на помощь своихъ закадычныхъ пріятелей, когда отразитъ ихъ гранитная грудь врага. Крѣпись, земля! не уступай врагу!... Но ты устоишь, ты велика и сильна! Но вы, бѣдные островки, одинокіе, отчужденные отъ роднаго материка! — Жаль васъ! Погибли вы: со всѣхъ сторонъ обвилъ васъ злой непріятель, захватилъ васъ въ плѣнъ: боится онъ, чтобъ зимою, въ темную, полярную ночь не убѣжали вы — и вотъ онъ набрасываетъ льды, и сторожатъ они васъ; а лѣтомъ безъ пощады терзаетъ васъ, каждая проходящая волна, какъ суровый воинъ варварскихъ временъ, считаетъ долгомъ оторвать отъ васъ кусокъ вашего тѣла: и тѣшатся буйныя волны вашими страданіями, и хохочетъ вѣтеръ, задушевный пріятель ихъ.

Смотрите: вотъ огромный островъ, дерзко выдвигающійся далеко въ предѣлы океана и какъ будто, для большей устойчивости, опирающійся на сѣверо-восточный уголъ Европы. Онъ какъ будто не боится океана, какъ будто думаетъ, что океанъ самъ испугается его вида, потому что этотъ островъ имѣетъ форму чудовищной сабли. Увы! напрасная увѣренность! Не отступитъ отъ него океанъ, не оставитъ

его въ покоѣ: онъ успѣлъ уже разбить его по частямъ, онъ впился въ бока его и иззубрилъ лезвее его безчисленными заливами. Послѣдняя надежда — гранитныя ребра: положимъ, что не сокрушитъ ихъ ярость океана, но за то не будетъ жизни на этой землѣ. Это нищенская земля: она покрывается и будетъ покрываться лишь бѣлыми пеленами, одеждою мертвыхъ; но изъ тщеславія хочетъ сравниться съ землями благословенными — жалкая попытка! Вмѣсто роскошныхъ, сверкающихъ одеждъ она наряжается въ грубую ткань мховъ и дикой травы. Никогда не будетъ луговъ и пажитей на этой землѣ: человѣкъ никогда не поселится на ней и придетъ лишь для того, чтобъ бить моржей и медвѣдей — ея обитателей.

Эту печальную страну называютъ Новою Землею. До 16-го столѣтія она, какъ и весь сѣверъ Россіи, была совершенно неизвѣстна Европейскимъ мореходцамъ. Открытіе ея было совершенно случайно. Я раскажу исторію его и исчислю главнѣйшихъ мореходцевъ, посѣщавшихъ Новую Землю со времени открытія ея до настоящаго времени. Извѣстно, что во время Колумба страсть къ открытію новыхъ странъ была чрезвычайна у всѣхъ морскихъ народовъ Западной Европы. Успѣхъ

Колумба и чудные расказы о новыхъ странахъ породили сотни авантуристовъ, или искателей приключеній. Эта страсть была однакожъ очень полезна для мореплаванія и для географіи, потому что много было сдѣлано открытій. Такъ Васко-де-Гама въ 1478 году нашелъ путь въ Остъ-Индію, мимо мыса Доброй-Надежды. Португальцы и Испанцы получили огромныя выгоды отъ завоеванія Индіи. Голландцамъ и Англичанамъ стало завидно — и они вздумали найти новую дорогу въ Китай и Индію. Въ концѣ 15-го вѣка жилъ въ Лондонѣ Венеціанскій мореходецъ Кабо или Кабота, имѣвшій троихъ сыновей: Луи, Себастіана и Санха. Себастіанъ, еще мальчикъ, отличался необыкновенными успѣхами въ языкахъ и астрономіи. Увлекаясь славою Колумба и успѣхомъ его предпріятія, совершеннаго на удачу, Себастіанъ самъ мечталъ о такой славѣ. Вскорѣ отцу его дано было Генрихомъ VII позволеніе отправиться на сѣверо-западъ къ берегамъ Америки. Слѣдствіемъ этого путешествія было открытіе сѣвернаго материка Америки, Лэбрэдора и Нью-Фаундленда. Возвратясь изъ поѣздки, Себастіанъ увѣрялъ, что можно проникнуть въ Индію сѣверо-восточнымъ путемъ, мимо береговъ Европы. Немед-

ленно составилось общество купцовъ для отысканія этого пути. Руководимое Каботомъ, оно снарядило три корабля подъ главною командою кавалера Виллъуби, товарищами котораго были: капитанъ Чэнслеръ и мастеръ Дурфортъ. 20 Мая 1553 года искатели вышли изъ Ратклифа. Вскорѣ Виллъуби разлучился съ Ченслеромъ, котораго судьба и вѣтры занесли въ Двинскую губу Бѣлаго моря. Всѣмъ извѣстны слѣдствія этого: Чэнслеръ, вмѣсто Китая, попалъ въ Россію; Англія пришла въ восторгъ отъ этого нечаяннаго знакомства. Но Виллъуби, послѣ разлуки съ Чэнслеромъ плылъ на востокъ и встрѣтилъ землю, къ которой однакожъ не могъ пристать по причинѣ мелководія и льдовъ, случившихся на берегу. Эта страна была Новая Земля, слѣдственно Виллъуби первый изъ мореходцевъ видѣлъ ее. Отъ береговъ ея Виллъуби обратился назадъ къ Лапландіи, остался тамъ зимовать, но отъ холода и голода погибъ вмѣстѣ съ 70-ю своими спутниками. Виллъуби найденъ былъ сидѣвшимъ за своимъ журналомъ. Не смотря на знакомство съ Русью, Англичане не бросили своего намѣренія проникнуть въ Индію, и купеческія общества ихъ съ новымъ жаромъ принялись за исполненіе этого предпріятія. Въ

1556 году посланъ былъ небольшой корабль подъ начальствомъ Этьена Борроу, уже путешествовавшаго съ Чэнслеромъ. Борроу зашелъ сперва въ Колу, гдѣ были у него многіе знакомцы изъ Русскихъ Поморовъ, предложившіе ему свои услуги для плаванія на востокъ. Сопровождаемый нѣсколькими ладьями, Борроу 15 Іюля зашелъ въ Печорское устье; оттуда дошелъ до Вайгача, на которомъ видѣлъ около 300 Самоѣдскихъ идоловъ; наконецъ очутился въ виду Новой Земли, — но дальше Борроу не осмѣлился плыть, потому что устрашился огромной массы льдовъ и наступавшихъ темныхъ ночей (это было во второй половинѣ Августа). Русскіе совѣтовали ему итти дальше на востокъ, обѣщая что во время зимовки у р. Оби, онъ найдетъ обильный промыселъ моржей. Борроу раскazываетъ, что не видалъ на Новой Землѣ ни одного человѣка, но замѣтилъ множество птицъ, бѣлыхъ лисицъ (песцовъ) и такихъ же медвѣдей. На материкѣ видѣлъ Самоѣдовъ, которые, по словамъ его, были народомъ кроткимъ и жили смирно, тогда какъ сосѣднее племя ихъ у Оби отличалось свирѣпостью. Не успѣвъ подвинуть дѣла, Борроу возвратился въ Холмогоры, намѣреваясь продолжать его въ будущемъ году,

но получилъ отъ компаніи другое приказаніе.

Такимъ образомъ Новая Земля съ ея льдами охладила жаръ въ искателяхъ сѣверо-восточнаго пути въ Индію: неудача двухъ экспедицій заставила Англичанъ подумать о новыхъ экспедиціяхъ, только ужъ не къ Новой Землѣ, но къ сѣверной Америкѣ: естественно, что тамъ не могло быть успѣха. Нечего дѣлать, опять принялись за Новую Землю, и опять шлютъ къ ней корабли за кораблями, а она стоитъ себѣ на стражѣ Сибирскаго океана и не пускаетъ непрошенныхъ гостей.

Въ 1580 году Англійскіе купцы снова отправили два небольшія судна подъ начальствомъ Артура Пета и Чарлза Джакмана. Они дошли-было до Карскаго моря, но льды заставили ихъ возвратиться.

Въ 1608 году 21-го Апрѣля посланъ былъ извѣстный своими открытіями въ Америкѣ Генри Гудзонъ, за годъ до этого открывшій островъ Шпицбергенъ.* Гудзонъ плылъ вдоль

* Гудзонъ далъ ему имя Hold-with-hope; потомъ этотъ островъ попадался почти въ одно время то Голландцамъ, то Англичанамъ, и каждый мореходецъ крестилъ его особымъ именемъ. Голландцы Баренцъ и Гемскеркъ назвали его островомъ *Медвѣдя;* Англичанинъ Черри — своимъ именемъ; а прочіе — Гренландіею, считая его продолженіемъ Амери-

западнаго берега Новой Земли, но неизвѣстно далеко ли. Между прочимъ онъ находилъ климатъ Новой Земли пріятнымъ и не суровымъ. Онъ хотѣлъ-было обойти вокругъ всего острова, но встрѣтилъ льды, и спѣшилъ удалиться.

Опять Англійскіе купцы безплодно убили деньги на двѣ экспедиціи: что имъ было дѣлать? Разумѣется — обратиться къ Америкѣ, къ Гудзонову заливу. Обратились, — но узнали, что Гудзоновъ заливъ справедливо называется заливомъ, что нѣтъ изъ него выхода въ Китай и Индію. Казалось, что такія неудачи должны были отвратить отъ попытокъ найти кратчайшій путь въ Индію, — но нашлись еще люди, считавшіе его возможнымъ. Таковъ былъ Джонъ Вудъ, опытный морякъ; онъ предположилъ, что лучше прямо пуститься между Новою Землею и Шпицбергеномъ — и короче достигнуть Индіи. Въ 1676 году Вудъ отправился, вмѣстѣ съ Вилльямомъ Флосомъ (Flawes). 21-го Іюня онъ достигъ до 76° 30' с. ш., но встрѣтилъ льды, разрушившіе его предположенія. Онъ принужденъ былъ спу-

ки; кромѣ того звали его King's Jame's Newland. Русскіе и теперь зовутъ его *Грумантомъ;* нынѣ никто уже не ходитъ туда изъ Поморовъ, но прежде ходила одна или двѣ ладьи изъ Архангельска.

ститься къ Ю. В. и вскорѣ увидѣлъ Новую Землю. Но Вудъ потерялъ свой корабль во льдахъ, едва спасся на берегу съ экипажемъ и погибъ-бы тутъ, если-бъ къ счастію не подошелъ къ нему Флосъ, узнавшій о несчастіи товарищей своихъ по большому огню, разведенному на берегу. Вудъ описываетъ, что тогда Новая Земля вся была покрыта снѣгомъ; въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ его не было, простирались болота, покрытыя родомъ мха, съ синими и желтыми цвѣтами. Онъ нашелъ тамъ нѣсколькихъ оленей, isatis — маленькихъ животныхъ похожихъ на кроликовъ, но меньше крысы; почти въ четверти мили другъ отъ друга текли ручьи, образовавшіеся отъ таянія снѣговъ. Почти всѣ встрѣчавшіяся горы были шиферныя; около береговъ находился черный, прекрасный мраморъ съ бѣлыми жилками. Вудъ въ томъ-же году возвратился домой. — Съ тѣхъ поръ Англичане отказались отъ попытокъ проникнуть дальше Новой Земли.

Теперь взглянемъ на подвиги Голландскихъ мореходцевъ, хлопотавшихъ о томъ-же интересномъ пути въ Индію.

Въ 1593 г. Миддльбургскій купецъ Бальтазаръ Мушеронъ составилъ общество для этого предпріятія; по примѣру Миддльбурга

составились подобныя общества въ Энкгейзѣ и Амстердамѣ. Снаряжены были три корабля подъ командою Брандта-Исбрандса, Вильгельма Баренца фан-дер-Скеллинга и Корнелисъ-Корнелиссона-Ная; послѣднiй былъ адмираломъ этой экспедицiи, которая отправилась въ путь въ 1594 году. Най и Исбрандсъ дошли до Вайгача, проплыли Югорскiй-шаръ и, находясь въ Карскомъ морѣ, замѣтили, что берегъ материка идетъ къ Ю. В., — слѣдовательно, какъ думали они тогда, — прямехонько въ Китай. Считая, что дѣло въ шляпѣ, они съ восторгомъ отправились назадъ. Между тѣмъ Баренцъ успѣлъ въ это время сдѣлать болѣе пользы для географiи, нежели его товарищи. Онъ осмотрѣлъ большую часть западнаго берега Новой Земли. Приставъ къ м. *Лангенесу* на С. З. отъ Маточкина-шара, онъ поплылъ далѣе на сѣверъ, встрѣтилъ островъ, назвалъ его островомъ Адмиралтейства (имя это сохранилось донынѣ); далѣе, подъ 75° и 55' нашелъ остр. Вильгельма, съ моржами и плавникомъ; далѣе островъ Крестовый, названный такъ потому, что на немъ стояли два деревянные креста, поставленные вѣроятно Русскими Поморами. Плывя все впередъ, Баренцъ увидѣлъ мысъ Пассавскiй подъ 77° 30' потомъ

достигъ онъ до м. Troosthoek (Утѣшенія) и Yshoek (Ледянаго) и, дойдя до острововъ, т. е. до самой сѣверной оконечности Новой Земли, возвратился тѣмъ же путемъ назадъ, къ югу отъ Маточкина-шара. Тутъ встрѣтилъ онъ Ная, возвращавшагося домой съ радостною вѣстью. Разумѣется, Баренцъ повѣрилъ Наю на-слово, поздравилъ его и отправился въ Голландію.

Очарованные извѣстіемъ Ная, Голландцы въ слѣдующемъ же 1595 году отправили сюда 7 кораблей, нагруженныхъ товарами,—но льды жестоко подшутили надъ мореходцами и прогнали ихъ, а бѣлые медвѣди, дѣйствуя за-одно со льдами, скушали двухъ матросовъ на одномъ островѣ близъ Вайгача.

Нидерландскіе Генеральные Штаты рѣшились не давать ни гроша на подобныя предпріятія; но Амстердамскіе купцы не унывали: въ 1596 г. они снарядили на свой счетъ два корабля, подъ начальствомъ Якова Фан-Гемскерка и Яна Корнелиса Рипа, который былъ сверхъ того главнымъ каргадоромъ или прикащикомъ при товарахъ, нагруженныхъ на корабли. Распоряженіе надъ экспедиціею было ввѣрено В. Баренцу. Въ Августѣ Баренцъ съ Гемскеркомъ обогнули сѣверную

оконечность Новой Земли, т. е. мысъ Желанія, за которымъ увидѣли ясно восточный берегъ, склонявшійся къ югу. Въ то время окружили ихъ массы льда; корабль былъ въ опасности и бѣдные мореходцы принуждены были зимовать на негостепріимной землѣ, въ самомъ глубокомъ сѣверѣ, въ 14° отъ полюса! Въ Октябрѣ мѣсяцѣ кое-какъ сколотили они избушку изъ плавника, собраннаго на берегу: но не могли вбить бревенъ въ замерзшую землю; пробовали-было размягчить ее огнемъ, но и это не помогло. Для бóльшей теплоты и твердости окружили ее снѣгомъ. Морозы были ужасны: даже крѣпкое Данцигское пиво замерзало въ ихъ избѣ. Страдая отъ холода, они принуждены были безпрестанно обороняться отъ медвѣдей. 3-го Ноября солнце скрылось за горизонтомъ; вмѣстѣ съ нимъ скрылись и медвѣди и возвратились опять съ окончаніемъ полярной ночи. На мѣсто медвѣдей явились лисицы. 7-го Декабря бѣдные странники едва было не задохлись отъ смрада и дыма подземнаго волкана. Холодъ достигъ тогда до ужасающей степени. 24 Января кончилась ночь, и въ первый разъ съ 3-го Ноября показалось солнце; оно однакожъ не показывалось все, а съ полмѣсяца свѣтило въ видѣ

сумерекъ. У нашихъ странниковъ не достало дровъ, и они принуждены были съ необыкновеннымъ трудомъ добывать плавникъ, замерзшій во льду, покрытый снѣгомъ. Въ Январѣ море очистилось-было отъ льда, но 14-го Февраля сѣверо-восточные вѣтры снова нанесли массы льда, къ ужасу и отчаянію несчастныхъ моряковъ. До 14 Іюня не могли они отправиться; но въ это время море совершенно очистилось и мореходцы спѣшили сѣсть на корабль. Баренцъ былъ боленъ и чрезъ 6 дней умеръ, — судьба, достойная сожалѣнія. Послѣ ужасныхъ хлопотъ Гемскерку удалось прежнею дорогою добраться до южнаго конца Новой Земли. Тутъ, къ счастію своему, встрѣтились ему знакомые Русскіе промышленники и великодушно помогли ему своими указаніями. Съ помощію ихъ добрался Гемскеркъ до Колы, гдѣ былъ тогда Рипъ, съ которымъ онъ и отравился въ Голландію.

Вскорѣ послѣ того Остъ-Индское торговое общество Голландскихъ купцовъ, нанявъ Англичанина Гудзона, отправило его на яхтѣ къ Новой Землѣ, въ 1609 году. Но Гудзонъ, какъ и въ первый разъ, возвратился безъ всякаго успѣха.

Кромѣ этихъ извѣстныхъ экспедицій, дошли до насъ неполныя впрочемъ свѣдѣнія о

томъ, что многія торговыя общества Голландіи высылали корабли къ Новой Землѣ, но неизвѣстно когда именно. Знаемъ только, что нѣкоторые изъ этихъ кораблей доходили до 80° с. ш. и проходили на 30° къ востоку отъ Новой Земли. — Въ 17–мъ столѣтіи кончились эти попытки и до сихъ поръ никто еще не прошелъ вдоль Ледовитаго океана. Кстати замѣтить здѣсь, что Голландцы, не успѣвъ открыть прохода съ запада на востокъ, бросились отыскивать его съ востока на западъ изъ Великаго океана. Слѣдствіемъ этого былъ рядъ открытій, о которыхъ не мѣсто здѣсь расказывать.

Результатомъ всѣхъ этихъ путешествій къ Новой Землѣ было дѣло очень неблестящее: мореходцы Голландіи и Англіи занялись мирнымъ промысломъ моржей, китовъ и рыбы на берегахъ Новой Земли, Шпицбергена и Гренландіи.

Теперь разсмотримъ, какъ познакомились мы Русскіе съ Новою Землею.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Русскіе нѣсколькими вѣками раньше Европейцевъ знали и посѣщали Новую Землю. Но это были простые промышленники, не имѣвшіе шканечныхъ журналовъ, не описывавшіе своихъ пу-

тешествій и наблюденій, которыя если и дѣлали, то для себя. По нѣкоторымъ отрывочнымъ и довольно темнымъ намекамъ, сохранившимся въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ, можно, пожалуй, заключать, что Новгородцы еще въ 11-мъ вѣкѣ знали, или по крайней мѣрѣ видѣли, Новую Землю, потому что въ лѣтописи говорится о воеводѣ Улебѣ, который въ 1032 году ходилъ на Югровъ къ *Желѣзнымъ воротамъ*, — разумѣется, если принять, что эти *Желѣзныя вороты* — нынѣшнія *Карскія*. Конечно, при этомъ предположеніи можно, пожалуй, подкрѣпиться и самымъ именемъ — *Новая Земля*, даннымъ ей по одному примѣру съ другими странами Новгородскими: Печорская *Земля*, Двинская *Земля* и пр. Но подобныя предположенія и догадки не повели бы ни къ чему. Важнѣе было бы опредѣлить начало развитія промысловъ нашихъ Поморовъ на Новой Землѣ и состояніе ихъ отъ начала до нынѣшняго времени. Но для такого опредѣленія нѣтъ матеріаловъ. Вообще же можно сказать, что промыслы въ океанѣ были ничтожны, хотя въ числѣ товаровъ, шедшихъ въ 16-мъ вѣкѣ изъ нынѣшней Архангельской губерніи за границу или внутрь, значатся бѣлые медвѣди и «рыбьи зубы,» т. е. моржовые клы-

ки, изъ которыхъ приготовляли, между прочимъ, порошокъ, считавшійся лекарствомъ отъ отравы. — Какъ бы то ни было, но наши Поморы раньше знали Новую Землю, нежели Борроу: они не путешествовали, а ѣздили, или, по ихъ выраженію, «бѣгали» по Сѣверному океану и даже знали путь въ Сибирь, съ которою въ 16-мъ вѣкѣ производили торговлю по океану и рѣкамъ, соединяющимъ Карское море съ Обскою губою.

Но ученыя путешествія Русскихъ моряковъ въ Сѣверный океанъ начались въ половинѣ прошлаго столѣтія. Сперва описанъ былъ, въ 1736 и 1737 годахъ, берегъ отъ Печоры на востокъ до устья Оби, Скуратовымъ и Малыгинымъ. Въ 1768 и 69 году штурманъ Розмысловъ былъ первый изъ Русскихъ, описывавшихъ Новую Землю. Онъ обозрѣлъ Маточкинъ-шаръ и описалъ часть восточнаго берега земли къ сѣверу отъ Шара. Въ 1807 году штурманъ Поспѣловъ и въ 1819-мъ лейтенантъ Лазаревъ описали юго-западную часть Новой Земли.

Въ 1821, 22, 23 и 24-мъ годахъ, Капитанъ (нынѣ Генералъ-Лейтенантъ) Ѳ. П. Литке, четыре раза посѣщавшій Новую Землю на бригѣ того же имени, совершилъ подробную

опись всего западнаго берега ея. Послѣ этого оставался неизвѣстнымъ одинъ восточный берегъ.

Описаніе его сдѣлано подпоручикомъ Пахтусовымъ. Это былъ превосходный морякъ, обладавшій предпріимчивымъ духомъ, опытностью и особенною способностью къ плаванію въ полярныхъ моряхъ. Сперва онъ знакомился съ Сѣвернымъ океаномъ во время описи морскихъ береговъ Мезенской тундры въ 1821—24 годахъ. Въ то время онъ мимоѣздомъ видѣлъ Новую Землю, и это произвело въ немъ самое пламенное желаніе побывать на ней, объѣхать ее кругомъ, и особенно, описать восточные, дотолѣ еще неизвѣстные берега ея. Случай къ этому вскорѣ представился. Въ 1832 году составилась компанія гг. Клокова и Брандта, имѣвшая цѣлью возобновить старинные пути въ сѣверную Сибирь изъ Архангельска, одинъ сухопутный, а другой моремъ. Этотъ морской путь, по плану, долженъ былъ проходить чрезъ Маточкинъ-шаръ и оттуда къ Енисею; естественно, что необходимо было обозрѣть Новую Землю и восточный берегъ ея. Компанія поручила этотъ трудъ Пахтусову, который съ восторгомъ отправился въ путь давно-желанный. Путешествіе его про-

должалось съ августа 1832 до Ноября 1833 года. Въ это время онъ успѣлъ описать восточный берегъ южной части Земли до Маточкина-шара. Зиму онъ провелъ съ 9-ю человѣками своего экипажа совершенно такъ же, какъ нѣкогда Варенцъ съ Гемскеркомъ. Главное несчастіе всѣхъ зимующихъ въ полярныхъ странахъ составляетъ болѣзнь цынга, происходящая отъ недѣятельности. Не смотря на всѣ старанія Пахтусова поддерживать и возбуждать бодрость духа въ своихъ товарищахъ, онъ потерялъ троихъ, сдѣлавшихся жертвами цынги. Второе путешествіе на Новую Землю Пахтусовъ совершалъ по порученію Правительства для продолженія осмотра восточнаго берега. Онъ отправился въ 1834 году къ Маточкину-шару съ спутникомъ своимъ, Циволькою. Слѣдствіемъ этой поѣздки было описаніе восточнаго берега сѣверной части Земли до 75° с. ш., а остальное потомъ пространство положено на карту по соображеніямъ и расказамъ бывавшихъ тамъ кормщиковъ. Пахтусовъ хотѣлъ-было объѣхать всю Новую Землю и пустился на карбасѣ вдоль западнаго берега, проплылъ большую часть его,—но едва не погибъ со всѣмъ экипажемъ: карбасъ его затерло льдами. Несчастные едва спаслись на

островѣ. Но тутъ грозила имъ голодная смерть. Къ счастію проходила мимо ладья: кормщикъ, еще не начинавшій промысла, взялъ Пахтусова и доставилъ на мѣсто зимовья, но за то съ пустыми руками долженъ былъ возвратиться домой. Этого кормщика звали—Ереминъ. Онъ былъ Сумскій крестьянинъ, типъ здѣшнихъ Поморовъ, и въ послѣдствіи сопровождалъ Академика г. Бера на Новую Землю.

Гидрографическія свѣдѣнія о Новой Землѣ стали полными и обширными,—но мало еще былъ извѣстенъ этотъ островъ въ отношеніи естественныхъ произведеній и состава почвы. Для описанія этого, Академія въ 1837 году отправила экспедицію подъ начальствомъ г. Бера; командиромъ судна былъ Циволька, сподвижникъ Пахтусова.

Послѣ этого не было уже новыхъ путешествій, предпринятыхъ съ ученою цѣлію.

Новая Земля лежитъ между 70° 23' и 76° 48' сѣверной широты и между 50° 18' и 75° 30' восточной долготы. Длина всей страны съ юга на сѣверъ около 1300 верстъ. Новая Земля состоитъ собственно изъ двухъ огромныхъ острововъ, раздѣляемыхъ Маточкинымъ-шаромъ.* Сѣверный островъ гораздо больше юж-

* *Шаръ*—большой проливъ,

наго. Между Новою Землею и материкомъ Европы лежитъ небольшой островъ Вайгачь, отдѣляющiйся отъ первой Карскими-воротами, а отъ послѣдней Югорскимъ-шаромъ. Южный островъ Новой Земли низменный, кое-гдѣ покрытый каменными холмами; но на сѣверномъ островѣ, отъ Маточкина-шара, начинаются высокiе горные кряжи, которыхъ пики возвышаются надъ уровнемъ океана на 1000, и даже на 4000 футовъ. Вершины, а также и ущелья этихъ горъ, покрыты блестящими снѣгами, не стаивающими и лѣтомъ. Такъ какъ всѣ Новоземельскiя горы состоятъ изъ темнокраснаго аспида, то бѣлизна снѣговъ придаетъ горамъ черный цвѣтъ. Въ пасмурную погоду вершины горъ исчезаютъ въ туманахъ.

Внутренность грунта Новой Земли еще не изслѣдована въ подробности, но должно думать, что она богата минералами. Теперь еще сохраняется преданiе, что здѣсь добывалось Новгородцами серебро, и что отъ этого произошло названiе губы Серебрянки, находящейся у западнаго устья Маточкина-шара. Думаютъ также, что на юго-западномъ концѣ Новой Земли добывалось нѣкогда золото.

Новая Земля не можетъ быть постоянно обитаема людьми, по крайней мѣрѣ Европейцами.

Надобно быть Эскимосомъ, чтобъ жить на Новой Землѣ, не производящей злаковъ, и переносить суровость ея климата. Коротенькое лѣто мелькнетъ лишь на минуту, чтобъ уступить мѣсто зимѣ съ ея холодомъ и снѣжными бурями. Лѣсовъ на Новой Землѣ вовсе нѣтъ, а есть крошечныя деревца, ростомъ съ человѣка, толщиною не больше дюйма; однакожъ, кромѣ этихъ деревьевъ-карликовъ, здѣсь растутъ кустарники, осока, щавель, кохлеари, мохъ и кое-какіе болотные цвѣты, но растутъ мѣстами, притаившись за скалами. Всѣ эти растенія и деревца какъ-будто сдавлены невидимою силою, не позволяющею имъ подниматься вверхъ: холодный слой воздуха слишкомъ близокъ къ поверхности почвы, которая сама не имѣетъ внутренней теплоты и силы. Иногда бѣдная растительность Новой Земли подвергается гибели даже лѣтомъ — выпадетъ снѣгъ и погубитъ все. Академикъ, г-нъ Беръ, посѣщавшій Новую Землю, развелъ тамъ для опыта огородъ, около Маточкина-шара. Въ слѣдующемъ году (въ Іюлѣ 1838) членъ новой экспедиціи, отправленной сюда, прапорщикъ Моисѣевъ, видѣлъ этотъ огородъ, но въ самомъ жалкомъ состояніи; «не было,—говоритъ онъ,—ни малѣйшихъ признаковъ всхода посаженныхъ ко-

реньевъ, хрѣнъ завялый, полусгнившій, валялся на поверхности грядъ, которыя свидѣтельствовали о трудѣ, употребленномъ на ихъ устройство.» Чтобъ лучше познакомить читателей съ удобствами и удовольствіями жизни на Новой Землѣ, привожу отрывки изъ дневника г-на Моисѣева, проведшаго здѣсь зиму. *

Онъ вышелъ на шкунѣ «Шпицбергенъ» изъ Архангельска 27-го Іюня 1838 года и 17-го Іюля увидѣлъ Новую Землю, находясь на высотѣ Маточкина-шара. Тутъ встрѣтилъ онъ сплошные льды, или *поляны*, но, пробравшись чрезъ щели ихъ, очутился между «расплавными» льдинами, между которыми плавали тюлени, зайцы и киты.

«24-го Іюля» — пишетъ г-нъ Моисѣевъ — «вошли мы въ заливъ Мелкій и стали на якорь близъ ладьи Гвоздарева. * Я поѣхалъ осмотрѣть берегъ и выбрать мѣсто для избы и зимовья судовъ нашихъ. Въ полуверстѣ отъ устья на берегу рѣчки, впадающей въ заливъ, на-

* Экспедиція эта была снаряжена Правительствомъ, для описи сѣверовосточнаго и особенно западнаго береговъ Новой Земли. Она состояла изъ 2-хъ небольшихъ шкунъ, подъ главнымъ начальствомъ прапорщика Цивольки, который потомъ умеръ на Новой Землѣ.

* Эта ладья сопровождала экспедицію въ качествѣ транспорта, везя срубъ избы для зимовья и запасъ провизіи.

шли мы три избы, хотя уже ветхія, но построенныя не изъ *плавника,* * а изъ привознаго лѣса съ кирпичными печами. Близъ избъ двѣ могилы: на одной крестъ 7226 года (т. е. 1718), на другой гораздо новѣе, 1800 года. Мѣсто около рѣки было низменное, песчаное, покрытое озерками, въ которыхъ плавало множество гусей, прилетающихъ линять. Однако-жъ видѣнные нами имѣли уже новыя перья на крыльяхъ, съ помощію которыхъ бѣгали такъ быстро, что мы съ трудомъ поймали одного. Мѣсто для избы было выбрано на южномъ берегу залива, въ 3-хъ верстахъ отъ рѣки.—На другой день начали перевозить лѣсъ съ лодьи и приготовлять камни подъ основаніе избы. Въ три дня успѣли поставить срубъ и накрыть потолокъ. На другой день поставлена вторая малая изба и походная парусинная баня. Вечеромъ погода была прекрасная: охотники поѣхали со мною къ мысу Лаврова за дичью. Выѣхавъ за мысъ, увидѣли мы ясное полуночное солнце, утонувшее подъ горизонтъ на $^2/_3$ діаметра.

«За версту отъ *базара* ** оглушилъ насъ проп-

* *Плавникъ*—деревья, принесенныя къ берегамъ морскими теченіями изъ отдаленныхъ мѣстъ.

** *Базаръ*—мѣсто, гдѣ жируютъ дикія птицы.

зительный крикъ птицъ, поселившихся на отвѣсномъ утесѣ, высотою болѣе ста футъ и протянутомъ по берегу болѣе версты. Все это пространство было облѣплено гагарами и чайками-щеголихами. Первыя не имѣютъ гнѣздъ, кладутъ яйца и выводятъ дѣтей по уступамъ утеса, на голомъ камнѣ; послѣднія вьютъ гнѣзда изъ грязи, наполняютъ ихъ мхомъ и соромъ и помѣщаются попарно. Мы начали стрѣлять и въ сидящихъ, и въ летающихъ птицъ. Сметливый охотникъ получалъ по 10 птицъ за выстрѣлъ. Меньше нежели въ часъ добыли мы 64 гагары.

«8-го Августа обѣ избы съ полами и печами были совершенно готовы. Между дѣломъ я изслѣдовалъ почву около избы. Глинисто-песчаная почва протаяла на 22 дюйма, а черноземная до 34-хъ; въ мѣстахъ, обращенныхъ къ югу, покрытыхъ болотными цвѣтами, встрѣчали мы кору льда на 32 и 42-хъ дюймахъ. Вскорѣ потомъ изъ старыхъ избъ построена была баня, вплоть къ нашей избѣ. — По временамъ охотники ѣздили за гагарками. На этомъ промыслѣ уже не теряли мы пороха, а просто снимали гагарокъ съ уступовъ утеса петлями, прикрѣпленными на длинный прутъ. Гагарки такъ глупо-смѣлы, что, видя прибли-

жающуюся опасность, не летятъ съ мѣста; часа въ два охотники наловили 150 штукъ. Этотъ запасъ зарыли мы въ забои снѣга, у утеса, близъ избы. Заготовленіе дровъ и прѣсной воды занимало часть нашей команды.

«Размѣщеніе въ нашемъ жилищѣ, въ сравненіи съ зимовкою предшествующихъ экспедицій, можно назвать привольнымъ. Большая изба наша изъ здоровыхъ, сухихъ бревенъ имѣла длиною 5, шириною 3½ сажени. Довольно-крутая крыша, потолокъ и полъ изъ сухихъ досокъ. По срединѣ южной стѣны большая русская печь съ трубою; около стѣнъ широкая скамья, или нары. Малая изба стояла отъ большой въ трехъ саженяхъ, квадратная въ 2½ саж. Привезенныя изъ Архангельска 15 собакъ укрывались отъ вьюги въ сѣняхъ, устроенныхъ между избами изъ бочекъ и рангоута шкунъ. Четыре собаки привязывались къ угламъ жилища, чтобы лаемъ своимъ извѣщали насъ о приближеніи звѣрей. Стѣны избъ были выконопачены кругомъ; внѣ были сдѣланы песчаные завалы, комнаты выбѣлены.»

Въ Сентябрѣ, когда погода стала дурна, ночи темны и холодны, — экспедиція переселилась въ избы на зимовье.

«По временамъ занимала насъ охота за птицами, медвѣдями и оленями; однако послѣднихъ никакъ не могли мы промыслить. Собаки наши не допускали ихъ близко къ зимовью, а осторожность оленей и ихъ быстрота дѣлали напрасными погони наши за ними. Въ началѣ Октября, когда рѣки покрылись льдомъ, выпалъ снѣгъ, и стало носить много льду у береговъ, — улетѣли гагарки и чайки-щеголихи со своего базара. Остались только чайки-клуши и утки-алейки, но и тѣ вскорѣ скрылись, когда не стало въ заливѣ *полыхъ** мѣстъ. Тюлени и моржи тоже ушли на расплавномъ льду. Однажды набѣжало въ заливъ такое множество бѣлугъ, что стада ихъ можно было почесть носящимися льдинами. Промыслить ихъ мы не могли за неимѣніемъ неводовъ. Медвѣди остались на всю зиму постоянными, но не всегда пріятными гостями нашими. Они ломали песцовыя *кулёмки*,** и прогулки наши дѣлали опасными. Очень часто подходили они къ нашей избѣ, и хотя собаки очень исправно извѣщали насъ объ этомъ, однако мы сочли за нужное устроить въ отдаленіи отъ сѣней

* *Полый* — не покрытый льдомъ. Вообще здѣсь полый значитъ открытый: — *полое* окно, *полая* дверь и т. д.

** Ловушки.

сторожевую бочку, наполнили ее саломъ и провели веревку къ колокольчику въ сѣни. Это давало медвѣдю занятіе, не допуская его до избы, пока мы выскочимъ съ ружьями. Замѣчательно, что собаки наши вовсе не боялись медвѣдя, и никогда не могъ онъ поймать даже привязанной собаки.

Съ Ноября дневной свѣтъ не освѣщалъ уже нашей комнаты, и съ этого времени держали мы безпрерывный огонь. На дворѣ, около полудня, съ трудомъ можно было читать книгу, а съ половины Ноября днемъ было такъ же темно, какъ и ночью, не говоря уже о лунныхъ ночахъ, которыя были свѣтлѣе дня даже, освѣщаемаго сѣвернымъ сіяніемъ.

«21-го Ноября случилась первая жестокая мятель, завалившая дверь сѣней снѣгомъ на полторы сажени. Мы очистили выходъ, а стѣны и окна избы оставили покрытыми снѣгомъ.

«Въ Декабрѣ мѣсяцѣ у четверыхъ матросовъ оказались признаки скорбута, однакожъ больные поправились, только нѣкоторые страдали простудою.

«Праздникъ Рождества Христова и день Новаго года провели мы въ обычныхъ увеселеніяхъ, которыя впрочемъ весьма часто повто-

рялись и въ будни, для развлеченія и занятія нашихъ товарищей, когда состояніе погоды не позволяло прогуливаться.

«15-го Января, въ полдень, отъ зари было на дворѣ довольно свѣтло; мы очистили окна отъ снѣга и съ полчаса сумерничали въ избѣ безъ огня.

«26-го Января солнечные лучи освѣтили вершины горъ сѣвернаго берега губы, а 1-го Февраля, предъ полуднемъ, увидѣли выходящее изъ-за южныхъ горъ солнце. Благотворный свѣтъ его оживилъ насъ. Съ этого времени прогулки наши сдѣлались пріятнѣе, — но вмѣстѣ съ тѣмъ стали опять усиливаться признаки скорбута. Одинъ изъ больныхъ умеръ.*

«Въ половинѣ Марта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали показываться на черной землѣ проталины снѣга, а чрезъ мѣсяцъ мягкія мѣста черной тундры оттаяли дюйма на два въ глубину. На южныхъ скатахъ появились свѣжія кудри мха и онъ начиналъ уже цвѣсти. Медвѣди, по вскрытіи полыньи въ устьѣ залива перестали являться къ нашей избѣ; поэтому прогулки наши стали пріятнѣе и безопаснѣе.

* Экспедиція во время этой зимовки потеряла отъ скорбута 9 человѣкъ. Въ числѣ умершихъ былъ и начальникъ ея — Циволька. Причиною болѣзни считають сырость избъ.

Въ продолженіе зимы убили мы 8 медвѣдей, 25 морскихъ зайцевъ и нерпъ, поймали 52 песца и птицъ до 3-хъ тысячъ штукъ. Медвѣжье мясо служило пищею собакамъ нашимъ; песцовъ и тюленей онѣ не ѣли.

«Въ началѣ Мая озерки, промерзшія до дна, стали оттаивать и появились снѣжные ручейки.

«24-го Мая увидѣли первыхъ двухъ гусей, летѣвшихъ отъ юга, и одну гагару. Вскорѣ появились ихъ цѣлыя стада; однако, по чрезвычайной осторожности гусей, не могли мы ихъ промыслить. Съ этого времени быстро стала развиваться весна: съ горъ лились ручьи, земля оголялась; въ дождливые дни стаивало снѣгу на ровныхъ мѣстахъ до полуфута, въ сугробахъ дюйма на три, а когда дождя не было, то снѣгу убывало въ сугробахъ только на $1^1/_2$ дюйма. — Свѣжіе вѣтры стали ломать ледъ въ губѣ.

«1-го Іюня въ полдень термометръ показывалъ на солнцѣ 29^0 тепла, а въ тѣни 6^0. Черезъ день нашли первый свѣжій щавель; листья его были полдюйма длиною. Не смотря на то, что снѣгъ лежалъ еще въ долинахъ, мѣста, обращенныя къ югу, особенно скаты горъ, покрывались уже цвѣтами.

«Въ продолженіе 10-ти дней рыли мы въ землѣ могилу для умершихъ нашихъ товарищей, лежавшихъ по сю пору въ сугробѣ снѣга. Работа эта была очень медленна и трудна; при всемъ стараніи не могли мы вырыть ямы глубже 3-хъ футъ: такъ тверда была мерзлая глина. Раскладываемый на ней огонь пособлялъ мало. Кончивъ эту работу, переложили мы тѣла усопшихъ въ землю, помолились объ нихъ и зарыли. Крестъ укажетъ мѣсто ихъ покоя и ихъ имена.»

Послѣ того, г. Моисѣевъ, совершивъ опись близъ-находящихся береговъ, сколько было возможно,—приготовился къ обратному пути въ Архангельскъ.

«4-го Августа шкуна наша была готова къ походу. Мы простились съ жилищемъ нашимъ. Оставили въ избѣ, по общему обычаю Поморовъ, образъ, нѣсколько сухарей, муки, бульону, соленой трески, огниво, сѣры и на двѣ топки дровъ,—на случай пристанища какого-либо бѣдствующаго странника. Простились и съ могилою товарищей нашихъ, и къ вечеру снялись съ якоря.»

8-го Сентября шкуна бросила якорь въ Архангельскомъ портѣ, послѣ 450-ти дневнаго вояжа.

Вотъ каково гостепріимство Новой Земли. Она требуетъ жертвъ за то, что позволитъ провести на ней зиму. Каждая экспедиція теряла многихъ во время зимовки, а между тѣмъ всѣ онѣ имѣли съ собою медицинскія пособія, Что же должно думать о простыхъ промышленникахъ, которымъ случалось зимовать здѣсь? Множество могилъ доказываютъ, что климатъ Новой Земли еще не покорился человѣку. Были случаи, что Поморы цѣлыми десятками погибали здѣсь. Такъ напримѣръ въ 1837 г. умерли отъ скорбута 23 человѣка промышленниковъ. Остался только одинъ и отважно пустился домой по Океану на маленькомъ карбасѣ; судьба сохранила его, и онъ чрезъ 10 дней былъ дома. Въ слѣдствіе этого, промышленники очень рѣдко зимуютъ на Новой Землѣ, хотя зимніе промыслы могли-бы приносить большія выгоды. Поморы пристаютъ сюда только на лѣто, занимаясь ловлею моржей, бѣлыхъ медвѣдей, иногда бѣлугъ и нерпъ. Птицъ стрѣляютъ только мимоходомъ такъ же, какъ и собираютъ гагачій пухъ, карабкаясь на скалы.

Бѣлые медвѣди называются здѣсь *ошкуями*. Лѣтомъ ошкуи плаваютъ на прибрежныхъ льдинахъ, гоняясь за моржами и нерпами, или

плаваютъ въ водѣ, хватая рыбу. Иногда выходятъ они на берегъ отдохнуть и полежать. На зиму ошкуи заваливаются въ снѣгъ и *живутъ голодомъ* до Марта мѣсяца. Бѣлый медвѣдь силенъ, но непроворенъ.

Самый интереснѣйшій изъ новоземельскихъ звѣрей есть моржъ. Моржъ—тотъ-же тюлень, только огромныхъ размѣровъ. Длиною моржи бываютъ больше двухъ саженъ; толщина соотвѣтствуетъ длинѣ. Голова моржа небольшая, съ короткими ушами и круглыми, блестящими глазами. Челюсти усажены большими и крѣпкими зубами; по сторонамъ верхней челюсти выходятъ *тинки*, т. е. клыки. У большаго моржа пара клыковъ вѣситъ 1 пудъ, а у маленькихъ моржей каждый клыкъ вѣсомъ не больше 5-ти и 8-ми фунтовъ. Моржъ плаваетъ помощію четырехъ короткихъ лапъ или ластовъ, пальцы которыхъ соединены такъ, что видны одни только ногти. Шерсть моржа коротенькая, гладкая, лоснящаяся, темнобураго цвѣта; кожа чрезвычайно толста. Моржи обожаютъ нѣгу и лѣность: это сущіе эпикурейцы. Цѣлыми семействами, вскарабкавшись на льдину, моржи проводятъ всю осень въ самомъ сладостномъ far-niente; маленькіе моржи, или *абрашки*, рѣзвятся тутъ-

же съ старшими братьями своими *абрамками.* Матери учатъ ихъ иногда плавать, бросая въ воду. Въ веселомъ расположеніи духа моржи заводятъ свои пѣсни, — т. е. мычатъ какъ стадо быковъ, и этотъ ревъ отдается въ прибрежныхъ утесахъ.

Промышленники начинаютъ бить моржей въ то время, когда онизаберутся на льды, т. е. въ началѣ Августа. Какъ ни любитъ свое спокойствіе и лѣнь это животное, однако оно тотчасъ-же спѣшитъ укрыться отъ опасности. Чутье моржа превосходно: если охотники крадутся къ нему по вѣтру, моржъ издалека чуетъ ихъ приближеніе. Поэтому промышленники всегда наблюдаютъ правило подкрадываться къ моржамъ противъ вѣтра и кромѣ того такъ тихо, осторожно, чтобъ ни малѣйшій шумъ не потревожилъ спокойствія животныхъ. Когда вся ватага охотниковъ подойдетъ близко къ моржамъ, то вдругъ нападаетъ на нихъ съ крикомъ, свистомъ, гамомъ. Оглушенные, испуганные внезапностью моржи теряютъ присутствіе духа и силу, вздумаютъ бѣжать, но едва держатся на ногахъ и спотыкаются на каждомъ шагу. Промышленникамъ то и надобно: они нападаютъ на моржей съ дубинами, бьютъ ими по

головамъ несчастныхъ, колютъ острыми спицами, или стрѣляютъ изъ ружей большаго калибра, называемыхъ *моржовками*. Всѣ эти орудія направлены только на голову моржа, или въ переднюю часть его: это самыя чувствительныя мѣста. Пуля, попавши въ туловище, не сдѣлаетъ моржу никакого вреда, потому что засядетъ или въ кожѣ, или въ слоѣ жира. Эта битва называется *заколкою*. Промышленникамъ удобнѣе и безопаснѣе дѣлать заколку на льду или на островѣ,—но въ морѣ напасть на плавающаго моржа — дѣло не совсѣмъ безопасное. Раненный моржъ мститъ иногда за удары: съ яростью подплываетъ онъ къ судну, хватается клыками и лапами за бортъ и хочетъ опрокинуть легкій карбасъ. Случалось однажды, что разъяренный моржъ схватилъ за ноги одного промышленника и увлекъ его съ собою въ глубину; къ счастію своему, промышленникъ сохранилъ присутствіе духа: онъ билъ моржа какъ попало ружьемъ, которое осталось у него въ рукахъ. Утомился ли моржъ, или былъ раненъ, только онъ оставилъ промышленника, который благополучно всплылъ на верхъ.

Въ моржевомъ промыслѣ, больше нежели въ

другихъ, весь успѣхъ и выгода зависятъ отъ ловкости и находчивости распорядителя ходомъ промысла. Въ этомъ дѣлѣ количество работниковъ не поможетъ, если начальствующій не обладаетъ смѣтливостью. Иной хозяинъ, отправляясь на Новую Землю, набираетъ 15, 20 человѣкъ рабочихъ, — другой довольствуется пятью: но преимущества промысла достаются послѣднему, именно только потому, что онъ смѣтливъ и знаетъ свое дѣло.

Промышленники разъѣзжаютъ только около западныхъ береговъ Новой Земли: въ Карское море они не ходятъ. Промыслы обыкновенно начинаются въ Іюнѣ и продолжаются до Сентября. Отъ состоянія льдовъ зависитъ много успѣхъ промысла: если вѣтры стоятъ тихіе, не относятъ далеко льдовъ и не разбиваютъ ихъ, — тогда и моржей больше и промышленникамъ удобнѣе бить ихъ на ледяныхъ полянахъ. О выгодахъ моржеваго промысла можно судить уже потому, что каждый моржъ стоитъ 30 руб. сер.

Теперь на Новую Землю ходитъ очень мало промышленниковъ: прежде приходило туда 100 судовъ въ лѣто, а теперь 20, 30 — не болѣе. Неудачные промыслы послѣднихъ лѣтъ отбили охоту у промышленниковъ. Неудачи

произошли вѣроятно отъ того, что звѣри стали отдаляться на сѣверъ. Не должно однакожъ думать, чтобъ Поморы пугались плаванія на Новую Землю: для нихъ такой вояжъ — дѣло слишкомъ обыкновенное; они ходятъ туда, руководствуясь своимъ обычнымъ, врожденнымъ чутьемъ. Впрочемъ, теперь у многихъ есть карты Новой Земли, составленныя учеными экспедиціями.

СѢВЕРНАЯ ДВИНА.

Сѣверная Двина, составляясь въ Вологодской губерніи изъ двухъ рѣкъ Сухоны и Юга, протекаетъ по Архангельской губерніи на протяженіи 300 верстъ. Эта главнѣйшая изъ рѣкъ сѣверной Россіи въ верховьяхъ своихъ не широка и не глубока. Берега ея мѣстами чрезвычайно живописны, но дики: густой лѣсъ покрываетъ ихъ крутые скаты и вершины. Но такихъ живописныхъ мѣстъ по Двинѣ очень мало. Плывя по ней, скоро наскучишь смотрѣть на однообразную массу глинистой почвы, которая вездѣ выставляется наружу. Только лишь ручьи, пробивъ себѣ дорогу

въ Двину, образуютъ овраги и щели въ берегахъ ея: но и эти овраги такъ регулярны, такъ однообразны, что скоро утомляютъ зрѣніе. Иногда случается, что огромная масса почти вертикально-стоящаго берега вдругъ отрывается отъ материка и съ ужаснымъ шумомъ падаетъ въ воду. Бѣда несчастному карбасу, который попадется подъ такой обвалъ! Предвидѣть его нѣтъ возможности. Берега очень высоки, и повсюду почти усѣяны болотами и озерками, — явленіе очень естественное на глинистомъ грунтѣ; вода, просачиваясь сквозь пласты глины, мало-по-малу подмываетъ огромный край берега,—и онъ падаетъ. Оба берега Двины въ верховьяхъ равно высоки; но верстъ за 150 до впаденія ея въ море лѣвый берегъ Двины становится луговымъ, а правый все еще гористъ до самаго Архангельска. За этимъ городомъ Двина распространяется по обширной низменности и тремя большими рукавами вливается въ Бѣлое море, образовавъ множествомъ протоковъ 140 большихъ и малыхъ острововъ. Рукава Двины не всѣ глубоки; только одинъ, Березовскій, доступенъ для большихъ кораблей, а по остальнымъ двумъ, т. е. по Никольскому и Мурманскому, ходятъ лишь мелкія суда. Вода Двинская очень тем-

на: бѣлой тарелки нельзя увидѣть въ здѣшней водѣ на 5-ти или 6-ти футахъ глубины: непрозрачность эта происходитъ отъ того, что въ водѣ содержится растворъ нѣкоторыхъ минераловъ. Двина принимаетъ въ себя множество рѣчекъ и рѣкъ; изъ послѣднихъ я назову главнѣйшія: съ правой стороны *Пинега*, вытекающая изъ Вологодской губерніи, а съ лѣвой — *Емца*, *Вага* и *Сія*. Эти притоки вмѣстѣ съ Двиною служатъ лучшими путями сообщенія для Архангельска съ тремя южными уѣздами губерніи Пинежскимъ, Холмогорскимъ и Шенкурскимъ. Въ этихъ трехъ уѣздахъ преимущественно развита лѣсная промышленность, и потому по рѣкамъ Пинегѣ, Емцѣ и Вагѣ цѣлое лѣто идутъ въ Архангельскъ тысячи плотовъ со строевымъ лѣсомъ и смолою. Самая же Двина соединяетъ хлѣбородныя губерніи съ Архангельскимъ портомъ. Не смотря на мелководіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на пороги, Двина судоходна отъ одного конца до другаго. Тотчасъ послѣ вскрытія, вслѣдъ за льдомъ, по ней плывутъ разнокалиберныя суда съ хлѣбомъ. Хлѣбъ собственно въ Архангельскъ привозится изъ Вятской и Вологодской губерній: оттуда же большею частію идутъ всѣ товары для заграничнаго отпуска. Такимъ образомъ, Двина

съ Мая мѣсяца до Сентября оживлена постояннымъ судоходствомъ. Служа путемъ для хлѣба, Двина вмѣстѣ съ тѣмъ оживляетъ промышленность окружающихъ ее уѣздовъ губерніи. Эти уѣзды можно назвать по преимуществу земледѣльческими. Здѣсь уже нѣтъ той суровости климата, какая царствуетъ въ сѣверныхъ частяхъ губерніи,—и трудъ земледѣльца здѣсь не гибнетъ безъ возврата, какъ тамъ, но вознаграждается жатвою. Поэтому главное занятіе по-Двинскихъ жителей состоитъ въ земледѣліи и скотоводствѣ. Однакожъ все это еще далеко, слишкомъ далеко отъ возможнаго совершенства; еще господствуетъ здѣсь обыкновенный властелинъ Русскаго мужичка — привычка и обычай. Не смотря на богатые луга, скотоводство здѣсь такъ ничтожно, что не приноситъ выгодъ. Объ улучшеніяхъ, о полезныхъ нововведеніяхъ никто не заботится и не думаетъ. Внутри Россіи теперь еще славится Холмогорскій рогатый скотъ,—но славится больше по слуху, нежели по достоинству. Правда, нѣкогда онъ былъ хорошъ, именно вскорѣ послѣ того, какъ привезены были сюда Голландскіе быки и коровы, — но теперь Голландская порода выродилась и въ мелкихъ коровахъ уже нельзя

узнать Голландскаго происхожденія. А между тѣмъ какъ легко и удобно было бы усовершенствовать въ этой части губерніи сельское хозяйство. Со временемъ, конечно, будетъ лучше. Доказательствомъ того, какъ важны науки для земледѣльца и какія выгоды онѣ ему приносятъ,—служитъ Шенкурскій уѣздъ. Въ немъ всѣ почти крестьяне — удѣльные: они воспитываются въ особенной школѣ, гдѣ учатся всему, что необходимо знать въ крестьянскомъ быту; по этому благосостояніе этихъ крестьянъ какъ земледѣльцевъ гораздо лучше прочихъ. Но я боюсь утомить вниманіе читателей подробностями о здѣшней промышленности,—подробностями, которыя могутъ показаться имъ скучными. Лучше поговоримъ объ историческихъ достопамятностяхъ этого края, называвшагося нѣкогда Двинскою Землею.

Всѣ авантуристы, всѣ изслѣдователи невѣдомыхъ дотолѣ странъ пробирались въ неизвѣстную имъ землю лишь по теченію рѣкъ; рѣки служили имъ вѣрными путеводителями и доводили до конца страны. Такъ и первыя толпы Новгородскихъ авантуристовъ прошли въ дальніе края Заволочья по Двинѣ. Извѣдавъ эту страну, узнавъ о ея природныхъ богат-

ствахъ, Новгородцы основали въ ней свои поселенія. И такъ какъ путь лежалъ по Двинѣ, то на берегáхъ ея явились Новгородскія села. Покорить первобытныхъ обитателей Двинской Земли было нетрудно: могли-ли предки нынѣшнихъ Лопарей противустоять отважнымъ пришельцамъ? Новгородцы были народъ геніальный, и Новгородъ не напрасно назывался Великимъ: толпы пришельцовъ въ Двинскую Землю тотчасъ сообразили всю огромную выгоду торговли. Нужно было найти только центръ для торговой дѣятельности. Сама природа какъ-будто приготовила Новгородцамъ этотъ центръ. За 150 верстъ отъ моря она раздвинула берега Двины и набросала въ нее нѣсколько островов. Низменность этихъ острововъ, глубина протоковъ, и близость моря, — все соотвѣтствовало намѣренію Новгородцевъ. Они основали здѣсь села, которыя въ послѣдствіи превратились въ городъ Холмогоры, — знаменитѣйшій въ древней исторіи Сѣвера. Но не вдругъ установился порядокъ въ Двинской Землѣ. Толпы приходили за толпами искать добычи у безмятежной Чуди; грабежъ и насиліе долго еще ходили по здѣшнимъ лѣсамъ, даже и тогда, когда Новгородъ ввелъ уже порядокъ управленія въ этой странѣ. Въ каждое большое селеніе, ко-

торыхъ на Двинѣ было нѣсколько, Новгородъ назначалъ посадниковъ и сотскихъ.

Но не смотря на то, Двинская Земля еще долго не была спокойна. Отдѣльныя толпы Новгородцевъ являлись сюда для грабежа и разбоя. Посадники Новгородскіе и духовенство сильно возставали противъ этого, но, не внимая угрозамъ ихъ, удальцы проникали въ здѣшнія пустыни, захватывали земли, строили остроги и укрѣплялись въ нихъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, сохранившійся въ лѣтописяхъ. Сынъ Новгородскаго посадника Лука Варѳоломеевъ вздумалъ поискать счастія и богатства въ Двинской Землѣ. Это было около 1342 года. Онъ собралъ множества товарищей и сподвижниковъ, изъ которыхъ большая часть были слуги Новгородскихъ вельможъ. Лука, плывя внизъ по Двинѣ, дошелъ до рѣки Емцы и успѣлъ склонить тамошнихъ жителей на свою сторону. Лука шелъ далѣе и вездѣ пріобрѣталъ себѣ помощниковъ. Въ 30-ти верстахъ отъ Холмогоръ, вверхъ по Двинѣ, онъ основалъ каменную крѣпость, или *городокъ* Орлецъ. Утвердясь въ этой крѣпости, онъ вскорѣ сдѣлался обладателемъ всей Двинской долины. Но, не довольствуясь этимъ, Лука вздумалъ покорить себѣ

и жителей береговъ Ваги. Для этого онъ послалъ туда отрядъ подъ начальствомъ сына своего Анцифера, а самъ съ 300 удальцовъ отправился въ окрестныя мѣста для грабежа. Но этотъ походъ былъ послѣднимъ: Лука былъ убитъ. Орлецкая крѣпость, потерявъ своего основателя, осталась пустою. Но ей суждено было снова и въ послѣдній разъ исполнить свое назначеніе. Въ 1396 году жители Двинской Земли добровольно покорились Василію III Іоанновичу, Великому Князю Московскому. Новгородцамъ это не понравилось,— они сперва хотѣли убѣдить Василія, чтобъ онъ не принималъ Двинянъ подъ свою власть, но Василій, вопреки желанію Новгородцевъ, послалъ для управленія новопріобрѣтенною страною своего намѣстника, Князя Ростовскаго. Новгородъ рѣшился не уступать Москвѣ Двинской Земли и послалъ туда войско подъ начальствомъ Тимоѳея Юрьевича, Юрія Дмитріевича и Василья Сипца. Намѣстникъ Ростовскій, въ свою очередь, собралъ войско и заперся съ нимъ въ Орлецкой крѣпости. Новгородское войско, состоявшее изъ 3-хъ тысячь человѣкъ, подступило къ ней и цѣлый мѣсяцъ осаждало ее. Наконецъ каменныя стѣны были разбиты, Новгородцы ворвались въ осаж-

денную крѣпость и взяли въ плѣнъ Княжескаго намѣстника, котораго потомъ безъ вреда отправили въ Москву; но Двиняне должны были заплатить 2000 рублей пени и 3000 лошадей. Такимъ образомъ Двинская Земля снова сдѣлалась данницею Новгорода, и уже вмѣстѣ съ нимъ подпала подъ власть Іоанна III. Развалины Орлецкой крѣпости существуютъ до сихъ поръ, на лѣвомъ берегу Двины; версты за двѣ до Паниловской деревни, видны еще остатки каменной стѣны и вала, подлѣ котораго тянется глубокій оврагъ, служившій нѣкогда рвомъ. Кромѣ этого памятника временъ минувшихъ, да еще Холмогорскаго острога, здѣсь нѣтъ болѣе ничего, на что съ любопытствомъ могъ бы посмотрѣть любознательный путешественникъ. Есть, правда, другіе памятники древности, но они совсѣмъ другаго рода: это—монастыри. Основаніе монастырей въ Архангельской губерніи относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ. Безмолвіе пустынь Сѣвера вполнѣ соотвѣтствовало цѣли одинокой, пустыннической жизни. Инокъ среди здѣшней природы могъ безмятежно молиться—и благочестивыхъ думъ его не нарушалъ говоръ и шумъ житейскаго моря; онъ внималъ лишь голосу одной природы; онъ прислуши-

вался къ шуму вѣтра, пробѣгавшаго по непроходимому лѣсу; внималъ плеску волнъ озера или моря,—и во всемъ этомъ онъ слышалъ гласъ Божій,— гласъ недоступный для тѣхъ, кто живетъ въ свѣтѣ и для одного лишь свѣта.—Я не буду описывать всѣхъ монастырей, находящихся въ южной части Архангельской губерніи,— но упомяну только о замѣчательнѣйшихъ.

Въ 160 верстахъ отъ Архангельска, Двина принимаетъ въ себя небольшую рѣку *Сію*. Близъ устья этой рѣчки лежатъ 75 озеръ большихъ и малыхъ. Озера отдѣляются другъ отъ друга высокими и узкими перешейками, такъ что, смотря на озера съ верху, кажется, будто они лежатъ въ чашахъ. Между этими озерами есть одно по имени Михайловское: по срединѣ его, на низменномъ островѣ, стоитъ уединенный монастырь. Какъ хорошъ видъ этого монастыря, когда смотришь на него съ высокаго берега, по которому пролегаетъ почтовая дорога! Это какой-то пловучій домъ Божій, невидимою силою остановленный на одномъ мѣстѣ среди озера. Не возможно найти мѣста болѣе очаровательнаго! Безмолвіе окружаетъ берега, покрытые вѣковыми елями, безмолвіе царствуетъ и на озерѣ, миръ и тишина парятъ

надъ куполами монастырскихъ церквей. Лишь изрѣдка прозвенитъ почтовый колокольчикъ,— прозвенитъ и вскорѣ умолкнетъ въ синей дали.

Уже 330 лѣтъ существуетъ здѣсь монастырь, о которомъ я говорю. Вотъ исторія его основанія. Въ концѣ 15-го столѣтія въ Новгородѣ жилъ гражданинъ, именемъ Антоній. Еще будучи мальчикомъ, онъ превосходилъ многихъ бояръ своими знаніями. Но онъ не былъ гордъ; напротивъ—онъ обладалъ такою скромностью и кротостью, что заслужилъ вниманіе многихъ богатыхъ и знатныхъ Новгородскихъ вельможъ. Такъ въ благочестіи Антоній провелъ юность и достигъ возмужалости. Счастіе ему улыбалось:—молодой, богатый, Антоній былъ обрученъ съ прекрасною дѣвицею, которую избрало его сердце. Казалось, жизнь Антонія должна съ этой поры сдѣлаться счастливою: ему нечего было желать болѣе. Но, увы! не прочно наше счастіе и обманчивы надежды! За нѣсколько дней до брака, невѣста Антонія умерла въ болѣзни. Пораженный кончиною любимаго существа, потерявъ вмѣстѣ съ нею все, что привязывало его къ этой жизни, Антоній уже не видѣлъ въ обществѣ, въ свѣтѣ, ни чего для себя отрадна-

го. То время было бурное время для Новгорода: еще свѣжа была въ памяти Новгородцевъ погибель Вѣча и свободы. Но Антоній удалялся отъ политическихъ интересовъ своихъ согражданъ; не любилъ онъ ихъ замысловъ; не находилъ удовольствія въ забавахъ и развлеченіяхъ тогдашняго времени; и среди тысячь Антоній съ своею любовію къ уединенію былъ одинокимъ въ мірѣ. Мало-по-малу онъ отрѣшался отъ всего земнаго, и часто помышлялъ объ уединеніи и молитвѣ. Въ слѣдствіе этого, будучи только 30-ти лѣтъ отъ роду, Антоній навсегда отказался отъ свѣта и вступилъ въ монастырь. Девятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ подвигахъ послушанія; но желая еще дальше укрыться отъ свѣта, котораго шумъ по временамъ доходилъ до него, Антоній рѣшился проникнуть въ пустыни Двинской Земли. Путь былъ далекъ, — страна неизвѣстна, — и итти одному значило погибнуть: по этому Антоній собралъ нѣсколько лицъ, желавшихъ уединенія, и вмѣстѣ съ ними направилъ путь свой въ глубину Сѣвера. Онъ достигъ до отдаленнаго Поморья, но встрѣченный гдѣ-то непріязненно, обратился назадъ, пришелъ на Двину и, восхищенный прелестнымъ видомъ Сійскихъ озеръ, поселился

въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ монастырь. Въ 1520 году Великій Князь Василій Іоанновичь далъ Антонію позволеніе основать здѣсь обитель во имя Св. Троицы. Добродѣтели Антонія, его жизнь, исполненная строгости, вскорѣ прославили Сійскій монастырь: многіе жаждавшіе мира приходили въ святую обитель искать крова и успокоенія душевнаго. Она стала извѣстна даже Іоанну Грозному, который много о ней заботился: онъ присылалъ богатые вклады, особенно послѣ кончины сына своего Іоанна. Въ 1601 году въ Сійскій монастырь привезенъ былъ насильно-постриженный въ монашество Бояринъ Θедоръ Никитичь Романовъ, по повелѣнію Бориса Годунова, который, по навѣтамъ злыхъ людей, осудилъ Θедора Никитича на это заключеніе. Не довольствуясь этимъ, Годуновъ окружилъ несчастнаго страдальца тремя шпіонами, Воейковымъ и монахами Леонидомъ и Иринархомъ. Первый годъ былъ тягостенъ для узника; но въ 1602 году Борисъ облегчилъ его положеніе: Филаретъ, былъ возведенъ въ санъ Архимандрита, въ которомъ онъ и управлялъ монастыремъ до 1608 г.—Въ память своего пребыванія, Филаретъ, будучи уже Патріархомъ, сдѣлалъ много вкладовъ въ Сійскую обитель, такъ что, въ

послѣдствіи, во владѣніи ея было 3333 души крестьянъ, не говоря уже о множествѣ другихъ приношеній.

И теперь еще въ монастырѣ Сійскомъ сохраняются дары царственныхъ особъ и знаменитыхъ лицъ: Евангеліе, въ серебряной оправѣ съ финифтяными образами, украшенными стразами, присланное въ даръ отъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, въ память посѣщенія этого монастыря въ Іюнѣ 1844 года; большое мѣдное паникадило и богато-украшенное Евангеліе, подаренныя Патріархомъ Филаретомъ. Благочестивымъ богомольцамъ показываютъ сохраняющіяся въ монастырѣ ризы Пр. Антонія, духовное его завѣщаніе и Евангеліе, надписанное имъ по листамъ. Кромѣ этого, чрезвычайно любопытно хранящееся здѣсь собраніе разныхъ историческихъ рукописей и Царскихъ грамматъ. Между послѣдними замѣчательна граммата Самозванца, по которой монастырю даны были многія привиллегіи.

Съ давнихъ временъ толпы богомольцевъ, и знатныхъ, и бѣдныхъ, приходили въ монастырь поклониться мощамъ Преподобнаго его основателя. Но важнѣе всего были для монастыря посѣщенія Императора Александра I и Его

Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Вотъ какъ описывается въ монастырскихъ запискахъ первое изъ этихъ посѣщеній.

«Въ 1819 году, Іюля 28 дня, блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Павловичь, въ проѣздъ свой изъ С. Петербурга въ Архангельскъ, удостоилъ Высочайшимъ посѣщеніемъ Сійскую обитель. Его Величество прибылъ сюда съ Ваймужской станціи въ каретѣ, запряженной 8-мью лошадьми, въ 8½ часовъ по-полуночи, и, не доѣзжая до монастырскихъ св. воротъ, изволилъ остановиться предъ внѣшними воротами, и, вышедъ изъ кареты, шествовалъ чрезъ всю площадь пѣшкомъ одинъ къ св. монастырскимъ воротамъ. Предъ воротами, на площадкѣ встрѣтили Его Величество строитель Красногорскаго монастыря Іоанникій съ казначеемъ и со всею братіею и съ пріѣхавшими на сей случай священниками ближнихъ приходовъ; строитель со св. крестомъ, казначей-іеромонахъ Илія съ образомъ Препод. Антонія, а іеромонахъ Силуанъ со св. водою. Не доходя до св. воротъ саженъ до двадцати, Великій Государь, обнаживъ главу свою, прямо взошелъ на площадку и приложился ко кресту, а іеромонахъ Силуанъ подалъ

Его Величеству на руки св. воды. Потомъ, приложась къ образу Пр. Антонія, принялъ его изъ рукъ казначея и подалъ близь-стоявшему монастырскому подъячему для отнесенія въ карету. Послѣ этого, Великій Государь, испросивъ какъ у строителя, такъ и у казначея и у всѣхъ прочихъ священниковъ благословеніе, цѣлуя при томъ ихъ руки, а своей руки цѣловать никому не дозволяя, изволилъ шествовать въ Троицкую соборную церковь, въ предшествіи всего духовенства. По входѣ-же въ церковь, изволилъ стать у праваго клироса, на постланномъ коврѣ и слушать эктенію, по окончаніи коей провозглашено было многолѣтіе Его Императорскому Величеству и всей Императорской Фамиліи, и потомъ прикладываться къ св. кресту, и принявъ на руки св. воды, отеръ свое лице, очи и главу. Потомъ изволилъ итти къ ракѣ Препод. Антонія, и преклонясь въ землю три раза, приложился къ образу Чудотворца. Послѣ чего благоволилъ приказать отправить Преподобному молебенъ, на которомъ, во время чтенія св. Евангелія, Его Величество соизволилъ стать на колѣни, преклонивъ свою главу подъ Евангеліе и во время продолженія молебна изволилъ самъ съ пѣвчими припѣвать тропарь и запѣвы кано-

на. По окончаніи молебна Его Величество изволилъ разсматривать большое Евангеліе, называемое *опракосъ*, лежащее на двухъ налояхъ, и тутъ-же однозолотный потиръ и лучшій серебряный съ приборомъ дискосъ, серебряную водосвятную чашу, шитые жемчугомъ воздухи и ризы Пр. Антонія. Потомъ изволилъ входить въ придѣлъ Чудотворца; вышедъ-же изъ него и помолясь, изволилъ шествовать изъ собора, въ сопровожденіи всего духовенства и при колокольномъ звонѣ, въ настоятельскіе покои, съ однимъ строителемъ; прочіе-же всѣ остались при лѣстницѣ. При входѣ въ залъ Его Величеству поднесены были хлѣбъ и соль. Между прочимъ, Государь распрашивалъ строителя о монастырѣ и количествѣ братіи, и потомъ изволилъ шествовати обратно въ половинѣ 10 часа и всѣмъ духовенствомъ провожденъ былъ за св. ворота, гдѣ, спустясь съ площадки, обратился къ духовенству и поклонясь сказалъ: «Прощайте!» Сѣвъ въ карету, онъ пустился въ путь свой.»

Въ настоящее время монастырь состоитъ изъ собора и 3-хъ каменныхъ церквей, близъ которыхъ находятся келліи. Всѣ эти зданія обнесены деревянною оградою.

Теперь, любезный читатель, совершимъ ма-

ленькое путешествіе по Двинѣ, а чтобъ намъ было безопаснѣе и удобнѣе, сядемъ на одинъ изъ тѣхъ большихъ карбасовъ, которые не боятся бурь, и на которыхъ есть каютки, гдѣ можно укрыться отъ дождя и спокойно провести ночь. И такъ ѣдемъ. Въ 84 верстахъ ниже Сійскаго монастыря, мы остановимся у крутаго берега Двины, близъ устья маленькой рѣчонки Вавчуги. Взберемся на верхъ и посмотримъ на село, впереди котораго стоитъ красивый городской домъ. Это мѣсто чрезвычайно замѣчательно, хотя съ перваго раза оно для посѣтителя нисколько не интересно. Но прежде нежели я раскажу вамъ о важности этого села,—полюбуйтесь панорамою Двины, которая извивается глубоко подъ ногами вашими. Отсюда открывается прелестный видъ. Въ этомъ мѣстѣ Двина раздалась отъ одного берега до другаго верстъ на 10, вытѣсненная 9-ю островами, столпившимися въ одну кучу. Ближайшій къ Вавчугѣ называется Кур-островомъ, около котораго лежатъ другіе мелкіе. Издали эти острова очень красивы: они покрыты холмами, поросли въ иныхъ мѣстахъ лѣсомъ; видѣ сверкаетъ озеро, или извилина рѣчки. А тамъ вдали бѣлѣются церкви какъ бы утонувшаго въ туманной синевѣ города

Холмогоръ. Далеко съ высокаго берега Вавчуги достигаетъ взоръ, и, восхищенный, долго смотритъ онъ на чудную картину, въ которой такъ художнически набросаны и вода, и холмы, и темныя рощи елей.

Одинъ этотъ видъ могъ бы оправдать существованіе села Вавчуги и особенно этого дома, о которомъ я говорилъ, и который въ Архангельской губерніи, не имѣющей помѣщиковъ, есть явленіе очень рѣдкое, или вѣрнѣе, единственное. Но не картина, разстилающаяся предъ этимъ маленькимъ селомъ, а выгоды и планы коммерческіе послужили ему основаніемъ. Въ 16-мъ еще столѣтіи здѣсь построена была лѣсопильная мельница, принадлежавшая какому-то Ивану Попову, который владѣлъ потомственно всѣми землями, находившимися около Вавчуги, пространствомъ 5 *сохъ*. Потомокъ Попова въ 1671 году предалъ это имѣніе Холмогорцу Баженину. Баженинъ, человѣкъ умный и, вѣроятно, образованный, сколько можно было быть такимъ въ тогдашнее время, умѣлъ воспользоваться выгоднымъ мѣстоположеніемъ Вавчуги. Онъ устроилъ здѣсь прекрасный лѣсопильный заводъ, так что это возбудило зависть во многихъ спекуляторахъ тогдашнихъ. Какой-то иностранецъ Андрей Крафтъ сильно

хлопоталъ о томъ, чтобъ отнять въ свою пользу Вавчугу, — но Цари Петръ и Іоаннъ Алексѣевичи утвердили за Баженинымъ право владѣнія этимъ мѣстомъ. До сихъ поръ, какъ вы видите, эта лѣсопильная мельница не имѣетъ ни какого особенно-важнаго значенія. Но въ 1693 году, 21 Сентября, прибылъ сюда Петръ Великій, возвращаясь изъ Архангельска въ Москву. Нѣсколько приближенныхъ особъ сопровождало Царя, въ геніальномъ умѣ котораго уже составились высокіе планы о Русскомъ коммерческомъ флотѣ. Надобно было избрать только мѣсто для верфи, а главное — добраго исполнителя предначертаній Царя. Ваувчга совершенно соотвѣтствовала учрежденію верфи, а владѣлецъ ея, Баженинъ, былъ по душѣ Царю, умѣвшему всюду узнавать людей умныхъ. Въ томъ-же году, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, начата была постройка *перваго* Русскаго корабля. Петръ, будучи въ Москвѣ, занятый дѣлами важными, не забывалъ объ этомъ кораблѣ: съ удивительнымъ вниманіемъ онъ заботился объ этомъ первенцѣ нашего флота. Весною 1694 г. Двинскія воды впервые запѣнились подъ килемъ Русскаго корабля, на мачтахъ котораго впервые развѣялся Русскій купеческій флагъ.

Велико слово Царя Русскаго; — раздается оно, могучее, — и всякая Русская душа спѣшитъ исполнить его велѣніе; и нѣтъ для него пространства: какъ лучь солнечный несется оно чрезъ широко-раскинувшуюся Русь, и весело Русскому слышать велѣніе Царское, ибо какъ этотъ лучь, такъ и слово то — благо.

И такъ начало Русскаго торговаго флота было положено на Двинѣ, въ Вавчужскомъ селеніи. Первый построенный здѣсь корабль, «Св. Петръ,» былъ отправленъ въ Голландію съ грузомъ Русскаго желѣза. Въ 1702 году, Петръ, въ третій разъ посѣтившій Архангельскъ, пріѣхалъ въ Вавчугу на спускъ двухъ новыхъ фрегатовъ. Съ этихъ поръ въ Вавчугѣ дѣятельно шла постройка не только купеческихъ судовъ, но и военныхъ кораблей. Петръ, видя въ Баженинѣ человѣка, исполнившаго его ожиданія, награждалъ его по-царски. Баженинъ, имѣвшій уже званіе корабельнаго мастера, названъ былъ съ братомъ своимъ — именитымъ человѣкомъ гостиной сотни. Кромѣ того, имъ даны были многія привиллегіи. Такъ, напр., они могли отъ себя отправлять корабли свои за море съ разными товарами; на корабляхъ своихъ имѣли право держать пушки и порохъ; могли, безъ всякой

пошлины, вывозить изъ-за границы всѣ матеріялы, нужные имъ для кораблестроенія, и нанимать шкиперовъ и рабочихъ всякаго званія, не спрашивая согласія городскихъ и земскихъ начальствъ. Въ знакъ вниманія своего къ усердію Баженина, Петръ подарилъ ему медальонъ изъ кизиля съ своимъ портретомъ, вырѣзаннымъ своими руками. Этотъ медальонъ и двѣ Царскія грамматы сохраняются теперь какъ святыня у нынѣшняго владѣльца Вавчуги. Въ послѣдствіи, дѣла Бажениныхъ разстроились: потомки-ли ихъ, не умѣвшіе поддержать прекраснаго начинанія предковъ,—или обстоятельства были тому виною;—только теперь Вавчуга опять возвратилась въ первобытное состояніе: осталась лишь мельница; все прочее исчезло. Двина спокойно течетъ около берега: не тревожитъ ея струй корабельная грудь; въ воздухѣ не пробудится эхо отъ громкаго «ура» и гулъ пушечныхъ выстрѣловъ не спугнетъ дикой птицы въ спящемъ лѣсу. Все прошло—какъ сонъ, о которомъ жалѣешь при пробужденіи.

Вавчуга имѣла важное вліяніе вообще на здѣшнее кораблестроеніе; эта маленькая верфь образовала много искусныхъ кораблестроителей изъ окрестныхъ жителей. Не съ хитрыми ни-

струментами, не съ головоломными вычисленіями принимались эти мастера за дѣло,—а съ циркулемъ да со спаровкою строили корабль за кораблемъ, и строили на славу. И въ то время, когда Архангельская торговля, послѣ долгаго застоя, вновь оживилась,—на Двинѣ во многихъ селахъ были верфи.

Чуденъ,—подумаешь,—мужичекъ Русскій! На что только не станетъ у него ума и умѣнья? Взглянешь на него въ иную пору: равнодушенъ, безстрастенъ; его-ли неподвижной натурѣ произвести что-нибудь, когда ему кажется трудомъ сдвинуться съ мѣста? Его-ли уму размышлять и думать, когда этотъ умъ, кажется, спитъ сномъ непробуднымъ?—Но наступитъ чередъ и время: смотрите, какое чудное превращеніе! Дѣло кипитъ у него въ рукахъ; откуда что берется! онъ готовъ тогда не знать мѣры трудамъ своимъ, также какъ не зналъ мѣры своей лѣни и апатіи. Особенно здѣсь на сѣверѣ сильна натура коренныхъ жителей. Я могъ бы доказать справедливость этого многочисленными примѣрами, почти ежедневно повторяющимися. Но зачѣмъ эти примѣры, когда предъ нашими глазами родина *Ломоносова*.

Я уже говорилъ, что противъ Вавчуги ле-

житъ большой островъ—Куръ-островъ. Если въѣхать въ рукавъ Двины, огибающій его съ югозападной стороны, и проплыть имъ верстъ 7,—то мы увидимъ длинный рядъ деревенскихъ домовъ и домишекъ растянутый во всему низменному, песчаному берегу Куръ-острова. Эти дома составляютъ нѣсколько деревень; въ числѣ ихъ есть одна, имѣющая, подобно всѣмъ другимъ, два названія: одно— «письменное» другое—свое собственное, домашнее. Та деревня, о которой я упоминаю, называется «по-письменному»—*Денисовскою*, а по-домашнему—*Болотомъ*. Это родина Ломоносова.—Случалось ли вамъ когда-нибудь посѣтить родину знаменитаго человѣка? Если случалось, то вспомните о томъ чувствѣ, съ какимъ вы смотрѣли на это священное мѣсто. Съ какимъ жаднымъ любопытствомъ вы осматривали малѣйшія подробности жилища великаго мужа, брали въ руки вещи, которыя были въ рукахъ его; въ эти минуты вы какъ будто сближались, роднились съ тѣмъ, кого уже нѣтъ; въ душѣ вашей господствовало тогда благоговѣніе къ памяти великаго человѣка. Но посѣтившему родину Ломоносова нѣтъ отрады увидѣть ни малѣйшаго слѣда его жизни. За то много, много есть о чемъ поду-

мать. Невольно возраждается величайшее удивленіе къ генію Ломоносова, когда видишь предъ собою крошечную, бѣдную деревушку, въ которой онъ родился. Подъ вліяніемъ воспоминаній объ этомъ человѣкѣ, какъ-то иначе смотришь на этихъ мальчишекъ, босыхъ и грязныхъ, которые съ разинутыми ртами глядятъ на незнакомаго посѣтителя; совѣстно отогнать отъ себя эту толпу, изъ страха оскорбить какого-нибудь новаго Ломоносова... Вѣдь и онъ былъ такимъ-же запачканнымъ, босымъ мальчикомъ, и имъ помыкали какъ нельзя хуже, и никто, никто въ мірѣ не сказалъ-бы тогда, что выйдетъ изъ него человѣкъ, которымъ будетъ гордиться вся Россія.—Какъ могло развиться на этой почвѣ такое зерно, да и какъ попало оно сюда? Ужели случайно?— Нѣтъ; въ мірѣ Божіемъ ни чего не бываетъ случайнаго. Не случайно попало сюда это зерно, не вѣтромъ занесло его сюда: оно развилось, потому что *должно* было развиться. Геніи суть представители духовныхъ силъ народа, среди котораго имъ опредѣлено жить и дѣйствовать. Такъ и Ломоносовъ есть олицетвореніе силы Сѣвера.

Но не угодно-ли взглянуть на самое мѣсто, гдѣ Ломоносовъ родился. Именно только одно

мѣсто и осталось здѣсь въ деревнѣ вмѣсто всякаго другаго памятника. Съ трудомъ уже можно различить и этотъ слабый слѣдъ великаго человѣка. Между большимъ домомъ и маленькимъ амбаромъ есть пустое мѣсто въ нѣсколько сажень; сзади этой площадки замѣтны остатки когда-то существовавшаго пруда; за прудомъ возвышается холмъ, огороженный плетнемъ, примыкающимъ къ дому. За этимъ домомъ, въ отдаленіи, видна каменная церковь, существовавшая еще при Ломоносовѣ. Вотъ все, что можно сказать о родинѣ Ломоносова. Еще не давно существовалъ родной домъ его, но давно уже никто въ немъ не жилъ. Время разрушало его мало-по-малу, и наконецъ совершенно разрушило: остатки пошли сосѣдямъ на дрова. Такимъ образомъ отъ этого дома остался лишь одинъ едва-замѣтный слѣдъ, который вскорѣ исчезнетъ, — такъ что нельзя будетъ его отыскать. Какой-то землякъ Ломоносова, не слишкомъ, видно, благоговѣющій къ памяти его, намѣревается выстроить себѣ въ этомъ мѣстѣ домъ, а можетъ-быть уже и выстроилъ. Кажется, очень не трудно бы огородить это мѣсто хотя простою рѣшеткою, чтобъ спасти его отъ забвенія,—но этого никому не приходитъ въ го-

лову. Равнодушіе здѣшнихъ крестьянъ къ памяти великаго земляка ихъ очень удивительно: имъ какъ-будто ни по чемъ слава его, какъ-будто они сами всѣ Ломоносовы. Родъ Ломоносова давно уже здѣсь прекратился, и никто изъ здѣшнихъ жителей не носитъ этой фамиліи, какъ потомокъ знаменитаго предка. Есть, правда, въ этой-же деревнѣ крестьянинъ Лопатинъ, считающій себя въ родствѣ съ фамиліею Ломоносова, — но сосѣди Лопатина, Богъ знаетъ почему, лукаво посмѣиваются, когда заговоришь съ ними о степени этого родства. «Вишь, — прибавляютъ они,—Лопатинъ продалъ какія-то бумаги Ломоносовскія одному чиновнику, * такъ, можетъ, потому и родня.»

Но пустимся далѣе въ путь. Когда мы обогнемъ югозападный уголъ Куръ-острова, предъ нами явится городъ Холмогоры. Этотъ городъ по своему прошедшему такъ замѣчателенъ, что нельзя не обратить на него вниманія; къ тому-же мы воспользуемся случаемъ взглянуть на него по-ближе, чтобъ имѣть общее понятіе о всѣхъ уѣздныхъ городахъ Архангельской губерніи. Я не буду расказывать вамъ о происхожденіи самаго названія этого

* Извѣстному Свиньину.

города,—названія, которое ученые никакъ не хотятъ считать Русскимъ: одни увѣряютъ, что это слово Норманское, другіе—что оно Финское, третьи—что оно Финско-Русское и т. д. Вмѣсто всѣхъ этихъ разсужденій о названіи, мы лучше посмотримъ на все, что есть достопримѣчательнаго въ городѣ. Во-первыхъ, его наружность. Городъ растянулся весь въ ниточку по лѣвому берегу Куроползи и состоитъ изъ трехъ частей: Курцова, Посада и Глинокъ. Этими именами назывались нѣкогда деревни Новгородскія, изъ которыхъ въ послѣдствіи составился городъ. Курцово отдѣляется отъ Посада широкимъ лугомъ, на которомъ стоитъ каменный соборъ и монастырскія зданія. Дома Курцова и Глинокъ самые старинные: всѣ въ одинъ этажъ; но они довольно высоки, такъ что подъ жилыми комнатами находится очень много мѣста для кладовыхъ. Вообще здѣсь удивляетъ огромное количество чулановъ, анбаровъ, кладовыхъ; комнатъ всего двѣ, много—три,—остальное пространство огромнаго дома занято пустыми чуланами. Сзади къ дому примыкаетъ скотный дворъ. Крылецъ нѣтъ, — но входъ устраивается въ стѣнѣ, и надобно очень много умѣнья, чтобъ изъ этого входа добраться до лѣстницы, —

иначе непремѣнно запутаешься въ темнотѣ сѣней и попадешь либо въ хлѣвъ, либо въ чуланъ. Но дома посада построены не такъ странно: въ нихъ живутъ чиновники, — это аристократическая часть города. Въ Холмогорахъ нѣтъ мостовой; вмѣсто нея господствуетъ глубочайшая грязь на единственномъ проспектѣ, служащемъ почтовою дорогою, которая проходитъ черезъ городъ. Благодаря почтовому тракту, въ Холмогорахъ не слишкомъ пусто: чуть не каждый часъ пронесется почтовая тройка и возбудитъ любопытство мирныхъ Холмогорцевъ,—домосѣдовъ по преимуществу. Кстати объ этомъ домосѣдствѣ. Холмогорцы сущіе нелюдимы: они не любятъ ходить въ гости и предпочитаютъ этому спокойствіе домашнее. Всякой домъ всегда запертъ, и надобно долго стучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ, придѣланнымъ къ воротамъ, чтобъ войти въ него. Незнакомаго не тотчасъ впустятъ: сперва распросятъ его чрезъ маленькое окно — кто онъ, откуда и за чѣмъ, — и потомъ уже, если нужно, отворятъ ему дверь. Холмогорцы получили прозвище *зауголъниковъ*, которое лучше всякихъ подробныхъ объясненій характеризуетъ нравы ихъ. Преданіе говоритъ, будто это прозвище дано имъ Петромъ

Великимъ въ то время, когда онъ былъ здѣсь, и именно за то, что они не смѣли показываться ему на улицахъ, а смотрѣли на него изъ-за угловъ. Все это относится, конечно, только къ кореннымъ жителямъ Холмогоръ. Упомяну еще объ одномъ явленіи, составляющемъ неизбѣжную принадлежность всякаго незанятаго домами мѣста: это коровы. Вы не сдѣлаете шага, чтобъ не наткнуться на стадо огромнѣйшихъ коровъ, которые только въ Холмогорахъ ведутъ родъ свой отъ Голландскихъ. Но довольно о наружности бѣднаго городка; онъ отжилъ свой вѣкъ, какъ отживаетъ все на свѣтѣ. Посмотримъ лучше на то, что осталось въ немъ на память о прошедшихъ, невозвратимыхъ уже годахъ.

Вокругъ пространства, занимаемаго посадомъ, нѣкогда былъ крѣпостной валъ. И теперь еще видны его остатки, уже разрушенные дождями; однакожъ еще замѣтны по всему южному валу правильно расположенныя впадины, служившія, вѣроятно, амбразурами. Этотъ валъ одѣтъ былъ нѣкогда деревяннымъ срубомъ, сгорѣвшимъ послѣ отъ молніи. Слѣды рва, окружавшаго эту крѣпость, замѣтны до сихъ поръ. Эта крѣпость построена была потому, что древнѣйшій острогъ началъ раз-

рушаться. Этотъ острогъ былъ на сѣверномъ концѣ города; рѣка безпрестанно подмывала берегъ и разрушала укрѣпленіе. Теперь все еще можно замѣтить слѣды этого острога по рытвинамъ и ямамъ. Острогъ въ 1613 году выдержалъ сильный натискъ огромной толпы бродягъ, три дня напрасно осаждавшихъ эту крѣпость. Но что всего болѣе интересуетъ насъ въ Холмогорахъ,—такъ это соборъ и дѣвичій монастырь.

Среди обширнаго луга, между Курцевомъ и Посадомъ, на насыпи возвышается Преображенскій соборъ, къ западу отъ котораго, на той же насыпи, стоятъ зданія монастыря. Соборъ здѣшній построенъ при первомъ Архіепископѣ Аѳанасіѣ въ 1691 году. Сначала до 1735 года онъ былъ каѳедральнымъ, потому что Архіереи жили въ Холмогорахъ; но съ 1735 г. Епископская каѳедра была перенесена въ Архангельскъ. Въ первое время своего существованія этотъ храмъ считался лучшимъ изъ храмовъ Архангельской Епархіи; но теперь на немъ уже лежитъ печать древности. Внутренность его бѣдна: позолота сошла и потемнѣла, живопись тоже. Но вотъ особенность, придающая храму какое-то мрачное

величіе: вдоль сѣверной и южной стѣнъ его стоятъ надгробія, покрытыя черными, бархатными пеленами. Это гробницы Епископовъ, погребенныхъ въ склепахъ. Уже останки девяти Епископовъ, начиная съ Аѳанасія, покоятся здѣсь. Прежде надъ каждымъ надгробіемъ висѣлъ портретъ усопшаго съ описаніемъ его жизни: но сырость заставила снять ихъ. Этотъ храмъ холодный, и потому зимою служба Божія совершается въ небольшой близъ-находящейся церкви. Близъ собора, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, начинается каменная стѣна, образующая четыреугольникъ, въ 2084 кв. саж. Въ юговосточномъ углу его находится монастырь. Но не таково было первоначальное назначеніе этихъ зданій. Здѣсь сперва жили Архіереи, потомъ 37 лѣтъ провело въ этихъ стѣнахъ Брауншвейгское семейство; далѣе, послѣ отъѣзда его, здѣсь помѣщалась мореходная школа, и наконецъ уже въ 1798 году эти зданія со всѣми принадлежащими къ нимъ строеніями заняты были монастыремъ. Въ 1781 году по повелѣнію Императрицы Екатерины II Браушвейгское семейство было освобождено. Яхта «Полярная Звѣзда» высадила Принцевъ этого семейства въ Бергенѣ и возвратилась въ Ар-

хангельскъ. Всѣ участвовавшіе въ этой экспедиціи были щедро одарены Царскими милостями. Матросы получили земли для хлѣбопашества близъ Холмогоръ, были освобождены отъ податей и составили особое сословіе мореходцевъ, потомки которыхъ и теперь еще населяютъ такъ-называемую Морскую слободку.

Дорога отъ Холмогоръ до Архангельска идетъ сперва по лѣвому берегу Двины верстъ 20; потомъ при Коскогорской станціи путешественникъ, переправившись чрезъ Двину на паромѣ, ѣдетъ вплоть до Архангельска уже по правому берегу этой рѣки. Эта дорога чрезвычайно живописна: она стелется по оврагамъ и высокимъ холмамъ. Тройка, заливаясь колокольчикомъ, то какъ молнія скатится въ глубокій оврагъ, то скрипя и расшатываясь, черепахою всползаетъ на гору. А тамъ лѣтній вечеръ такъ и пахнётъ ароматомъ полей, разстилающихся по обѣимъ сторонамъ дороги. Чудно, невыразимо любо быть въ дорогѣ на сѣверѣ въ іюньскую ночь. Что за ночи посылаетъ тамъ небо! Солнце, утомленное дневнымъ путешествіемъ, не хочетъ однакожъ уйти въ глубины океана и предаться покою;

но, скрывъ жаркіе лучи свои, оно свѣтлымъ и блестящимъ шаромъ течетъ по горизонту. И земля спитъ, какъ будто очарованная этимъ спокойнымъ, нежгучимъ взоромъ своего властелина. Все тихо: изрѣдка развѣ послышится голосъ кукушки, и суевѣрный ямщикъ считаетъ ея кукованья, судя по числу, о числѣ своихъ будущихъ лѣтъ. Лѣниво, шажкомъ бѣгутъ кони, — имъ хочется уснуть, какъ уснуло все въ окружающей ихъ молчаливой природѣ. Но человѣку не хочется спать въ такую восхитительную ночь: думать-ли о снѣ, когда солнце не скрылось, когда еще цѣлое море свѣта льетъ сѣверъ на землю? Но вотъ южный край солнца коснулся горизонта, вотъ оно закатывается, вотъ, думаешь,—прощай обаяніе! Но нѣтъ, — одно мгновеніе — и снова поднялось, выкатилось солнце, — и какіе чудные, яркіе лучи сыплетъ оно! Чу! какой дивный концертъ даетъ окрестность — и, мнится, — ожили эти сонные, молчавшіе ночью лѣса, ожили эти ровныя поля, ожили берега рѣки, между которыми неслышно струились воды. И все это ожило: рѣка зарябилась отъ утренняго вѣтерка и зажурчала въ берегахъ; поле и лѣсъ огласились безчисленными дробными звуками невидимыхъ пѣвцовъ и каждый лис-

токъ, каждая травка засверкали алмазными искрами; изъ синей дали несется звонъ утренняго колокола, и Богъ вѣсть изъ какого села достигаетъ струя дыма.

Селъ по дорогѣ къ Архангельску довольно много. Самое замѣчательное изъ нихъ — Лявля. Расположенное на высокой горѣ, это село замѣчательно своею старинною недавно-обновленною церковью, въ которой находится чудотворная икона Божіей Матери. Сюда цѣлое лѣто идутъ и ѣдутъ толпы богомольцевъ изъ Архангельска и окрестностей; но особенно велико стеченіе ихъ бываетъ 15-го Августа. Въ этотъ день въ Лявлѣ — храмовый праздникъ. Далѣе за Лявлею встрѣчается длинное, предлинное село Уйма. Сюда на лѣто часто пріѣзжаютъ городскіе жители подышать деревенскимъ воздухомъ и насладиться сельскими забавами. Утомленный однообразіемъ деревень, которыя проѣхалъ, путешественникъ можетъ въ Уймѣ полюбоваться на кавалькады дамъ — и улыбнуться этой картинѣ: рѣзвыя, веселыя дѣвушки и дамы, взобравшись на деревенскихъ клячь, несутся въ разсыпную и частенько сваливаются съ своихъ буцефаловъ: хохотъ и крики привѣтствуютъ несчастное паденіе. У воротъ и крылецъ домовъ разстав-

лены столы съ самоварами и его принадлежностями, между которыми почетнѣйшее мѣсто занимаетъ корзинка съ тончайшими какъ бумага бутербродами, — что́ одно доказало-бы Нѣмецкое происхожденіе рукъ, приготовившихъ ихъ, — еслибъ даже вы не вслушались въ рѣчь и не успѣли взглянуть на лица собесѣдниковъ, окружающихъ эти столы. Вообще Нѣмцы, составляющіе, какъ мы увидимъ послѣ, главнѣйшую часть народонаселенія Архангельска, умѣютъ и имѣютъ средства лучше Русскихъ пользоваться лѣтнимъ временемъ. Во всѣхъ окрестностяхъ города вы непремѣнно увидите Нѣмецкія семейства. И это очень просто. Всѣ Архангельскіе Нѣмцы — народъ коммерческій; а всѣ окрестные крестьяне непремѣнно цѣлое лѣто служатъ на конторахъ купеческихъ. Слѣдовательно, каждому Нѣмцу, члену конторы, у крестьянина весь домъ къ услугамъ. Вообще, здѣшніе крестьяне очень зажиточны; есть между ними и люди богатые. Дома чрезвычайно хороши,—иной домъ можно-бы поставить въ любомъ городѣ. Опрятность и чистота—здѣсь добродѣтель: названіе «необиходной» страшитъ всякую хозяйку, и потому посуда всегда чиста, блестяща, полы и стѣны вымыты, а потолки выбѣлены. Опрят-

ность наблюдается и въ одеждѣ. Особенно хороши и изящны праздничные наряды сельскихъ дѣвушекъ. Съ золотыми повязками, унизанными жемчугомъ, въ золотыхъ-же епанечкахъ и атласныхъ юбкахъ, обшитыхъ широкими «хазами» или позументами, — толпа дѣвушекъ, собравшихся на *богомолье,* или на праздникъ, чрезвычайно великолѣпна. Но ѣдемъ далѣе. Въ 15-ти верстахъ отъ города, на высокомъ холмѣ, находится прекрасная дача покойнаго Брандта: это очень милое мѣсто, съ котораго видны далеко воды Двины и берега ея. Миновавъ еще нѣсколько деревень, подъѣзжаешь наконецъ къ разнымъ зданіямъ предмѣстія Архангельска, которое называется Быкомъ. Теперь это мѣсто нисколько не замѣчательно: по правую сторону дороги находится кладбище съ двумя церквами, по лѣвую — хлѣбные казенные магазины. Но нѣкогда это мѣсто было важно: оно едва было не стало мѣстомъ казенной верфи. Петръ Великій, будучи въ Архангельскѣ, велѣлъ построить на Быкѣ хлѣбные магазины, а на островѣ Соломбалѣ учредилъ адмиралтейство. Это было въ 1700 году. Но вскорѣ на Соломбальскомъ островѣ перестали строить корабли потому, можетъ быть, что этотъ островъ каждую

весну покрывался водою отъ разлитія Двины. Вздумали тогда перенести верфь на Быкъ и уже заложили тамъ два 54-хъ пушечные корабля. Но новыя неудобства заставили снова перенести верфь на прежнее мѣсто. Въ послѣдствіи на Быкѣ стали строить купеческія суда; еще и теперь, кажется, существуетъ какое-то судно, здѣсь построенное, — но доки и эллинги исчезли; все запущено и врядъ-ли возобновится когда нибудь. — Подъѣзжая къ заставѣ, вы встрѣчаете влѣво монастырь, а вправо деревянный заборъ, за которымъ, въ глубинѣ сада, стоитъ домъ семинаріи. Но описывать-ли въ подробности наружность Архангельска? Теперь этотъ городъ еще не успѣлъ оправиться отъ пожара, который истребилъ самую лучшую часть его въ 1847 году. Скажу только, что весь городъ вытянулся въ длину по берегу Двины: ширина города около 200 саженъ или немного больше, за то длина непремѣнно верстъ 7 или 8. Говоря вообще, наружность Архангельска довольно опрятна. Весь городъ раздѣленъ съ начала тремя, а въ концѣ двумя проспектами. Набережная, обложенная булыжникомъ, обстроена хорошо, такъ что городъ кажется красивымъ, когда смотришь на него съ Двины, — но несносно-

длиннымъ. Берегъ Двины идетъ не прямо, но образуетъ уголъ, противъ котораго Двина развѣтвляется на рукава. На этомъ углу или на мысѣ, нѣкогда называвшемся Пуръ-Наволокомъ, еще въ 12-мъ вѣкѣ стоялъ монастырь. Первобытные, дѣвственные лѣса окружали тогда монастырь этотъ и нога путника не заходили сюда. Лишь въ исходѣ 16-го столѣтія топоръ коснулся этихъ лѣсовъ и на этомъ мѣстѣ возникъ деревянный острогъ, послужившій ядромъ для нынѣшняго города. Читателямъ уже извѣстна причина построенія новаго города и мнѣ нѣтъ нужды повторять ее. Около острога, котораго рвы и теперь еще не успѣли изгладиться совершенно, строился мало-по-малу городъ, названный сперва Новохолмогорскомъ, а потомъ Архангельскомъ. Теперь мѣсто, гдѣ былъ острогъ, занято площадью, церковью Архангела Михаила и каѳедральнымъ соборомъ. Торговля оживляла Архангельскъ, ею-же созданный, хотя не скоро можно было найти жителей для него. Крестьяне Двинскіе, которымъ отведены были мѣста, бѣжали изъ домовъ его и много хлопотъ стоило, чтобъ возвратить бѣглецовъ. До Петра Великаго Архангельскъ служилъ единственнымъ путемъ сношеній нашихъ съ Европою;

но съ тѣхъ поръ какъ явился на свѣтѣ Петербургъ, Архангельскъ потерялъ все свое значеніе: торговля ослабѣла, промышленность не удалась, и мало по малу этотъ городъ сошелъ на степень послѣдняго изъ нашихъ портовыхъ городовъ. Какъ видите, исторія его проста и слишкомъ обыкновенна. — Слѣдовъ и памятниковъ прошедшаго въ Архангельскѣ сохранилось не много, вотъ однакожъ наиболѣе замѣчательные.

Не далеко отъ мыса Шуръ-Наволока еще уцѣлѣлъ старинный за́мокъ временъ Алексѣя Михайловича. Это зданіе нѣкогда было обширно: оно назначено было для складки товаровъ и состояло изъ двухъ частей—Нѣмецкаго и Русскаго Гостиныхъ дворовъ. Нѣкогда было тутъ шесть башень, теперь уцѣлѣли только три, но и тѣ въ самомъ несчастномъ положеніи. Говорятъ, что самъ Царь Алексѣй Михайловичь составлялъ планъ этого зданія. Теперь оно извѣстно подъ именемъ Таможеннаго–за́мка, потому что въ немъ помѣщается таможня. Близъ него бѣдствуютъ развалины такъ называемаго *Монетнаго двора:* онъ составлялъ часть Таможеннаго замка, но теперь ждетъ, запущенный, пока непогоды и время совершенно его уничтожатъ. Впрочемъ, тутъ есть надъ чѣмъ по-

работать времени: постройка этихъ зданій очень прочна, самые кирпичи были работаны въ Голландіи и привозимы сюда на корабляхъ. Къ памятникамъ прошедшаго столѣтія принадлежатъ всѣ церкви въ городѣ, которыхъ считается 14. Самыми замѣчательными изъ нихъ можно почесть монастырь и соборъ. Каѳедральный соборъ во имя Св. Троицы основанъ 11-го октября 1709 года и конченъ въ 1765; онъ состоитъ изъ двухъ этажей: въ нижнемъ —теплая церковь, въ верхнемъ — холодная. Послѣдняя чрезвычайной замѣчательна своимъ благолѣпіемъ: по увѣренію многихъ, такихъ храмовъ не много находится въ Россіи. Иконостасъ, весь вызолоченный, превосходенъ по вкусу и изяществу; царскія врата тоже чрезвычайно изящны: они составлены изъ двухъ створовъ, которые открываются вполнѣ только во время архіерейскаго служенія. Всѣ стѣны собора расписаны. Четыре столба, на которыхъ опираются куполы, также заняты изображеніями Святыхъ. На западной стѣнѣ написанъ страшный судъ. Къ сожалѣнію, вся прелесть этого художественнаго фреска уничтожается хорами и колоннами, которыя заслоняютъ его. Но что всего замѣчательнѣе для всякаго Русскаго, такъ это—крестъ Петра Ве-

ликаго, сдѣланный имъ самимъ. Этотъ крестъ изъ сосноваго дерева имѣетъ въ вышину почти 5 аршинъ съ пьедесталемъ, а въ ширину 3 аршина. Концы его сдѣланы въ видѣ трехъ полукружій съ шариками на оконечностяхъ: время навело сизый цвѣтъ на поверхность креста, который сперва былъ долго на открытомъ воздухѣ. Подъ крестомъ устроенъ великолѣпный полукруглый балдахинъ, опирающійся на двѣ колонны. По бокамъ, у стѣны, два вызолоченные ангела держатъ доски, на которыхъ описано происшествіе, подавшее Петру поводъ сдѣлать этотъ крестъ. Вмѣсто разсказа объ этомъ, я приведу самыя надписи:

1) *На правой доскѣ:* «Петръ I, Самодержецъ «Всероссійскій, шествуя по Бѣлому Морю въ «1684 году въ Соловецкій монастырь и воспя«щенъ бывъ морскимъ треволненіемъ, но улу«чивъ благополучный входъ въ губу Унскими«Рогами именуемую, сей Святый Крестъ, при «Пертоминскомъ монастырѣ, гдѣ, вышедъ на «брегъ Іюня 2 дня и воспѣвъ благодарствен«ная Господу Богу, Царю Царей, Помазан«никовъ своихъ спасающему, своими сооруливъ «руками и на Монаршія возложивъ рамена, «несъ оный изъ монастыря до того самаго мѣ«ста, на которомъ послѣ буря вступилъ на

«брегъ со всею знаменитою свитою, гдѣ и по-
«ставилъ оный во славу Христа-Спасителя, на
«память грядущимъ родамъ, положивъ на под-
«ножіе креста надпись, собственною рукою
«вырѣзанную.»

Вотъ эта надпись, какъ ее и теперь можно еще видѣть, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дерево отъ сухости треснуло, и тѣмъ повредило ее:

DAT
KRUYS MA
KEN KAP
TEIN PITER
VAN A CH
S. P.
1694.

2) *На второй доскѣ:* «Александръ I, Само-
«держецъ Всероссійскій, прославляя великія
«дѣла Петра Великаго, сей Святый Крестъ,
«сто-одиннадцать лѣтъ на берегу при Перто-
«минскомъ монастырѣ стоявшій, Всемилости-
«вѣйше снисходя къ прошенію Архангельскаго
«общества, благоизволилъ повелѣть перенести
«въ градъ Архангельскъ, который со священ-
«нымъ благолѣпіемъ съ мѣста своего подъ-
«ятый и провожаемый и съ торжественною
«почестію съ Кегострова усретенный, въ семъ

«храмѣ Пресвятыя Троицы постановленъ 1805 «года, Іюня 29 дня, въ украшеніе и славу гра- «да и самимъ Государемъ Императоромъ Але- «ксандромъ Первымъ, при Высочайшемъ по- «сѣщеніи града Архангельска и осматриваніи «сего собора, достолѣпнымъ поклоненіемъ «почтенъ 1819 года Іюля 19 дня.»

Освободитель Европы преклонялся предъ этимъ крестомъ:—какой же Русскій можетъ равнодушно смотрѣть на него? Вѣчно, вѣчно, пока стоитъ земля Русская, вѣчно этотъ крестъ будетъ передавать отдаленному потомству воспоминаніе о благочестіи Великаго Петра, всегда смирявшагося предъ Царемъ Царствующихъ.—Но не одинъ этотъ крестъ Петръ оставилъ памятникомъ своихъ трехъ посѣщеній Архангельска. Въ Крестовой церкви, въ архіерейскомъ домѣ, хранятся драгоцѣнныя не по достоинству, но по значенію, вещи. Это два флага, которые поднимались на яхтѣ во время поѣздки Петра къ Поною и къ Тремъ-Островамъ въ 1693 году; потомъ карета его, подаренная Архіепископу Аѳанасію,— наконецъ три мѣдныя, небольшія пушки, взятыя съ Шведскихъ кораблей въ 1701 году, во время нападенія ихъ на Новодвинскую крѣпость. Вотъ какъ это было: Начавъ двадцати-

лѣтнюю войну со Швеціей, Петръ предвидѣлъ нападеніе Шведовъ на наше Поморье, и потому велѣлъ укрѣпить Архангельскъ и даже Холмогоры, на случай, еслибъ первый не выдержалъ осады; но не довольствуясь этимъ, онъ самъ начерталъ планъ крѣпости и велѣлъ построить ее на одномъ изъ Двинскихъ острововъ, въ 15-ти верстахъ ниже Архангельска. Ожиданіе Петра сбылось: 25 Іюня 1701 г. Шведская эскадра изъ 7 военныхъ кораблей явилась на взморьѣ. Но, не имѣя лоцмановъ, Шведскіе корабли не смѣли всѣ войти въ Двину, чтобъ не попасть на мель. Эскадра для развѣдки отправила только 2 фрегата и яхту. Вошедъ въ устье Двины, Шведы силою захватили нашихъ лоцмановъ, чтобъ тѣ провели суда ихъ. Лоцмана безъ сопротивленія покорились приказаніямъ Шведовъ,—но на душѣ было у нихъ другое. Фрегаты шли спокойно, какъ вдругъ близъ крѣпости, которая только еще начиналась строиться, Шведскія суда стали на мель. Можете вообразить бѣшенство Шведовъ, которыхъ такъ искусно *провели* Русскіе мужички, рѣшившіеся лучше умереть, чѣмъ измѣнить отечеству. Завязалась схватка, —но что̀ могли сдѣлать двое нашихъ лоцмановъ противъ 20 или болѣе Шведовъ? Одинъ

лоцманъ былъ убитъ, другой успѣлъ спастись, бросившись въ воду и счастливо вышелъ на берегъ. Онъ прибѣжалъ въ крѣпость и сказалъ комменданту ея, что Шведскія суда стоятъ на мели. Разумѣется, въ ту-же минуту были отправлены солдаты изъ крѣпости: подплывъ къ Шведскимъ судамъ, они, послѣ жестокой схватки, овладѣли яхтою и фрегатомъ; другой же фрегатъ успѣлъ сняться съ мели и очень благоразумно, хотя и постыдно, ушелъ назадъ. Это была *первая* морская побѣда наша надъ Шведами. Великодушнаго, благороднаго лоцмана звали Иванъ Рябовъ. Восхищенный этимъ подвигомъ, Петръ щедро одарилъ Рябова.

Но не угодно-ли будетъ читателю мысленно сѣсть со мною въ дребезжащія дрожки и на извощичьей лошадкѣ прокатиться отъ заставы до Соломбалы? Это путешествіе не скоро совершится: мы будемъ давать лошадкѣ маленькіе отдыхи и въ то время успѣемъ бросить бѣглый взглядъ на части города, которыя потянутся мимо насъ. Отъ самаго шлагбаума до Сѣннаго рынка, по Въѣзжему проспекту, стоятъ по правую сторону его деревянные дома разнаго калибра, а по лѣвую развалившіеся заборы. Эта часть называется Ар-

хіерейскою слободкою. Она постоянно пуста и тиха. Въ глубокой грязи дороги исчезаетъ звукъ колесъ экипажа, и на деревянныхъ троттуарахъ царствуетъ спокойствіе, нарушаемое періодически лишь мѣрнымъ звукомъ шаговъ партіи солдатъ, возвращающихся изъ мастерскихъ, или частымъ топотомъ мальчиковъ въ длинныхъ сюртукахъ, съ истрепанными книженками подъ мышкой, бѣгущихъ домой изъ семинаріи, находящейся при самомъ въѣздѣ въ городъ. Отъ Сѣннаго рынка,—или площади, состоящей изъ болота, — вдоль города тянутся четыре проспекта: набережная, Средній проспектъ, потомъ просто Проспектъ и наконецъ Новая Дорога. Все пространство это до собора составляетъ собственно *городъ*. Это названіе пошло съ давныхъ временъ, когда еще это мѣсто составляло первое ядро Архангельска. И странно: житель Архіерейской слободы, Нѣмецкой слободы, Кузнечихи, Соломбалы, идя къ собору, въ рынокъ, говоритъ, что идетъ въ *городъ*, точно какъ будто изъ дальней деревни. Кстати замѣтимъ ужъ и то, что уѣздные города Архангельской Губерніи въ устахъ народа никогда не называются городами, такъ что въ отдаленнѣйшихъ концахъ губерніи слово *городъ* значитъ именно

Архангельскъ, а не Мезень, не Кемь, не Пинега. Теперь то мѣсто, которое есть *городъ* Архангельска, занимаетъ довольно невзрачная картина пожарища; лишь кое-гдѣ торчатъ срубы новыхъ домовъ, или глядятъ маленькія окна флигелей—временныхъ жилищъ погорѣвшихъ хозяевъ. Набережная города есть базаръ, средоточіе Архангельской торговли. Осенью этотъ рынокъ наиболѣе оживляется: тогда обыкновенно бываетъ ярмарка. Но эта ярмарка не то, что ярмарка другихъ городовъ: пріѣзжихъ торговцевъ почти нѣтъ; есть впрочемъ нѣсколько тѣхъ вѣчно-странствующихъ разнощиковъ, которые не боятся разстояній. Въ досчатыхъ лабазахъ раскладываютъ они свой разнообразный товаръ и съ чудовищною дешевизною сбываютъ его. За то господствуютъ на этой ярмаркѣ Поморы: тысячи лодей окружаютъ три пристани и распространяютъ далеко по городу вовсе не ароматическій запахъ соленой рыбы. Въ прежнія времена къ этимъ берегамъ приставали купеческіе корабли, но теперь рѣка обмелѣла и доступна лишь для лодей. За рынкомъ тотчасъ начинается главная городская площадь, не мощенная, безыскуственная, съ первобытными неровностями и лужами. Она окружена съ трехъ сто-

ронъ соборомъ, церковью Архангела Михаила и Воскресенскою, а со стороны проспекта гаупвахтою. Единственнымъ украшеніемъ этой площади служитъ памятникъ Ломоносова. Памятникъ вылитъ изъ бронзы и представляетъ группу: поэтъ, приподнявъ правую руку, лѣвою принимаетъ лиру изъ рукъ генія, преклонившаго предъ нимъ колѣна. Поэтъ стоитъ на сѣверномъ полюсѣ полушарія. Пьедесталъ состоитъ изъ мраморной колонны, утвержденной на гранитномъ базисѣ; небольшая, но довольно изящная, чугунная рѣшетка окружаетъ монументъ. Къ несчастію, памятникъ теряетъ весь эффектъ свой отъ невыгоднаго мѣста. Отовсюду онъ закрытъ окружающими зданіями, особенно Думою, которая заслоняетъ собою этотъ и безъ того скромный монументъ. Подлѣ площадки находится военный плацъ; на которомъ иногда въ лѣтніе дни бываютъ разводы съ музыкою, привлекающею сюда разнохарактерную, пеструю толпу зрителей и слушателей. Далѣе стоятъ домы гражданскаго губернатора и присутственныхъ мѣстъ. Все пространство отъ рынка до этого мѣста обстроено каменными домами. Отъ присутственныхъ мѣстъ идетъ продолженіе Средняго проспекта подъ именемъ Нѣмецкой-Слободы. Уже по

одному этому названію можно заранѣе знать, какіе жители населяютъ ее. Это самая аристократическая часть Архангельска; не смотря на то, что въ ней нѣтъ ни одного каменнаго дома, она имѣетъ очень милый видъ; дома выкрашены, троттуары не угрожаютъ опасностью для ногъ, все выметено чисто и въ довершеніе — изъ-за заборовъ вырываются на улицу густыя вѣтви березъ. Въ срединѣ слободы, на набережной, стоитъ Евангелическая церковь Св. Екатерины. Тутъ же въ слободѣ разведенъ Общественный садъ. Онъ не великъ и вовсе не роскошенъ. Но Архангельская публика слишкомъ равнодушна къ нему: рѣдко, рѣдко, увидите вы въ немъ гуляющихъ, и то развѣ записныхъ мечтателей и любителей природы. Только по давнему обычаю, въ 22 и 30 Августа, когда садъ иллюминуется, собираются сюда толпы народа. Вообще говоря, публичныя увеселенія какъ-то не удаются Архангельскимъ жителямъ. Вотъ хоть возьмемъ въ примѣръ гулянья. Противъ Нѣмецкой слободы, на Двинѣ, лежитъ островъ Моисеевъ. Лѣтъ за шесть до этого вздумали учредить на немъ публичное гулянье 30 Іюля, въ память пребыванія Петра Великаго, который, по преданію, жилъ на островѣ въ

палаткѣ. Первое гулянье было торжественно и удачно. Весь Архангельскъ бросился сюда и съ наслажденіемъ прогуливался по аллеямъ, освѣщеннымъ разноцвѣтными огнями, танцовалъ подъ звуки двухъ оркестровъ и смотрѣлъ на потѣшные огни. Но на второй годъ было уже не то, а на третій—заросли аллеи травою и запала дорога на Моисеевъ. Да вотъ кстати ужъ объ увеселеніяхъ. Не далеко отъ сада стоитъ огромное деревянное зданіе театра, еще недавно конченное. Но тщетно театръ ожидаетъ зрителей: нѣтъ актеровъ. Были, да уѣхали, давъ нѣсколько водевилей, фарсовъ и даже трагедіи. Публика, по обычаю, бросилась сперва толпою въ театръ,—получила понятіе о сценѣ, похохотала шуткамъ — и довольно. Также нѣкогда было-жило благородное собраніе; но и оно отжило свой вѣкъ, Богъ знаетъ, отъ чего все это произошло: потому-ли, что Архангелогородцы находятъ удовольствіе въ семейной жизни, у домашняго очага, или потому, что несчастный пожаръ разстроилъ веселый ладъ прежней общественной жизни. Но у Нѣмецкаго народонаселенія все идетъ прежнимъ порядкомъ. Они составляютъ денежную аристократію города, слѣдовательно аристократію

довольно могущественную. Они знакомы только между собою, и въ очарованный кругъ свой не пускаютъ постороннихъ. Конторщики, писцы, портные, отдѣлавшись отъ хлопотъ шести рабочихъ дней, являются въ клубъ, играютъ въ карты, курятъ и читаютъ газеты, — а въ назначенные дни баловъ танцуютъ до упаду, съ удивительнымъ усердіемъ. Нѣмца легко узнать въ Архангельскѣ: если идетъ господинъ чисто одѣтый, поднявъ голову вверхъ, шагами скорыми, чуть не бѣгомъ, — это Нѣмецъ. Нѣмецкіе мальчики совершенно подобны этому—только съ прибавленіемъ воротниковъ рубашки. Но, довольно о Нѣмцахъ. Разставаясь однакожъ съ Нѣмецкою слободой, нельзя пропустить безъ вниманія домовъ Брандта. Они расположены въ двухъ кварталахъ. Домъ, въ которомъ живетъ семейство Брандта, составляетъ лучшее украшеніе Нѣмецкой Слободы; подлѣ него былъ такой же, но онъ сгорѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Садъ при этомъ домѣ единственный въ цѣлой губерніи, и съ какимъ вкусомъ онъ устроенъ, какія рѣдкія растенія въ немъ разведены! Подлѣ него возвышается громадный сахарный заводъ изящной архитектуры. По увѣренію нѣкоторыхъ, онъ второй въ Россіи по величинѣ послѣ Рижскаго.

За Нѣмецкою Слободою начинается Кузнечевское селеніе, или просто Кузнечиха. Перпендикулярно къ главному проспекту ея идетъ множество улицъ, въ которыхъ дома разставлены по совершенному произволу доморощенныхъ архитекторовъ. Есть улицы, въ которыхъ съ трудомъ можно проѣхать въ телѣгѣ. Крошечные, утлые домишки, готовые, кажется, съ первымъ порывомъ вѣтра унестись, Богъ знаетъ куда, составляютъ Кузнечиху. У каждаго домика непремѣнно есть огородъ съ длинными грядами луку, чесноку, капусты. Кузнечиха населена солдатами,— они преимущественно встрѣчаются на доскахъ, кое-какъ набросанныхъ посреди улицъ , въ замѣнъ троттуаровъ. Послѣднимъ пунктомъ Архангельска по Двинѣ служитъ Морской Госпиталь, расположенный въ прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ. Отрадно вспомнить мнѣ объ этомъ госпиталѣ: въ одномъ изъ его зданій живетъ съ единственнымъ другомъ своимъ — наукою — благородный другъ человѣчества Д-ръ А. А. В — ій.

Мимо Кузнечихи протекаетъ рукавъ Двины, носящій это же названіе. На другой сторонѣ этой рѣки — островъ Соломбала, соединяющійся съ городомъ посредствомъ моста.

Низменный, довольно большой островъ Соломбала образуется отъ протоковъ Двины: съ восточной стороны Кузнечихи, съ западной— Березовскимъ устьемъ и наконецъ рѣчкою Маймаксою. Онъ занимаетъ пространство въ 2 кв. версты. Грунтъ этого острова твердый и сухой. Низменность береговъ и глубина фарватера, проходящаго вплоть береговъ, дала Петру Великому мысль устроить на Соломбалѣ верфь. Адмиралтейство съ его доками, зданіями и кранами прямо представляется взору, когда со Средняго проспекта въѣдешь на набережную къ Кузнечевскому мосту. Адмиралтейство состоитъ изъ трехъ частей, отдѣляющихся одно отъ другой мелкими рѣчками. На стрѣлкѣ, или на мысу, образуемомъ развѣтвленіемъ рѣки, находится *Старое* Адмиралтейство, потомъ *Лѣсное,* и наконецъ *Новое.* Постройка большихъ военныхъ кораблей, фрегатовъ и бриговъ производится на Новомъ; на Старомъ только строятъ ластовыя мелкія суда. Недавно эллинги Новаго Адмиралтейства покрыты прекраснымъ докомъ. Но къ сожалѣнію, корабли при спускѣ встрѣчаютъ препятствіе отъ мели, которая противъ самаго адмиралтейства растянулось параллельно съ нимъ отъ Моисеева острова, оставивъ

глубокій, быстрый, но тѣсный протокъ. Часто громадный корабль, стрѣлою спустившись съ элинга, жестоко ударяется о мель, не смотря на всѣ мѣры предосторожности. На сѣверо-западномъ углу адмиралтейства подлѣ большаго дока устроенъ деревянный бастіонъ съ баттареею, надъ которою господствуетъ флагштокъ съ развѣвающимся флагомъ. Далѣе по теченію Двины, тотчасъ за адмиралтействомъ, начинается купеческій портъ или гавань. Берегъ гавани весь укрѣпленъ и такъ приглубъ, что корабли могутъ подходить къ нему вплоть; это самое главное изъ удобствъ для нагрузки и выгрузки. Кстати замѣтить, что всѣ корабли, какіе только приходятъ сюда, всегда привозятъ съ собою только балластъ, и благодаря этому, Соломбала составила свою почву изъ разнороднѣйшихъ пластовъ береговъ Нѣмецкаго Моря. Рѣдкіе только корабли, приходящіе изъ Америки, привозятъ колоніальныя произведенія. Люблю я смотрѣть на гавань въ часы суетливой жизни ея; люблю слушать этотъ нестройный, разнообразный до безконечности шумъ, въ которомъ звуки чужой рѣчи сливаются съ звуками родной рѣчи,—и этотъ визгъ блоковъ, это звонкое бряцанье брашпиля: и слышится мнѣ въ этомъ гулѣ голосъ

дружбы и мира, которымъ привѣтствуютъ другъ друга отдаленные народы..... Но еще больше люблю я смотрѣть на гавань въ часъ вечернихъ сумерекъ, когда утихла хлопотливость и на мачтахъ кораблей не вѣютъ флаги; вода какъ растопленное золото, двигатель торговли — спокойно и ласково журчитъ около якорныхъ канатовъ и съ нѣжностью плещетъ въ гордыя груди кораблей; и эти плески—лобзанья матери: какъ свое любимое дитя, вода цалуетъ корабли,—и спитъ дитя, убаюканное меланхолическою, нѣжною пѣснію. Но не предавайся сладостному, обманчивому покою, мой бѣдный, бѣдный корабль! Не вѣрь ласковымъ рѣчамъ обаятельной волны, не глядись такъ гордо въ ея зеркальную гладь!.... Слышишь — вдали гудитъ вѣтеръ, — видишь какъ обрадовалась рѣка? Держись же, держись крѣпче за дно, ухватись что есть силы своею желѣзною рукою; готовься же къ бою на жизнь и на смерть, готовься, мой бѣдный корабль!

Вся набережная гавани обстроена очень благовидными деревянными домиками; въ нихъ большею частію помѣщаются купеческія конторы съ надписью «Office,» пакгаузы, да еще три—четыре гостинницы съ общимъ названіемъ «London» и съ вывѣскою, на которой

намалевано нѣчто похожее на корабль. Въ этихъ тавернахъ собираются и *каптины*, какъ здѣсь называютъ корабельщиковъ, и *асеи*,* т. е. простые матросы. Въ цѣлой Соломбалѣ въ высшей степени развился духъ коммерческій: народонаселеніе ея состоитъ изъ рабочихъ экипажей, служащихъ при портѣ; жены и дочери ихъ, пока мужья заняты своими трудами, не хотятъ жить праздно, и— торгуютъ. Чтобъ завести торговлю, онѣ не думаютъ о большихъ капиталахъ; скопятъ кое-какъ рублей 20, 30, купятъ у приплывающихъ на баркахъ Вологжанъ разной деревянной посуды, бураковъ, ковшей, расписныхъ чашекъ, ложекъ и всякой дряни; уставятъ все это въ импровизованной лавочкѣ по полкамъ и на прилавкѣ,—наконецъ выучатъ твердо по-англійски счетъ отъ единицы до ста и зазываютъ покупщиковъ. Изъ этихъ безчисленныхъ лавочекъ, да еще изъ оконъ квартиръ сапожниковъ каждую минуту слышатся преуморительные возгласы: «ватъ ю вантетъ,

* Названіе *асей* произошло отъ Англійскаго слова *I say* послушай), обыкновенно употребляемое Англійскимъ простолюдиномъ, какъ у насъ «слышь». Но народъ, кромѣ асея, называетъ здѣсь всѣхъ иностранцевъ *Голландцами*, такъ какъ они были первые приходившіе сюда иноземцы во время Петра Великаго.

асей!»—«Баемъ бучь, шусь, асей! Комъ сюда! Вери гудъ бучь, шусь!» Уличные мальчишки тоже заразились духомъ корыстолюбія: съ наглостію пристаютъ они къ какому нибудь важному, солидному каптину и неотвязчиво кричатъ ему: «асей, асей! дай *ту* копѣйки!» Но развитіе меркантильности произвело то, что Соломбала считается мастерскою Архангельска. Все, что вамъ угодно, вы можете заказать тамъ, и все это будетъ сдѣлано прекрасно: по всѣмъ мастерствамъ тамъ есть искусные люди. Лѣтомъ Соломбала чрезвычайно живописна и оживлена; въ ней вѣчно кипитъ народъ разныхъ націй; городъ, въ сравненіи съ Соломбалою, кажется пустынею. Да вотъ не угодно-ли я раскажу, какія картины можно иногда видѣть въ этомъ селеніи. Начнемъ съ весны. Когда Двина вскрывается, то очень часто случается, что ледъ въ извилинахъ устіи остановится, наполнивъ собою все русло, такъ что водѣ некуда прорваться. И вотъ рѣка вздувается, хлынетъ на берега и далеко топитъ низменное взморье. Въ этомъ случаѣ достается и Соломбалѣ: вода съ ревомъ разливается по улицамъ; иногда какая нибудь льдина разбиваетъ ветхій домишка, или погребаетъ его подъ собою. Первая минута такихъ

наводненій ужасна: но потомъ вода становится спокойнѣе, взойдетъ солнце, — и Соломбальскія улицы превращаются въ Венеціанскія. Всякій житель непремѣнно имѣетъ лодочку, и въ этомъ экипажѣ дѣлаетъ визиты своимъ знакомымъ, ѣздитъ по дѣламъ. Такъ продолжается иногда дня три, а въ низкихъ мѣстахъ и больше. На такую картину стоитъ посмотрѣть.—Но вотъ адмиралтейство объявляетъ о спускѣ новаго сына. Спускъ корабля! Спускъ!—Ну, какъ не посмотрѣть на это! И вотъ все, что можетъ итти, идетъ и ѣдетъ на спускъ, какъ на праздникъ. И точно: развѣ это не праздникъ для глазъ? Я увѣренъ, что многимъ изъ читателей нашихъ не удавалось видѣть спуска громаднаго корабля, и многимъ очень хочется посмотрѣть на него. Въ этомъ случаѣ они могутъ позавидовать Архангельскимъ жителямъ. Каждый почти годъ имъ удается увидѣть спускъ и всякій разъ съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя равнодушно смотрѣть на эту картину: корабль представляется воображенію нашему чѣмъ-то одушевленнымъ; онъ какъ будто не кусокъ, не масса дерева, сплоченнаго желѣзомъ, но воплощенная мысль человѣка, незнающая себѣ преградъ. И не даромъ гремитъ пальба при спу-

скѣ, — эта пальба соотвѣтствуетъ величію страшной громады, не напрасно звучитъ музыка! Любо человѣку видѣть силу ума и рукъ своихъ — а гдѣ же еще видимъ эту силу, какъ не въ созданіи корабля: пѣніемъ и пляскою торжествовалъ Ной построеніе ковчега. — И вотъ гордый исполинъ мало-по-малу надѣваетъ свои доспѣхи: онъ уже полуготовъ къ походу, — остается лишь завязать кое-какія мелочныя принадлежности костюма, да запастись чѣмъ-нибудь на дорогу. Но еще не расправляетъ онъ мышцъ своихъ, еще не садится онъ на коня, — тѣсно ему на маломъ лугу, — нужно ему безпредѣльное поле. Вѣрные оруженосцы берутъ его подъ руки и тихо идетъ исполинъ, опираясь на нихъ. Все прощается съ нимъ, и ласково онъ отвѣчаетъ на прощальныя звуки: можетъ быть, онъ остался бы здѣсь въ объятіяхъ друзей, — но нѣтъ, нѣтъ! Его зоветъ долгъ на службу отечеству. Для этого долга онъ забываетъ все — и безстрашно пускается въ дальній походъ. Прощай! Да сопутствуетъ тебѣ благословеніе Божіе!

В. Верещагинъ.